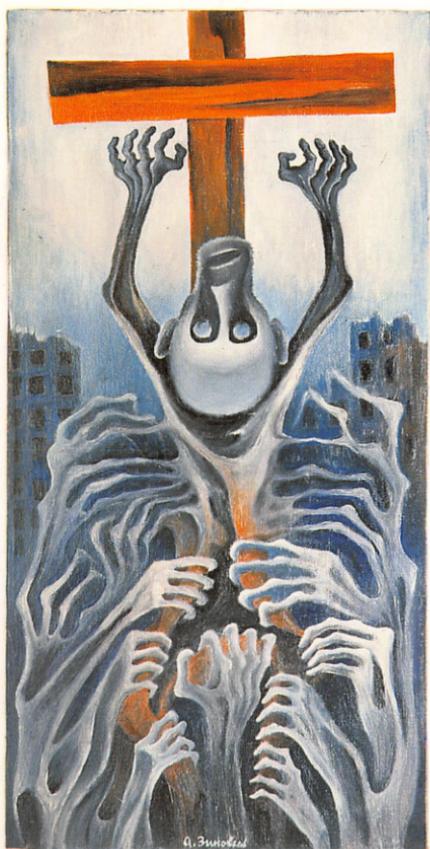

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ИДИ
НА ГОЛГОФУ

L'AGE D'HOMME

Иди на Голгофу

Александр Зиновьев

ИДИ НА ГОЛГОФУ

L'Age d'Homme

Copyright 1985 by Editions L'Age d'Homme,
10, Métropole, Lausanne (Suisse).

Вынужденное предисловие

Эта книга была закончена уже в 1982 году. В дальнейшем она подверглась лишь незначительным переделкам. Моя жизнь в то время сложилась так, что особого рода "почитатели" моего творчества получили доступ к моим рукописям. Помимо рукописи этой книги та же судьба постигла рукопись другой книги, "Хиви", написанной примерно в то же время. Был даже довольно продолжительный период, когда я сам был лишен доступа к моим рукописям, и судьба их мне была не известна. Я тогда об этом неоднократно заявлял в моих интервью для прессы. Когда я получил свои рукописи обратно, то по ряду причин не смог опубликовать их немедленно с целью самозащиты, как я это был вынужден сделать в свое время с книгой "Желтый дом". Одна из этих причин состоит в том, что мой издатель выпускал в это время в свет мои другие работы и просто не мог опубликовать еще две.

Я считаю необходимым заявить обо всем этом, так как попытки деморализовать и дискредитировать меня самыми подлыми методами упомянутые "почитатели" моего творчества не прекращали все годы моего пребывания на Западе и судя по всему намерены продолжать их и впредь.

К счастью, у меня сохранилась рукопись книги "Иди на Голгофу", почти полностью написанная от руки, а также достаточно большое число написанных от руки страниц книги "Живи". Я убежден в том, что криминалистическая экспертиза без особого труда может датировать время написания этих книг. Кроме того, современный лингвистический анализ может подтвердить это со своей стороны.

Не исключено, что содержание рукописи следующей моей книги, которая будет называться "Пара Беллум", которую я закончил в конце 1984 года и намереваюсь опубликовать в 1986 году, тоже стало известно упомянутым "почитателям". Я хочу предупредить всяческих охотников до моих рукописей о том, что рукописи или копии рукописей моих книг находятся на сохранении в банке, где точно зафиксирована дата, когда они были туда помещены, так что всякие злоупотребления на этот счет теряют смысл.

Думаю, что в конечном счете страна, прибегающая к подлым методам травли неугодных ей ее бывших граждан, так или иначе

будет за это наказана. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. В моих книгах, статьях и устных выступлениях я стремился к реалистическому и объективному описанию советского общества, за что я заработал здесь репутацию апологета коммунизма и даже советского агента. Все эти годы на Западе я жил в атмосфере ложных слухов по моему адресу, клеветы, травли. Участие в этом моих бывших соотечественников было всегда ошутимо, а порою граничило со смертельной опасностью для меня. И что бы обо мне ни думали и ни говорили живущие на Западе люди, независимо от их мнения я должен к моему великому сожалению признать, что моя бывшая родина не заслуживает никакого морального уважения, что она превратилась в воплощение подлости и пошлости коммунистической тенденции эволюции человечества. В моей дальнейшей литературной и научной деятельности я намерен сделать все зависящее от меня, чтобы изображать советское общество без всякого снисхождения к неким трудным обстоятельствам его истории. Эти обстоятельства давно исчерпали себя. И привычка этой страны ко всеобъемлющей и всепроникающей подлости стала ее подлинной натурой.

Мюнхен, июль 1985 г.

Пролог

Солнечный луч выскочил из-за высотного здания гостиницы "Волга", скользнул по лысине В.И.Ленина, высеченного "в натуральную величину" (как сказал сам товарищ Сусликов - первый секретарь Областного Комитета КПСС) из красного гранитного монолита высотой в пятнадцать метров, промчался вдоль по улице Горького мимо купеческих и дворянских особняков, в которых теперь разместились руководящие учреждения области, на миг задержался на здании Областного Управления КГБ, как бы обозначив свою благонадежность, и устремился в Новые Липки - новый жилой район города, воздвигнутый по аналогии с московскими Новыми Черемушками "как знаменательная веха на пути нашего неуклонного движения вперед, к полному коммунизму" (это опять-таки исторически подлинное слова самого товарища Сусликова). Ворвавшись в Новые Липки, вышеупомянутый солнечный луч осветил помойку, в которой уже деловито рылись голуби и кошки, и замер на безмятежном лике Ивана Лаптева - известного в городе Энске тунеядца, пьяницы, поэта и проповедника, отсыпавшегося после вчерашнего перепоя в

песочнице на детской площадке. Вчера он слишком поздно вернулся "домой", и жильцы квартиры, где он снимал койку, в наказание не открыли ему дверь. Почувствовав приветливое тепло первого солнечного луча, Лаптев раскрыл свои ясные, как голубое безоблачное небо, очи, вытряхнул песок из бороды и кудрей своих, потянулся, широко зевнул и издал звук, от которого испуганные голуби вспорхнули на крышу ближайшего дома, а кошки стремительно взлетели на деревья. "Боже, как хорошо жить на свете," - прошептал он и побрел к крану, к которому дворничиха присоединила резиновую "кишку" для поливки двора.

О том, что произошло дальше, вам расскажет сам Иван Лаптев. Говорить - его призвание и профессия. Как отнестись к его словам, решайте сами. Он искренен и чистосердечен, и потому его слова заслуживают доверия. Но он искренен и чистосердечен по-русски. А мы, русские, утратили критерии различия правды и вымысла. Мы с упоением верим в ложь и с остервенением опровергаем очевидные истины. И потому слова моего рассказчика заслуживают, безусловно, сомнения.

Мюнхен, 1982 г.

Мазохистская повесть

Именно так и случилось: вчера мы "загулялись" далеко за полночь, и ночевать мне пришлось во дворе, в песочнице, на детской площадке. Холодно, неудобно, но зато гигиенично. И вот,

Мутит живот. Распухла голова,
И я облечь стараюсь упрямо
В бессвязные похабные слова
Безвыходную жизненную драму.

Но не пугайтесь, я вас этими словами потчевать не буду. Я же - сам Бог, а Бог, выражающийся матом, - это комично и несколько снижает самую идею Бога. Итак, я начинаю. Начинаю в возвышенном стиле (как говорится, за здравие), но надолго меня не хватит, и я закончу в стиле прямо противоположном (за упокой).

Человек! Оставь на минуту свои дела и заботы! Выслушай эту повесть. В ней нет ничего поучительного. Зато в ней есть нечто более важное, - страдание. Мы, русские, имеем богатый исторический опыт по этой части. Страдания стали нашим привычным образом жизни и нашей натурой. Мы страдаем с выдумкой, с талантом, с большим

мужеством и терпением, можно сказать - профессионально. И, конечно, с наслаждением. Мы, русские, поставляем в мировую культуру не только коммунистические идеи, шпионов, водку, иконы и "матрешек", но и первоклассных страдальцев. Но не спешите зачислять нас в медицинские мазохисты. Мы бы рады получать удовольствие от вещей приятных. Но они выпадают на нашу долю так редко, что мы относимся к ним с подозрением, когда это происходит, и страдаем от того, что мы это приятное скоро все равно потеряем. Наше страдание - эпохальное. И оно рождает нового Бога. Но наша эпоха по горло наглоталась противозачаточных средств. И если она в конце концов родит бога, то это будет Бог-урод, Бог уродов и Бог уродства, Бог самоистязания.

Русский Бог - явление очень странное. Он самые чистые и святые мысли выражает самым грязным и греховным языком в мире. Можете себе вообразить, как выглядел бы Новый Завет, если бы Христос появился в России, да еще в нашем захолустье! Возьмите хотя бы одну Нагорную проповедь и изложите ее в языке русских "храмов"-забегаловок! Нет, лучше не надо. Русский Бог высказывает трезвые суждения лишь в безобразно пьяном виде, а когда он и трезв, он порет чепуху. Так что если в дальнейшем я скажу вам что-то умное, знайте: я был в это время пьян. Ну, а если вам встретится чушь, то порол я ее на трезвую голову.

Мир входящему

Известный в городе интеллеktуал, печатающий свои прогрессивные сочинения в столичных журналах, окрестил своего пятилетнего сына. Поскольку у меня репутация человека, причастного к религии, меня пригласили на выпивку по этому поводу. Когда гости основательно упились, меня попросили сочинить стих в честь новорожденного.

Входи, родившийся, в прекрасный мир земной.

Включайсь скорей в людское наше братство.

Входи! И в путь спеши за мной

Познать земное щедрое богатство.

Так начал я свою импровизацию. Мне аплодировали. Потом я говорил о родителях, которые научат новорожденного основам жизни, об учителях, обучающих грамоте, о друзьях, протягивающих руку и подставляющих плечо, о женщинах, сулящих блаженство, о соратниках, зовущих в поход, о развлечениях и прочих атрибутах жизни. Мне опять аплодировали. Потом я сказал "но". "Но скоро случится так, - сказал я, - что близкие станут чужими, они обвинят тебя в неблагодарности, а ты будешь жесток и беспощаден с ними;

учителя проклянут за то, что ты не последовал их заветам, а ты обвинишь их в лжеучении; женщина изменит, наслаждения жизнью породят скуку, опустошение, разочарование. И ты будешь одинок и никому не нужен..." На сей раз слушатели не аплодировали. Одни подавленно молчали: мол, что правда, то правда. Другие гневались: мол, нельзя так мрачно смотреть на жизнь, мол, живем же мы, и не так уж плохо живем, не голодаем, спим не на улице, выпить что имеем.

Испив до дна цветов земли нектар,
Поймешь, что горек он, хотя казался сладок.
И станешь вдруг ты безнадежно стар.
Лицо покроет сеть глубоких складок.
Увидишь, что назад дороги нет.
Зачем была, ты спросишь, жизнь-мороза?
Ты станешь мудр. Ты сам найдешь ответ:
Для никому ненужного урока.

Так закончил я свою импровизацию. Настроение у гостей окончательно испортилось. Решили, что пора расходиться по домам. Еле стоявший на ногах хозяин сказал на прощание, что "эти сволочи" (он имел в виду реакционные силы нашего общества) наверняка закатят ему выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку, так что придется целый год изображать политическую зрелость и активность, чтобы этот выговор снять. По дороге домой меня остановили здоровые парни (их было четверо на одного), обыскали мои карманы; не обнаружив в них ничего, дали мне пару оплеух и пообещали в следующий раз оторвать бороду, если мои карманы снова будут пусты. Я обещал исправиться. Входи, родившийся, в прекрасный мир земной! Входи и вкуси от радостей бытия!

Ночь

Лучше умереть среди людей, чем быть живым на безлюдьи. Но есть состояние еще страшее: быть среди множества людей, для которых тебя нет. Это состояние может сравниться лишь с состоянием всемогущего Бога в обществе атеистов. В такие минуты я бьюсь головой о стену. Бьюсь не в переносном, а в прямом смысле слова. Причем, бьюсь о кирпичную стену, которая выходит на улицу: не слышно ударов. Я не хочу тревожить соседей по квартире и хозяев комнаты, где я за десять рублей в месяц снимаю "угол". "Боже, - шепчу я, - помоги мне пережить это бесконечное мгновение одиночества!" Но молитва моя тщетна, ибо я сам и есть Бог, а Бог не может облегчить собственные страдания. Он может лишь облегчить

страдания других, умножив тем самым свои собственные. Бог есть всеобщий врач, неспособный лечить себя и берущий на себя болезни всех излечиваемых им.

- Ну и жилец попался! - слышу я, как говорит хозяйка мужу, - псих какой-то. Все ночи напролет ворочается. Со следующего месяца пусть на пятерку больше платит или пусть катится к чертовой матери!

Утро

Жизнь коротка, но каждое ее отдельное мгновение долго. Особенно когда стоишь в длинной очереди к начальнику милиции. В такие мгновения в голову приходят самые дикие идеи.

- Ну, Лаптев, - спросил начальник вместо приветствия, когда наконец-то подошла моя очередь, и я предстал пред его суровым, но справедливым взором, - что ты на сей раз надумал?

- Хочу изобрести новую религию. Чем я хуже Христа, Будды, Конфуция или Магомета? Вот возьму и придумаю. Делать все равно нечего, а от мыслей голова пухнет.

- Насколько я вижу, у тебя не голова, а морда распухла. И, очевидно, не от мыслей. Работать, Лаптев, надо. Тогда не до мыслей будет.

- мудро сказано. Первая предпосылка всякой религии - мыслящее безделье. Занятой человек не способен придумать даже паршивый анекдот, а не то что религию. Между прочим, Будда полсотни лет бездельничал, пока не додумался до нескольких банальных постулатов своей веры.

- Это было при капитализме, Лаптев. Мы бы такого не допустили. У нас тебе бездельничать и полгода не позволим, не надейся. И зачем тебе, Лаптев, новую религию выдумывать, если мы от старых до сих пор избавиться никак не можем?

- Имеется много причин для этого. Во-первых, я толком не знаю старых религий. Я пытался познакомиться с ними, но тут же отказался, обуреваемый скукой. Мне легче самому выдумать новую религию, чем изучать старые. Во-вторых, старые религии суть старые в буквальном смысле слова: они суть умирающие религии, они просто-напросто устарели. Они суть пережиток прошлого - в этом я полностью согласен с нашей идеологией и пропагандой. А после того, как главу русской православной церкви наградили орденом за заслуги перед советской властью, я окончательно убедился в том, что старые религии утратили религиозную сущность, сохранив лишь ее видимость. Я же жажду подлинности. Лучше кустарная подлинность, чем культивируемая веками видимость. В-третьих, я горд и честолюбив. С какой стати я должен следовать за каким-то индусом, евреем или арабом? Мы, русские Иваны, прокладываем новые пути человечеству. Мы и в космос

первыми вышли. Так почему бы нам не стать новаторами и в сфере религии и не изобрести своё собственное, допустим, иванианство? А лучше по имени создателя - лаптизм или лаптианство.

- Насчет космоса ты правильно сказал. Но ты же, Лаптев, в университете учился. Должен знать, что общество наше антирелигиозное.

- Вы правы, как всегда. Но я думаю, что это явление преходящее. Со временем наши духовные вожди возьмут и дело религиозного прогресса в свои руки. Трудно предвидеть, в какой форме это произойдет - изберут патриарха в Политбюро ЦК КПСС или члена Политбюро назначат патриархом.

- А ты, Лаптев, не дурак! Дельная идея! Непременно расскажу об этом на заседании бюро Обкома. Обсмеются! Ну, иди пока. И не забывай: труд - лучшее лекарство от вздорных идей и замыслов. Патриарх - член Политбюро! Ха-ха-ха! Ну и шутник ты, Лаптев!

А между тем я не шутил. Примеров единения церкви и партии я могу привести сколько угодно. Наш главный городской поп, например, имеет высшее гуманитарное образование и ученую степень, за что его не любят высшие чины церкви. Иногда его приглашают на заседания бюро Областного комитета партии, - когда в очередной раз обсуждается вопрос о борьбе с пьянством и о поднятии морального уровня молодежи. Недавно он напечатал в газете статью, в коей утверждал, что советская власть - от Бога. И его никто не опровергает до сих пор.

Покинув отделение милиции, я подумал, что к старым религиям нельзя относиться нигилистически. Это был бы левацкий загиб. Хотя я их не знаю, но все же в качестве одного из источников моей собственной религии использовать должен. Критически переработав, конечно. В согласии с традицией марксизма-ленинизма, за который я в университете получил "пятерку": можешь черпать свои идеи из любого источника, только не забудь по использованию последнего плюнуть в него.

Я - Бог

Будем рассуждать чисто логически. Если Бог по определению есть существо, создающее религию, то я по определению самого понятия Бога есть Бог. Какая примитивная логическая операция и какой грандиозный вывод! В нашей жизни вообще результаты не адекватны усилиям. Оглянитесь вокруг! Сколько людей без усилий имеют все и сколько прилагает титанические усилия, чтобы получить в итоге ничто! Слушайте и мотайте на ус! Я уже исполняю свой долг - завлекая ваши души в сети моей системы жизни. Следуйте за мной, и я научу вас двигать миром, не прикасаясь к нему пальцами.

Да, я Бог. Но не спешите завидовать и возмущаться. Бог - это не

очень-то приятное занятие. Если есть Бог, это хорошо для окружающих. Но быть Богом - плохо для самого Бога. Ему теперь мало кто верит. Еще многие верят в него. Но это не есть вера ему. Это есть лишь неверие себе и в себя. Люди, далее, могут обращаться к Богу, жаловаться ему, просить его о чем-то. А к кому может обратиться сам Бог? К самому себе? Проверьте это на себе, и вы убедитесь в том, что это бессмысленно. Богу не к кому обращаться, некому жаловаться, не на кого надеяться. Он во всем должен рассчитывать только на себя. Не на людей же ему рассчитывать! Не к людям же обращаться! Он и есть только потому, что на людей могут рассчитывать только идиоты, жулики, проходимцы, одержимые корыстью и тщеславием. Бог есть абсолютное одиночество и абсолютная безнадежность. Я понимаю положение Бога, ибо постоянно испытываю это сам.

Наше революционное во всем время внесло, правда, в это дело свою поправку: теперь Бог может обратиться в административную комиссию по принудительному трудоустройству. Но это - самая крайняя мера. К ней следует прибегать лишь тогда, когда уже не остается ничего другого. Мое положение, скажем прямо, незавидное. А я и то стараюсь от нее уклониться.

Люди! Не завидуйте Богу, ибо быть Богом - очень плохо для него самого. И не осуждайте того, кто решился стать Богом, ибо он достоин сочувствия.

Вспомните Христа!

Быть Богом - это значит идти на Голгофу.

Мое учение

Путь на Голгофу тернист и ухабист. В нашей стране он проходит через питейные заведения, общее имя которых - "забегаловка". Я ничего не имею против этого, ибо забегаловка есть главный храм, где я проповедую свое учение и нахожу учеников. Для них я сочиняю молитвы и назидания, обычно - в стихах. Пусть это вас не удивляет. Христос тоже выражался стихами. Будда пел под гитару. А Магомет - тот даже выл со страшной силой. "Молитвы" мои молниеносно расплозаются по городу, и уже на другой день я не могу доказать свое авторство. Но я к этому и не стремлюсь. На жизнь этими "молитвами" не заработаешь. А если установят авторство, не оберешься неприятностей. Начальник милиции, который на сей раз обошелся со мною по-отечески, так и сказал: пей, с бабами валандайся, трепись, фокусы показывай, но стишки брось! Если узнаю, что стишками балуешься, в два счета выселю из города. В городе мои стишки называют "Евангелием для Ивана". Говорят, кто-то собирает их как народное, т.е. как коллективное творчество. Я сам не собираю и даже не запоминаю. Если я вспоминаю ранее

сочиненную молитву, я каждый раз изобретаю ее заново. Со временем я вас познакомлю с некоторыми моими сочинениями такого рода. Если, конечно, будет подходящее настроение.

Мое учение не сводится к "Евангелию". Оно состоит из "небесной" и "земной" частей. Небесная часть - не обязательно стихи, а в стихах есть много из земной части учения. Различие этих частей глубже. В небесной части явно или неявно предполагается существование божественной субстанции в мире, - существование чего-то чистого, светлого, возвышенного. Эта часть полна грусти и страдательности, порою - в форме призыва к бесшабашной и разгульной жизни. Не понимайте это буквально. Это - лишь словесная форма. В нашем обществе такая жизнь в реальности есть грязь, пошлость, убожество. В земной же части я явно предполагаю реальные условия жизни нашего общества. Причем, предполагаю как вечный и нерушимый базис нашего бытия. Эта часть состоит из описаний реальности и практических советов, как наилучшим образом прожить жизнь в этой реальности, не вкладывая свою душу в борьбу за существование.

Я постепенно познакомлю вас с обеими частями своего учения. Если, конечно, меня не перехватят власти и не засадят в сумасшедший дом как замаскировавшегося шизофреника, не вышлют из города как хронического тудеядца или не посадят в тюрьму как явного мошенника. Все эти три действия властей одинаково возможны. Меня пока спасает то, что попытки превратить эти возможности в действительность предпринимаются одновременно, и соответствующие отделы органов власти либо надеются друг на друга, и потому я выпадаю из поля их внимания, либо вступают в конфликт с теми же последствиями.

Мои враги

Христос, Будда и Магомет начали свой земной путь с приобретения немногих учеников и защитников. Я же начал его с того, что приобрел многочисленных врагов и опровергателей. Я имею в виду не власть: власть есть власть, а не враг. Враг - это твой собрат. В первую очередь это - прогрессивные интеллектуалы. Не отождествляйте их с книжниками времен Христа. Ничего подобного в те времена не было. Это - специфический продукт современной культуры. Интеллектуалы - особый слой, существующий за счет культуры общества, а не для нее. Их ум извращен, их образованность поверхностна и хаотична, их самомнение и тщеславие непомерны. Они распространяют обо мне мнение, будто я - шарлатан и жулик. Они увлекаются буддизмом, йогой, религиозной русской философией, парапсихологией... Но у них это - дань моде и чисто внешний атрибут некоей культуры. Я их игнорирую.

На втором месте после интеллектуалов идут мои непосредственные

конкуренты. Да, представьте себе, конкуренты! В нашем городишке не меньше десятка проходимцев и бездельников, претендующих на ту же роль, что и я. И эти мерзавцы-"боги" причиняют мне массу неприятностей. Поскольку я превосхожу их по своим способностям и популярности, они кипят злобой ко мне, клеветают и строчат доносы. Начальник милиции, о котором я уже упоминал, сказал как-то в порыве откровенности, что им лично на меня наплевать, они лично мне даже симпатизируют, но есть сигналы, и они обязаны на них реагировать. Они ведь тоже не боги, у них ведь тоже есть высшее начальство, им ведь тоже всякая сволота покоя не дает. Я его понимаю.

Судившие Христа тоже лишь выполняли волю народа.

Мои конкуренты грызутся между собою и пакостят друг другу. Но у них все же есть некоторое единство. Они все примерно одинаковы и одинаково ничтожны. Я же и внешне и внутренне явно превосхожу их и не хочу с ними общаться. Я есть Бог-одиночка. Я из принципа одинок, ибо Бог не может быть членом мафии. Но даже Бог бессилен перед мощью мафии. Я мощь этой мафии ощущаю постоянно. Я пока откупаюсь от нее, предоставляя им возможность обирать граждан материально и довольствуясь для себя лишь крохами. Практически я им не мешаю в этом деле, а злоба их не уменьшается. Почему? Они хотят быть не просто богами, но благополучными, сытыми богами. А мой пример говорит им о том, что Бог не может быть сыт и благополучен.

Конкурентов я игнорировать, как интеллектуалов, не могу. Я должен быть с ними всегда начеку, иначе они подловят и избьют. А то и убить могут - у нас и такое случается.

Моя профессия

Когда я еще был студентом, во дворе дома, где я жил, произошел такой случай. Степенный рабочий, отец троих детей, выпивавший не больше других, убил девчонку из нашего же дома. Убил, чтобы взять у нее деньги на водку: ему до зарезу надо было похмелиться. Девочка шла в магазин за продуктами. Денег у нее было меньше десятки. Но убийце хватило на поллитра. Купив водку, убийца вернулся в подвал, куда он затащил труп, выпил водку и заснул около жертвы мертвецким сном. Там его и нашли. Хотя случай был прозрачно ясен, произошло нечто невероятное: вину на себя взял другой человек, окончательно спившийся и опустившийся забулдыга, из числа тех, кто околачивался в районе винно-водочного магазина. Он заявил, что это он убил девочку, а деньги он пропил вместе с обвиняемым. Забудыгу осудили. Через несколько дней рабочий повесился, оставив покаянную записку. Судьба забулдыги мне осталась неизвестной.

Этот случай глубоко запал мне в душу. Я часто вспоминал и анализировал его. "Как же так получается? - думал я. - Один человек за гроши убивает другого. В нем нет никаких внутренних сдерживающих начал. Будучи уверен в безнаказанности, он делает свое гнусное дело. И он уходит от людского наказания. Однако в нем есть что-то такое, что вынуждает его самого наказать себя высшей мерой наказания - смертью. Что это? Совесть? А что такое совесть? И почему ни в чем не повинный человек соглашается страдать за другого? Он одинок, ничтожен, никому не нужен. Тот, за кого он решился пострадать, должен растить детей. Допустим, что так. Но ведь в сознании этого человека должна была сложиться эта цепь мыслей, должна была сработать воля. Что обусловило этот процесс?..."

Чем больше я думал над этой проблемой, тем настойчивее мне напрашивался вывод: несмотря ни на что в человеке есть некое природное начало, которое развивают и эксплуатируют старые религии, которое пытается использовать в своих интересах наша идеология. Но...

Но! Это извечное "но"! "Объяснение банально, - говорил я себе. - Рабочий, очухавшись, начисто отрицал вину. Для милиции важно признание преступника. Они схватили первого подвернувшегося забулдыгу, обработали его так, что для него признание стало единственно доступным облегчением. Рабочий был на хорошеми счету на заводе, за него вступился коллектив. Почему он повесился? А кто его знает! Может быть с перепоею. Может быть жена не дала рубль на похмелку, а другую подходящую девочку не нашел. Может быть ход событий был бы иным, попались на его пути другая девочка с зажатой в кулачок трешкой... Кто знает?!"

Я на время успокаивался. Все ясно! Человек есть изначально гнусная тварь, а религия - опиум для народа. Только зачем эту тварь поить таким утонченным и не очень-то дешевым напитком? И стала ли лучше эта тварь, когда ее перестали поить этим напитком?

Я рассказал в своей группе об этом кошмарном случае. "Подумаешь, какое дело, - сказал один из моих товарищей. - А вот у нас было дело, так дело!" И он целый день рассказывал о "своем" кошмарном деле, гордился им, хвастался. Ему, наверно, важно было затмить "мое" дело и быть в центре внимания. "Родителей надо наказывать, - сказал другой. - Посылают детей одних в магазин!..." "Милицию надо усилить, - сказал третий. - Народные дружины! Поголовное участие населения в охране порядка! Вспомните, чему нас учили классики марксизма!..." И никто не подумал о том "некоем начале", которое я заподозрил в изначально гнусной твари - в человеке. "Все-таки чего-то не хватает в людях, - сказал я. - И это "что-то" не заменишь борьбой с пьянством, усилением милиции и поголовным вовлечением населения в охрану порядка, изучением классиков марксизма..." "Чего?! Закуски, - сказал мой друг, сам большой любитель выпивки, - закуски не хватает! Если бы мы закусывали

подобающим для человека двадцатого века образом, то, поверь мне, число девочек, которых убивают за трешку, сократилось бы вдвое!" Как человек советский, он мыслил масштабно.

Прошли годы. Теперь я знаю, чего именно нам не хватает. Я стал специалистом по этому дефицитному элементу человеческой жизни, - специалистом по разговорам на тему о Душе, Вечности, Боге. Для меня никогда не было проблемы, существует Он реально или нет. Я с некоторых пор живу со страстным желанием, чтобы Он был. Я понял очень простую истину: если многие люди захотят, чтобы Он был, Он придет. Все дело не в Нем, а в нас. Он - это мы. Все остальное есть суета сует и всяческая суета. Это говорю вам я, Учитель Праведности, - так в шутку прозвали меня мои клиенты и собутыльники.

Прозвали не без оснований. У меня действительно уникальная профессия: я учу людей тому, как научиться хорошо жить и хорошо закончить свою жизнь. Делаю я это, разумеется, нелегально. Легально людей учит жить Партия и Правительство, а в нашем городе - лично товарищ Сусликов и прочие руководители области. Но они учат людей жить для общества, на благо народа (как народ может жить на благо народа?!), ради счастья будущих поколений. Я же учу людей жить для самих себя. Учу, как быть красивым, здоровым, умным, удачливым, молодым и счастливым. Я даю частные уроки и консультации. И беру за них как за уроки иностранного языка или за натаскивание школьников для экзаменов в институты. Этим я тоже занимаюсь.

Что есть человек

У меня есть знакомый, который оспаривает любые мои утверждения, - мой Антипод. Заикнулся я как-то о некоем врожденном "святом" начале в человеке. Он усмехнулся и поволок меня в здание областного суда, где слушалось дело группы рабочих с химического комбината. Эти рабочие в день получки заманивали своих собратьев в свой цех, обещая выпивку, убивали их, забирали деньги, а трупы бросали в какую-то жидкость, в которой они растворялись бесследно, полностью (вплоть до пуговиц, ключей и металлических зубов). Таким путем они отравили на тот свет больше двадцати человек. Разоблачили их случайно. "Обрати внимание, - сказал Антипод, - никакого раскаяния, только сожаление, что попались из-за сущего пустяка. Где оно, "святое начало"? Если тебе этого мало, я могу помочь тебе устроиться на работу на химическом комбинате, а еще лучше - в "Атоме" (так называют секретное атомное предприятие в одном из районов области). Ты там такого насмотришься, что концлагеря сталинских времен тебе покажутся гуманными учреждениями." "Не надо, - сказал я. - Я верю тебе. Но если в

человеке нет святости от природы, ее нужно вселить в него извне. В этом задача Бога.” ”Попробуй, - усмехнулся Антипод. - Когда тебе удастся это сделать хотя бы в отношении одного человека, покажи мне его, и я дам тебе власть вселить святость во все человечество.”

О пьянстве

Пьянство не есть мое призвание. Это - моя профессиональная обязанность. Я на этот счет не есть исключение. Тот самый начальник милиции, о котором я уже упоминал, жаловался мне, что не может ни дня обойтись без выпивки, хотя водку ненавидит. А его подчиненные почти сплошь алкоголики. И ничего не поделаешь. Без выпивки у нас ни одно дело не делается. Недавно было совещание в Обкоме по поводу борьбы с пьянством. Мириться с этим дальше нельзя. На заводах иногда целые цеха простаивают из-за пьянства. Так после совещания добрая половина участников оказалась в бесчувственном состоянии в вытрезвителе и в отделениях милиции. А ты говоришь! (я, между прочим, как раз молчал). Начальник попросил меня научить, как пить, не пьянея и без последствий для головы и желудка. Я сказал, что я лично отрыгиваю выпитое и сплю, где свалюсь, и до тех пор, пока не очухаюсь естественным образом. Начальник сказал, что спать на службе и на совещаниях ему никак нельзя. Отрыгивание он отверг как бессмысленный ”перевод добра”. Велел к следующему разу (что он имел в виду?) придумать для него хотя бы средство, заглушающее спиртной дух изо рта. Я ему это средство изобрел, не дожидаясь ”следующего раза”. Как выяснили мои враги и разоблачители, регулярное употребление этого средства сокращает жизнь человека на десять лет. Это, однако, не помешало ему овладеть городом в считанные дни. Теперь в городе не увидишь ни одного трезвого шофера. А придаться не к чему. Не будешь же анализ крови делать каждому! После нескольких смертных случаев и крупных автомобильных катастроф ”средство” как-то сошло на нет и забылось. Но начальник милиции употребляет его до сих пор и чувствует себя превосходно. Он знает меру! А то, что он не доживет десять лет, - пустяк. Для русского человека лишние десять лет жизни - ничто.

Национальная религия

Я, конечно, не сразу докатился до такого убогого состояния. Заметьте: убогое состояние у Бога! Но не буду вас утруждать лингвистическим анализом. Сначала я был рядовым пьяницей. Из-за пьянства меня исключили из комсомола. Из-за пьянства прервалась

моя успешно начатая научная карьера. Я даже был не столько пьяницей, сколько инициатором и вдохновителем пьяных сборищ. И что особенно важно, я был теоретиком и поэтом пьянства. Сочиненный мною гимн пьянству приобрел общегородскую известность. Вся армия стукачей была брошена на поиски автора гимна: в это время началась антиалкогольная кампания, и гимн сочли за вражескую идеологическую диверсию. После этого я все свои стихи читал моим собутыльникам как услышанные от других. Хочу внести в связи с этим корректив к сказанному выше. Мое учение выросло не на пустом месте, не в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, а на самой этой дороге и из вполне реальных источников. Марксизм имел три источника. У меня этих источников тоже три. Первый из них, как вы уже догадались, надо полагать, есть наша национальная религия - наше русское пьянство. Наше пьянство играет роль, принципиально отличную от других стран. Вернее, в других странах пьют и впадают в алкоголизм, но пьянство как таковое есть только у нас. Это - не алкоголизм (как у американцев, финнов, шведов) и не форма питания (как у французов и итальянцев), а наша фактическая национальная религия, адекватная нашему духу и образу жизни. Конечно, наше пьянство обычно переходит в свинство. Но и свинство есть наша национальная черта. Пьянство без свинства - это вовсе не пьянство, а выпивка в западном стиле. Или грузинство. Русский человек пьянствует именно для того, чтобы впасть в свинство и учинить свинство. Выпивка предполагает выбор компании, душевное состояние и прочее. Пьянство ничего не предполагает. Пьянство - это когда попало, где попало, что попало, с кем попало, о чем попало. Это - основа для всего прочего: и для компании, и для душевной близости, и для любви, и для дружбы...

Я сказал, что я - организатор и вдохновитель пьяных сборищ. Но я выразился неточно: я есть некое организующее и вдохновляющее ядро этих сборищ. Я никого не уговариваю на выпивку и никого не собираю. Мне достаточно просто появляться в местах, где я могу быть замечен. При виде меня пьяницы бросают все дела и твердо решают "поддать", у выпивающих появляется идея "А не заложить ли сегодня?!", переходящая в намерение "наклокаться", а трезвенники впадают в мрачное рефлектирующее состояние, выражаемое формулой "Жизнь уходит, а я, как идиот, пью только молоко и чай! Почему я должен отказываться от радостей жизни?! К черту! Эх, и надерусь же я сегодня!"

Я просто стою и с грустью наблюдаю мирскую суету. Или медленно иду, погруженный в свои мысли. И все знают, что это за мысли ("Выпить, стервец, собрался!") и куда я движусь ("В забегаловку, негодяй, бредет!"). И я постепенно обрастаю собутыльниками, как Христос обрастал апостолами и последователями. Когда я приближаюсь к намеченному злачному месту, я уже бываю окружен восторженной толпой, а у того злачного места нас уже ждет другая

восторженная толпа. И благодать Божия нисходит на нас. Мы, просветленные и любящие друг друга, роемся в карманах, звеним медяками, потираем руки, хлопаем по плечу, обнимаемся, шутим, вспоминаем анекдоты и хохмы. И над нами парит сияние, издали напоминающее по форме водочную бутылку и пивную кружку одновременно. Я воздымаю длань к небу. Наступает тишина. "Дети мои, - тихо говорю я, но голос мой звучит как труба архангела в Судный День,- предлагаю сегодня начать с "Мальтуса" ("Мальтус" - один из вариантов пьянства, открытых мною. В этом варианте пьется смесь водки и пива, причем порция пива возрастает в арифметической, а порция водки - в геометрической прогрессии)." В ответ на мое предложение раздается ликующий вопль народа.

Мои и Его страдания

Первая обязанность Учителя Праведности - не учить других, а быть учимым другими. А для этого надо терпеливо выслушивать всякого, желающего высказаться, и стремиться понимать его и сопереживать с ним рассказываемое. Чужие секреты я всегда храню, и исповедующиеся это чувствуют с самого начала. И порой рассказывают мне такое, что они не решились бы открыть даже священнику и следователю КГБ. Один человек, тайной профессией которого являются методы разврата, рассказал мне омерзительнейшие факты из своей биографии. Но я все же не стал доносить на него, хотя избавление мира от этого чудовища было бы большим благом для людей. Я до сих пор не знаю, как следует поступать в таких случаях. Пока я прибегаю к самому малодушному средству: стараюсь уклониться от выслушивания исповедей такого рода. Но мне это не всегда удается. И к тому же это не соответствует моему общему принципу: выслушай всякого, желающего в словах очистить душу свою. Правда, люди часто хотят не столько очистить свою душу, сколько испакостить твою. Но где тут разграничительная линия? Покаяние исповедующегося? Это слишком сильное требование для наших дней. Согласно моему учению, покаяние не требуется, ибо сама потребность высказаться несет в себе покаяние. И этого достаточно.

Иногда мои собеседники о своих душевных тайнах ничего прямо не говорят, а крутят вокруг да около. Я их не вынуждаю к откровенности, я придерживаюсь на этот счет правила: не принуждай никого к совершению желаемых тебе поступков даже в мыслях. И опять-таки проблемы: где грань между желаемым и нежелаемым, где грань между отсутствием желания и нежеланием, где грань между пресеченным и невозникшим желанием? Я не верю в то, что есть какие-то психологические критерии для этого. Я склоняюсь к тому, что их нет вообще, что они еще только должны

быть изобретены. В данном случае я не знаю, есть у меня желание выслушать откровения собеседников или нет и является мое внешнее равнодушие заглушенным желанием или природным безразличием. Кстати о безразличии: как быть с ним? Морально оно или нет? Когда оно морально и когда нет? Видите, сколько проблем ставит такой заурядный случай перед существом, обреченным на роль Учителя Праведности. И поверьте мне, для него эти проблемы несут не интеллектуальное развлечение, а страдание. После каждой беседы с теми, кто раскрывает мне свою душу, я впадаю в болезненно-лихорадочное состояние, я буквально бьюсь головой о стенку в поисках решения этих мучительных проблем. И никто не в силах мне помочь, ибо я избран помогать всем и находить решения в себе самом. Поймите, люди: Бог есть прежде всего самострадание и лишь затем сострадание! Быть Богом - не столько трудно, сколько мучительно. Лишь в такие минуты я не просто понимаю, а каждой клеточкой своего тела ощущаю смысл христианской идеи, что Он принял страдания людей на себя. Его мучения перед распятием и распятие суть лишь внешний символ скрытых душевных страданий, доступный вульгарному сознанию масс. Он, как и я, бился над решением неразрешимых проблем.

Не прелюбодействуй

Не прелюбодействуй, учил Христос, на чужих жен не заглядывайся и не помышляй о них. Во-первых, я сомневаюсь в том, что сам Он придерживался этой заповеди. Я понял Его натуру, я уверен, что в отношении с женщинами Он был близок нашему времени. И я не осуждаю его за это, я его понимаю: без женщин он не смог бы проповедовать свое учение и просуществовать больше недели, как и я. А во-вторых, как быть, если они (т.е. женщины) сами помышляют о тебе? Когда я был в зените славы и в расцвете моих удивительных способностей (в газетах писали об "эффекте Л." или о "феномене Л."), меня завлекла к себе домой некая дама, захотевшая получить от меня частную консультацию по поводу похудения (в ней было более ста килограммов), улучшения фигуры и душевного состояния. Сначала она меня хорошо накормила. Она страшно рассердилась на то, что я отказался пить спиртное: в то время я должен был воздерживаться от пьянства не столько из религиозных, сколько из медицинских соображений. Удивительные существа, наши женщины! Страдают от пьянства мужей, но если попадает трезвенник, прилагают невероятные усилия, чтобы заставить его пить. Почему бы это? Очень просто: порочные ненавидят непорочных. Потом моя дама разделась догола. Я и охнуть не успел, как она скинула все свои шмотки и предстала передо мной в виде рубенсовской Венеры. Честно признаюсь, я не могу сказать, что она была безобразна.

Скорее наоборот, она по-своему была великолепна. Я так ей и сказал: "Фигура у Вас прекрасная, исправлять ее ни к чему, да и худеть я не рекомендую." Она сказала, что сейчас все худеют, что ей хотелось бы талию потоньше, загривок убрать, руки слегка утончить и вообще. Я ей наговорил кучу полезных советов. Она слушала рассеянно. Потом неожиданно попросила, чтобы я оторвал ее от пола, не прикасаясь к ней руками (в это время у меня как раз обнаружились способности такого рода). Я сказал, что она не спичка и даже не чайная ложка. Она сказала, что если я подниму ее от пола без прикосновения хотя бы на миллиметр, она позволит мне делать с ней все, что я захочу. Я сказал, что даже с прикосновением я вряд ли смогу оторвать ее от пола, ибо я не штангист. Она расвирипела, сказала, что если я не ... , то она навешает мне ... Она употребила слово, которое я не решаюсь приводить здесь. Переводится это слово на обычный язык как "оплеуха", "тумаки", "подзатыльники".

Или вот еще случай. Меня как тунеядца пригласили в комиссию по принудительному трудоустройству. Члены комиссии - в основном старые члены партии, пенсионеры. Один представитель от районного совета, один - от профсоюзов, один - от юридических органов, один - от райкома комсомола, один - от райкома партии. И еще какие-то непонятные лица. "Ничего себе, хорош, - сказал председатель комиссии (меня накануне заволокли в милицию под видом пьяного и основательно обработали). - И тебе не стыдно? Такой здоровый молодой парень, а пьянствуешь и черт знает чем занимаешься!" Я сказал, что занимаюсь делами весьма полезными людям: облегчаю им жизнь. Кончилась эта беседа тем, что представительница райкома партии дала мне "телефончик" и пообещала устроить на хорошую работу. Когда я навестил ее на другой день, она сказала, что либо я буду делать то, что ей нужно, либо она велит отправить меня на работу в урановые рудники, откуда никто не возвращается.

Что мне было делать?

Антипод

Я поделился своими сомнениями с Антиподом. Он посмеялся, конечно. "Хотя ты и Бог, - сказал он, - ты наверняка капитулировал. Есть принципы поведения людей (да и Богов, пожалуй), которые не в силах отменить никто. Вот тебе один из них. Если человек физически способен совершить некоторый поступок, и нет никаких внешних препятствий для его совершения, если в голову ему пришла мысль и появилось желание совершить этот поступок, если он надеется извлечь для себя пользу из этого поступка и при этом избежать ощутимого наказания за него, то он совершает этот поступок. В этом смысле в человеке нет никаких внутренних ограничений поведения.

Откуда берутся такие ограничения? Только извне данного человека - из его отношений с другими людьми. Люди взаимно ограничивают друг друга."

- А религия? - пытался возразить я. - Религиозные ограничения суть продукт свободной воли человека. Человек берет их на себя сам.

- Ты Бог, а не смог устоять перед старой развратной шлюхой из райкома партии, - усмехнулся он. - Так что уж говорить о простых смертных! Чтобы стать общественной силой, религия должна стать делом определенной категории людей, организованных в некое целое, т.е. делом церкви. А церковь как объединение людей подчиняется общим законам коммунального поведения. И святое дело, таким образом, становится делом грешников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так какая разница - будет держать людей в узде церковь или идеологическая организация?

- Разница есть,- говорю я.- Идеология изобретается для масс людей, религия же - для отдельного человека или для человека вне массы. Сила идеологии кончается, когда человек покидает толпу или коллектив.

- Но сила религии кончается, когда человек включается в толпу или коллектив. А что важнее для человека - пребывание в коллективе и в толпе или уединение? И знай: в одиночку человек может противостоять великим искушениям, но бессилён перед мелкими. Бог не способен бороться с блохами, клопами, крысами... Это я тебе говорю как специалист.

О чудесах

Согласно Евангелию от Иоанна (не смешивайте с моим "Евангелием для Ивана"!), Христос начал свою карьеру с того, что превратил воду в вино. И после этого ученики уверовали в него. Еще бы! Если бы я мог превращать воду в водку, я увел бы за собою все население России, а не каких-то двенадцать бездельников. Причем, мне не потребовалось бы исцелять больных, воскрешать умерших и творить прочие чудеса. Исцелением больных у нас занимается бесплатная медицина. Мертвых воскрешать ни к чему, ибо и от живых прохода нету. А чудеса творить бессмысленно и даже опасно - в них верит только КГБ, да и то лишь в своих профессиональных интересах. Несколько лет назад я вдруг обнаружил в себе способность творить чудеса в духе нашего супернаучного века - поднимать мелкие предметы, не прикасаясь к ним руками, и сгибать столовые ложки, вилки и ключи одною лишь силой мысли. Но я не преуспел благодаря ей. На мне нажились лишь проходимцы, организовавшие мои представления. Чем тяжелее предметы я поднимал и чем дальше были мои руки от них при этом, чем больше я сгибал ложек и ключей силой мысли, тем меньше окружающие верили в мои чудеса. Чем

больше экспертов безуспешно пыталось разоблачить меня, тем подозрительнее становилась моя выходящая из ряда вон способность. Когда я научился одним лишь усилием мысли поднимать на полметра от поверхности стола массивную пепельницу и завязывать узлом метровый кусок водопроводной трубы, моих менеджеров (или антрепренеров) арестовали. И меня вместе с ними. Месяц держали меня в КГБ, пытаюсь заставить меня поднять без прикосновений хотя бы спичку и хотя бы на миллиметр, но в присутствии одних сотрудников КГБ. Моя удивительная способность куда-то испарилась. После этого меня направили в сумасшедший дом. Убедившись в моей безобидности и заполучив мою подпись под обязательством чудес больше не творить, меня выпустили на свободу. Слава моя благодаря этому возросла. Я начал неплохо зарабатывать. К этому времени относится мое посещение комиссии по трудоустройству, о котором я уже упоминал.

Выйдя с той комиссии по трудоустройству (с номером телефона, который мне дала темпераментная и любвеобильная шлюха из районного комитета партии), я воздал хвалу нашему замечательному обществу. Подумать только! Миллионы здоровых людей на Западе не могут найти работу, а у нас запрещено быть безработным. Хочешь - не хочешь, а изволь трудиться! Не можешь сам найти работу, тебе ее найдут заботливые представители общественности. Что за жизнь! Христа, между прочим, тоже обвиняли в тунеядстве. Его тоже считали бездельником и кутилой. Но в комиссию по трудоустройству его не вызывали. И пострадал он вовсе не из-за этого. Тут лежит коренное отличие меня от всех создателей и реформаторов религий прошлого.

Предшественники

Мои великие предшественники Христос и Будда появились на свет при исключительных обстоятельствах. Насчет Христа - общеизвестно, как. Менее известно то, что Будда появился в результате того, что Слоны "трахнул" королеву. Интересно, если я войду в историю как основатель новой религии, какую легенду сочинят обо мне? Для России больше подходит такая: гигантский клоп совратил заведующую сельскохозяйственным отделом Обкома партии Евдокию Телкину, прозванную в народе Маоцзедунькой, и в результате их сожителства на свет появился я.

Будда был отличником. Я тоже. Будда знал все языки. У нас, к сожалению, преподавание иностранных языков поставлено так плохо, что я не могу похвастаться ни одним. Впрочем, это не мешает мне давать уроки английского, немецкого и французского местным дебилам, так что я слышу полиглотом. Если бы представилась возможность, я стал бы натаскивать двоечников школьников в

китайском языке. А что, если и Будда знал все языки на таком же уровне? Боюсь, что именно так и было дело.

Будда умер, отравившись мясом. Мне это не грозит: в наших магазинах мясо исчезло сразу после революции и не появилось до сих пор. Если я отравлюсь, то это будет тухлая картошка в городской столовой.

Учение Будды не годится для наших русских условий. Нам нельзя впадать в нирвану, заниматься медитацией и прочей чепухой: не позволят. Да и климат не тот. И ко всему прочему учение Будды у нас мало кому известно. А те, кому оно известно, излагают его так, что, как говорится, без поллитра не разберешься. А с поллитром нам разбираться ни в каком учении не надо: она сама есть высшее учение.

Фундаментальная предпосылка

Я исхожу из такой предпосылки: мы живем в коммунистическом обществе и не имеем шансов его изменить, заменить другим и убежать из него. Более того, мы не хотим его изменять, менять на другое и покидать его. Мы обречены в нем жить и хотим жить в нем, причем - в таком, каким оно нам дано в качестве естественной социальной среды. Но мы хотим жить так, чтобы получить свою долю удовлетворения и счастья и в конце жизненного пути уйти в Ничто с сознанием правильности прожитого и справедливости конца.

Думать об общественных преобразованиях сейчас нелепо. Самые глубокие преобразования уже произошли. Все главное сделано. Все жертвы ради этого принесены. Рухнули самые великие иллюзии и надежды. Социальная история вся позади. С этой точки зрения нас ждет только прошлое. Теперь людям предстоит много копить и много терять, чтобы снова появился интерес к будущему. Никакого Царства Божьего впереди нет, ибо оно уже есть. Оно уже достигнуто. И перед нами стоит проблема, как в нем жить. Как видите, перед Христом проблема совсем не так стояла: Он обещал Царство Божие. Он не смог сдержать обещание, - тогда для этого еще не было пролетариата, большевиков, ленинцев и сталинцев. Царство Божие построили другие. Я иду дальше Христа.

- Допустим, - говорю я, - Царство Божие наступило. А дальше что? Как в этом Царстве Божием пребывать, т.е. прожить по-человечески? Эта проблема потрудней той, которая стояла перед Христом.

Мечты

Иногда я мечтаю о Москве. Москва! Окно в мир. Почти Запад. В Москве я еще ни разу не был. Мог бы в отпуск съездить. Отпуск у 26

меня круглый год. Но поездка такая мне не по карману. И у меня нет паспорта - забрали в милиции и на всякий случай не отдают. Знакомых, у которых я мог бы переночевать, в Москве у меня нет. В общем, я напрочь прикован к своему городу. Христос в конце жизни подался в Иерусалим. Но у Него не было проблемы паспорта, прописки и ночлега.

Все суета

Екклезиаст, сын царя и царь, сказал: суета сует, все суета. И еще сказал он: все - суета и томление духа. Он говорил и многое другое, в частности - и такое: Кто умножает познание, умножает скорбь; Умный умирает наравне с глупым; Все произошло из праха и возвратится в прах. Это все тот же Екклезиаст сказал, что нет ничего нового под солнцем: что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться.

Мало кто теперь соглашается с этим. Стоит заикнуться, что, мол, еще Екклезиаст сказал то-то и то-то, как тебе в ответ посыпятся контраргументы. А самолеты?! А космические полеты?! А атомная энергия?! А медицина?! А...?! А...?! А...?! И если вы не согласитесь со своим оппонентом, он перечислит вам все достижения цивилизации за последние две тысячи лет, напомнит вам об эволюции и развитии, о качественных скачках и прочей премудрости, вбитой и вбиваемой в его голову с младенческих лет. Слушаете вы его, киваете в знак согласия головой: мол, да-да, конечно. А про себя думаете: суета это, суета сует, всяческая суета и сплошное томление духа. Да разве не об этом говорил сын царя и царь Екклезиаст?! Взгляни вокруг себя! Вот ученый. Он пятьдесят лет жизни угробил на то, чтобы сделать полезный вклад в науку. Во всем отказывал себе. Ночей не спал. Страдал. А кто знает о его вкладе в науку? Десяток таких же, как он, чудаков; сотня проходимцев от науки, разворовавших его вклад и приложивших огромные усилия к тому, чтобы о нем никто не узнал. А вот - певец. Голосок слабый. Да и слух не очень-то. Затянут в джинсы, так что половые органы вот-вот разорвут их. Хрипит в микрофон чудовищную ерунду. Кривляется всеми членами. А миллионы людей неистовствуют, слыша и видя это. И имя его у всех на устах. Вот спортсмен, на долю секунды быстрее всех пробежавший какую-то дистанцию, на сантиметр выше всех прыгнувший в высоту или на полоборота больше других перевернувшийся вокруг себя. Его портрет во всех газетах и журналах. Сильные мира сего почитают за честь встретиться с ним. И вот борец за лучшую жизнь для людей в своей стране, прошедший долгие годы в тюрьмах, передумавший все важнейшие проблемы современности и потерявший все. Он скитается в поисках грошовой работы. Выше бесед с низшими чинами служб безопасности он

никогда не поднимется. Вот знаменитая на весь мир актриса, которая не знает, как ей истратить миллионы, и вот другая - безвестная, унижающаяся перед самыми ничтожными проходимцами, чтобы заработать копейки. А взгляните на них! Вторая красивее и талантливее первой. Но первая опередила ее на пути в кровать режиссера. Послушайте этого знаменитого политика! Даже в нашем мире, сплошь набитом дураками, трудно найти дурака, который превзошел бы его по дурусти. А между тем нет газеты в мире, которая выходила бы без его портрета, его речи, упоминания о нем. И послушайте вот этого, никому не известного человека. Какие глубокие суждения! Какой точный анализ ситуации! Какие верные предсказания! Но укажите мне одного политического деятеля в мире, который хотя бы выслушал его совет, а не то что последовал бы ему! Нет памяти о прежнем, говорит Екклезиаст, да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые будут после. А Данте! А Шекспир! Помним же мы о них! "Конечно", - соглашаюсь я. А про себя думаю: кто помнит, как помнит и зачем помнит? Не для них помнят, а для себя. И не помнят вовсе, а прикрываются памятью и эксплуатируют ее. Какое дело вот этому Иванову до Шекспира?! Он не понимает Шекспира, он не любит его, ему скучно от Шекспира, он говорит о нем чушь. Но ему важно приобщить себя к Шекспиру, дабы все видели, что он - не просто Иванов, а Иванов, посягнувший на Шекспира, причастный к Шекспиру и даже кое в чем превзошедший его. Нет памяти о прежнем - прав этот сын царя и царь Екклезиаст. Есть лишь суета сует и томление духа."

А как же быть, если тебе не удалось не родиться и ты познал, что все есть суета? И даже в этом, т.е. в постановке самой проблемы, прав Екклезиаст: Нет ничего нового под солнцем. И в решении этой проблемы я в общем и целом следую ему: не принимать участия в житейской суете, остаться в стороне и никому не мешать. Но я не сын царя и не царь. Я - человек конца двадцатого века, живущий в современном сложном и лихорадочном обществе. И не так-то просто тут остаться в стороне.

И суета сует

Сказал Екклезиаст: все - суета и духа есть томленье.

Иначе видит мир теперешнее поколение.

Оно не повторяет фразу всеу ту.

Оно бросается в мирскую суету.

Ему не ведомо ни лично, ни со слуха

Про то, что есть какое-то томленье духа.

Оно испытывает лишь томленье тела,

Когда слоняется без мысли и без дела.

И всяческая суета

- Не вижу тут никаких проблем, - говорил мне один из моих учеников. - Пусть все есть суета! И почему надо от нее уклоняться? Я лично поступал и поступаю наоборот: окунаюсь в эту суету целиком и живу в ней, можно сказать, полнокровной жизнью. Ссорюсь с соседями и мирюсь. Интригую с коллегами. Воюю с женой и детьми. Представится случай выпить или с бабами покутить, не теряюсь... Одним словом, мне эта суета сует нравится, и я не хочу иной жизни. Я хочу лишь в этой суете подольше покрутиться и побольше от нее взять. Взять от жизни максимум возможного в моем положении - вот моя задача. Ты, говорят, можешь этому научить. Учи! Я плачу деньги. Выполняю твои наставления. Учи! Я хочу на своих двоих дотопать до могилы, хочу с бабами дело делать до последнего дня, хочу хорошее настроение иметь, хочу кое-кому свинью подложить и кровь попортить... В общем, я жить хочу. Учи!

И я учу. Учу каждого тому, что ему хочется. Главное - узнать, чего хочет человек в глубине души, и научить его этому. А все, кто приходит ко мне за советом, хотят именно суеты сует и всяческой суеты.

Тот человек, который хотел взять от жизни максимум возможного, хотел на самом деле до смешного мало.Его представления о "максимуме возможностей" оказались такими примитивными, что я мог бы научить его, как взять больше. Но я не стал это делать, ибо тогда он понял бы, что вся его жизнь есть суета сует, и страдание уже не оставило бы его до могилы.

Не учи людей больше того, чего хотят они сами!

Профессия Учителя Праведности многосторонняя. В наше время она много сложнее, чем во времена Христа. В те времена, например, не было таких вечных, общечеловеческих проблем, какие потом были олицетворены в проблемах Гамлета, короля Лира, Карамазовых, Дон Жуана, Печорина, Обломова, Моцарта и Сальери. Между прочим, что это за вечные проблемы, если их тогда не было? Хотя Христос, возможно, был недостаточно интеллигентен и начитан и просто не знал о них. Я же, помимо функций, общих с Христом, обязан разрешать и эти в принципе неразрешимые проблемы. Причем, разрешать не за славу и богатство, а за стопку водки, за тошнотворный обед в самой дешевой столовке.

Вечные проблемы. Сколько паразитов кормится за их счет! Проблемы эти неразрешимы, потому они вечны. Неразрешимы они не потому, что необычайно трудны, а потому что их просто-напросто нет совсем. Они суть мнимые проблемы. Реальные же проблемы банальны. Они практически вовсе не проблемы, поскольку решение их приходит вместе с ними и не волнует умы. Жизнь вообще состоит из банальностей. Мы в своем воображении возвышаем кое-какие из них до уровня эпохальных и даже божественных проблем.

Так ли уж часто перед человеком встает проблема, возведенная в ранг

”вечной”? Многим ли удастся родиться королем, принцем, на худой конец - богатым помещиком? Многим ли из этих счастливых удается дозреть до этих ”вечных” проблем? А если ты не принц, не король, не генерал или иной избранник судьбы, будет ли человечество ломать голову над твоими подозрениями насчет жены, над твоими сомнениями по поводу ”быть или не быть”, над твоими обидами на детей? Реальные вечные проблемы встанут перед всеми и постоянно. Но, повторяю, они банальны. И они не принимают форму проблем. Вот вам характерные примеры тому.

Дон Жуан

- Для литературного Дон Жуана, - говорит мой собеседник, - проблема соблазнения женщины была в большей мере проблемой соблазнения сердца, а не тела. Такими были наши отечественные Евгений Онегин и Печорин. Но времена изменились. Тел полно. Сердец же нету. Некого соблазнять. Не интересно. Эффекта никакого. Я чувствую, что рожден быть выдающимся соблазнителем женщин. И имею данные для этого. А чем я отличаюсь от самого банального бабника нашего учреждения? Ничем! Может быть лишь количеством баб, с которыми переспал, да и то не в мою пользу. И бабы у нас те же самые. И не скажу, что я опережаю его. Чаще он опережает меня. Я жажду женщину! Прекрасную. Недоступную. Хочу покорить ее сердце. Понимаешь? Не тело, а сердце. Тело тоже, конечно. Но тело потом. Сначала сердце. И покорить исключительно своим мужским обаянием. И чтобы покорить с усилием, чтобы она сопротивлялась сначала, чтобы капитулировала в конце психологической драмы. Найди мне такую женщину, и я тебе заплачу целую месячную зарплату. Перебьюсь как-нибудь на хлебе и чае, а заплачу. Найди! Ты же всех баб города знаешь! Укажи хотя бы, где Она есть, женщина-крепость, достойная осады и штурма!

И вот я перебираю в памяти все известные мне категории (я мыслю не индивидами, а категориями) женщин и не нахожу ничего подходящего. Есть, правда, один вариант, но я его держу для себя. А ему я рассказываю вот что. ”В доме, где я раньше снимал комнатушку, живет старая дева. Что она - дева, уверяет она сама. И я ей верю. Она страшная. И у нее мания: она всех мужчин подозревает в том, что они хотят ее обманом соблазнить и затем бросить. Ее безуспешно пытались соблазнить забулдыги, которые крутятся около винного магазина, расположенного в том же доме...” Дон Жуан хохочет до слез. ”Если бы она была молода, свежа и прекрасна,” - бормочет он сквозь смех. ”Не беда, - говорю я, - эти качества можно дополнить воображением. Главное - она неприступна. И пока не покорить ее сердце, к ее телу не доберешься. Между прочим, она надевает на себя какое-то защитное сооружение.

Забуддыги пытались ее изнасиловать, но ничего не вышло. Она только хихикала над их усилиями и вопила, что даст им только по любви. Полюби сначала, а тогда она сама позволит. Забуддыги заявили, что они лучше отрежут себе детородные органы, чем полюбят такую ведьму, плюнули и ушли выпрашивать гривенники у прохожих.”

Насмеявшись вдоволь, мой Дон Жуан договорился о встрече с официанткой. Мне стало грустно. Литературный Дон Жуан - жалкий примитив в сравнении с моим Дон Жуаном, но последнему не суждено стать объектом литературы и породить некую вечную проблему. Почему? Потому что он не разбил и не разобьет ни одного сердца. Он достоин сочувствия, мой Дон Жуан, а не порицания.

Отелло

А вот - прямая противоположность Дон Жуану. У него трясутся руки, водка выплескивается из стакана, по щекам текут грязные слезы. ”Я ее, стерву, боготворил, - хнычет он, - а она обманывала меня на каждом шагу и оскорбляла. Вместо борьбы с язвами общества я все силы тратил на мелкие домашние склоки. И вот она ушла насовсем.” ”Это тоже выход”, - говорю я. ”Выход, - усмехается он. - Она ушла по-нашински, по-советски. То есть мне пришлось уйти, оставив ей квартиру и все то, что было нажито годами.” ”Вы еще молоды, - говорю я, - найдете другую.” ”Пробовал, - говорит он, - не получается. Я, видишь ли, однолюб. Я ее люблю. Я украдкой брожу возле дома, хочу хоть издалека увидеть ее. А она на работу и в милицию написала, будто я ее преследую.” ”К кому же она ушла?” - спрашиваю я для поддержания разговора. ”К одному певцу, - усмехается он. - Если бы ты знал, какое это ничтожество. Без посторонней помощи даже штаны расстегивать и застегивать не умеет. Это за него делали поклонницы. Теперь этим занимается она. И гордится этим.”

Он опрокидывает стакан водки в рот. Я молчу, подавленный. Кто может облегчить страдания этого человека? Никто. Я - Бог, но и я не способен на это. ”Что поделаешь, - говорю я. - Потерпи еще немного, придет Великий Врач, вылечивающий от всех страданий, и ты успокоишься.” ”Верно, - говорит он, - ничего другого не остается. Но сначала я ее, стерву, пришибу. Подкараулю и трахну кирпичом по башке.” ”Кирпичом неудобно, - возражаю я. - И Вы сейчас в таком состоянии, что кирпичом череп не пробьете.” ”Верно, - говорит он. - Ты и в самом деле мудрый парень. Надо молотком. Или лучше шилом. Нет, тонкой отверткой.” ”Только не торопитесь, - говорю я. - Кто знает, может быть Ваши подозрения насчет ее измены необоснованны. Ревность - она слепа.” ”И то верно, - говорит он. - Торопиться ни к чему. Прибить человека всегда успеется.”

- Боже, - говорю я сам себе, прости нам эту пошлость. Но все другое тут было бы ложь. Проблемы эти невозможно решить. Их можно лишь затоптать в грязь насмешкой и цинизмом. Люди так и поступают. А каково Богу?

Антипод

- Взгляни на льва, мечущегося в маленькой клетке, - говорю я. - Увеличь льва в тысячу раз, а клетку сократи в тысячу раз. Этот образ даст тебе представление о состоянии Бога. Бог - бесконечно большое, деятельное и жизнерадостное существо, запертое в бесконечно малую клетку бездействия и отчаяния.

- Красиво сказано, - усмехается Антипод. - Только где ты видел льва в нашем захолустье? Муха, бьющаяся о стекло, - это более реалистично. А то - лев! Бесконечно маленькая муха, бьющаяся о бесконечно большое стекло, за которым ее ждет не свободный и светлый мир, а ледяной холод, - подходит тебе такая модель твоего Бога? Дарю ее тебе даром: я не тщеславен.

О тщеславии

А так ли это? Рассмотрим феномен славы. Как целое он включает в себя сознание известности, определенные блага за это (материальные блага, защищенность, внимание) и удовольствие. В обществе этот феномен расчленяется, распределяясь порою по разным людям так, что каждый обособившийся его элемент предполагает остальные лишь в потенции. Для достижения славы люди готовы пойти на жертвы и страдания, неосознанно предполагая или добиваясь фактически вознаграждения. Так что бывают случаи, когда люди страдают и получают удовольствие, поскольку со страданием ассоциируется некая потенциальная цель, допустим - достижение славы, а феномен славы предполагает вознаграждение и удовольствие. Потому мазохизм есть нормальное общественное явление, будучи чем-то ненормальным для данного индивида.

Рассмотрим в свете этой теории мой случай. Славы нет - она мизерна и смеха достойна. Материального обеспечения никакого. Полная незащитность. Сплошные страдания. И я не мазохист. И все же я не сменяю свою участь ни на какую другую. Почему? Моя претензия быть Богом есть максимальная из всех возможных человеческих претензий. Она неизмеримо выше желания стать миллионером, знаменитостью, диктатором. Она предполагает всемогущество и всеобладание. Хотя я актуально не имею ничего, в самой претензии потенциально содержится все. Потому никакие страдания и потери

не могут остановить меня, ибо они - ничто в сравнении с тем, что я потенциально имею в качестве Бога. Бог есть абсолютная потенция и пустая актуальность. Это - самый высший пост во Вселенной, который в силу своей высокости фактически лишен всех своих официальных (абстрактно мыслимых) атрибутов.

Надо мне отдать должное: я беспощаден к себе. Я не оправдываю свое поведение ни дурными, ни добрыми намерениями: у меня вообще нет намерений. И я скромнен: я довольствуюсь лишь одной функцией Бога - чисто духовной. А Антипод? Его претензия реформировать идеологию сомасштабна моей претензии родить религию. И он тоже хочет властвовать лишь в духовной сфере. Правда - во всей и неограниченно.

Социальная функция

И выбираем мы судьбу
Не ту, что любим сами.
И выбираем мы судьбу
С закрытыми глазами.

Свою роль я не выбирал. Люди сами избрали ее для меня, сами навязали ее мне. Постепенно и незаметно для меня самого получилось так, что люди сами стали признавать во мне Учителя Праведности, Целителя Душ и Тел. У одного моего знакомого мать страдала головными болями. Месяцами уснуть не могла, измучилась, умоляла дать ей яду. Случайно я зашел к нему. Поздоровался с матерью, сказал ей пару слов. И у нее вдруг прошла головная боль. Она уснула после моего ухода и спала целые сутки. Через месяц боли у нее возобновились. Она уговорила сына пригласить меня снова. И снова произошло чудо: боли прошли. После этого я несколько раз побеседовал с ней минут по десять с интервалами в месяц, две недели, неделя. Боли прекратились совсем. Слух об этом распространился по городу. И к каким только больным меня ни приглашали! Кое-кому мои посещения помогли, другим - нет, но всем без исключения почему-то становилось легче в моем присутствии. Люди оживлялись, просветлялись. Я понимал, что дело тут не столько во мне, сколько в них самих. Но и во мне, надо полагать, было что-то такое, что заставляло людей проявляться именно таким образом. У людей была потребность в человеке, который выполнял бы в их жизни определенную роль, а я обладал (не ведая того) качествами, подходящими для этой роли.

После того, как меня выгнали из комсомола, а затем - с работы, я к навязанной мне роли стал относиться серьезнее, - стал брать плату (надо же было на что-то жить) и повышать свою квалификацию изучением специальной литературы, психологическими

тренировками и размышлениями. Не могу сказать, что я упорно трудился: я никогда не был склонен к этому. Ко мне все приходило как-то сразу и с малыми усилиями. Порою мне достаточно было просто поддержать книгу в руках, чтобы ее содержание необъяснимыми путями перешло в мою голову. Люди, читавшие эту книгу и обсуждавшие ее со мною, были убеждены в том, что я не просто ее прочитал, но проштудировал "с карандашом в руках". Мимолетно услышанное слово производило в моих мозгах иногда то, на что у других уходило годы учения. У меня появилась ясность в понимании абсолютно всего, с чем мне приходилось сталкиваться и о чем приходилось высказывать свои суждения. Опять-таки на эту мою способность обратили мое внимание другие, - я сам долго не придавал ей значения. Я ее признал в себе после одного разговора в компании физиков. Они говорили о свойствах каких-то микрочастиц, которые, по их мнению, невозможно вообразить на уровне нашего "макрообращения". "Почему же невозможно?" - сказал я. - Очень хорошо представляю себе это." И затем я им рассказал о том, что мне виделось. Они были поражены. Но не поверили, что я ничего не читал на эту тему ранее и вообще ничего не слышал об этих частицах. Решили, что я вычитал "свое" представление из американского физического журнала. Я не стал оспаривать их мнение. Я осознал, что имею непосредственную способность понимать все. Я покорился навязываемой мне обществом роли. Иногда эта роль приносит удовлетворение, а иногда... Лучше я расскажу вам об этом случае.

Рядовой случай

Маленькая опрятная старушка суетится, приглашает к столу - "угоститься чем Бог послал". На столе - бутылка водки, банка шпрот, колбаса, сыр. Преждевременно растолстевшая молодая женщина с чудесным русским лицом угодливо хихикает. "Присаживайся, друг, - говорит высокий, красивый, уже подвыпивший мужчина. - Пропустим сперва по маленькой, а потом и о деле". На кровати полулежит девушка. Огромные серые глаза. В них - грусть и апатия. У нее не действуют ноги. Ее пытались лечить во всех хороших больницах страны. Сколько денег переплатили всяким "гомеопатам"! И все впустую. А главное - чахнет девчонка. А других детей у них нет. Может быть я что посоветую?

Я сажусь около нее. Беру ее руку. Какая прекрасная рука! Такая рука создана для драгоценностей. Я смотрю ей в глаза. Улыбаюсь. И она светлеет, улыбается в ответ.

- Они у меня чокнутые из-за меня, - говорит она. - А напрасно. Я же не маленькая. Я все понимаю.

- Здесь, в городе, - говорю я, - живет один человек. Это - святой

человек. У него нет обеих ног. Но он ходит на работу через весь город и никогда не пользуется транспортом. Я пришлю его к тебе. Он научит тебя ходить. Ты увидишь березовую рощу, ручьи, поля. Ты пройдешься по траве по утренней росе. Ты встретишь Его, и Он назовет тебя своей богиней. Только поверь в это, и это сбудется. - Я верю тебе, - говорит она. - Я научусь ходить. Я увижу березовую рощу, ручьи и поля. Я пойду по утренней росе. Я встречу Его. Я буду достойна Его, и Он назовет меня своей богиней. Опрятная старушка сует мне измятую десятку. Я отстраняю ее руку и ухожу, не простившись. Мое сердце разрывается от боли.

Непосредственное познание

В нас входят истины святые
Одной случайною строкой.
Но льются в головы пустые
Помои слов густой рекой.

Выше я говорил о моем способе познания. Есть два способа познания мира. Первый - видеть мир непосредственно. Принцип его таков: вот перед тобою предмет, смотри на него сам и видь в нем то, что само собой видится очевидным образом. Второй - видеть мир через культуру, накопленную другими. Принцип его таков: видь в предмете то, что в нем должно быть согласно догмам усвоенной тобою культуры, т.е. видь в нем то, что другие считают наличным в нем и достойным внимания. Я не отвергаю пользу второго способа. Но часто отношение человека к познаваемому предмету через культуру становится таким опосредованным, что предмет фактически не видится объективно или не видится вообще. Так что порою бывает полезно отбросить эту опосредующую культуру и обратиться к непосредственному видению предмета. Но при этом требуются природные задатки и достаточно высокий уровень развития мышления, чтобы суметь увидеть в предмете непосредственно больше, чем видится в нем через культуру. Божественное познание вещей сразу и с полной ясностью есть просто первый способ познания, выраженный очень сильно. У меня по всей вероятности оказался выдающийся талант на этот счет. Интересно, что образование и культура убивают способность непосредственного видения мира. Потому все ясновидцы - люди необразованные или утратившие образование, которое им пришлось получить помимо воли. Стоит мне прочитать книгу или побеседовать на умную тему с интеллектуалами, как моя способность непосредственного видения сразу ослабевает. Однажды я встретил ясновидца, просидевшего в сумасшедшем доме пять лет и не прочитавшего за это время ни строчки. Он собирался в Москву предупредить американцев о

предстоящей советской интервенции в Афганистан. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Моя претензия

Презрев законы Бытия,
Я к вам сошел из мира света
В канон Новейшего Завета
Облечь теченье Жития.

Я не хочу создавать новую форму религии наряду с другими ее формами. Я претендую на нечто большее - на создание религии вообще, т.е. религии с большой буквы. Объясню, в чем дело, ибо это - центральный пункт моего учения. Религия вообще (Религия), которую я хочу построить, не есть нечто общее для различных форм религии. Это - некая абсолютно совершенная и полная, всеобъемлющая религия. Все известные и логически мыслимые формы религий можно представить как обособившиеся части и свойства этой воображаемой всеобъемлющей религии. Но последнюю нельзя сложить из различных форм религии. Обособившись от целого тела Религии, ее части и свойства попадают в некое культурное целое, состоящее из других социальных явлений (элементов науки, искусства, идеологии), и трансформируются в нем. Иногда трансформируются настолько, что становятся совсем непохожими на соответствующую часть воображаемого целого. Обособившиеся части Религии в качестве особых форм религии вступают друг с другом в непримиримые противоречия (подобно тому, как рожденные одними родителями братья становятся иногда смертельными врагами).

Но одно дело - идея такой Религии, а другое дело - ее исполнение. Построить такую абсолютно чистую, совершенную и полную (т.е. абстрактную) Религию, исходя из которой можно было бы объяснить все известные и возможные формы религий как обособившиеся и трансформированные применительно к условиям данного культурного целого, включающего их, - это задача для Бога, а не для простого смертного. Я чувствую в себе силы, достаточные для решения этой задачи. Только бы мне успеть сделать это! Только бы моя Голгофа не пресекла мой жизненный путь раньше, чем я проделаю хотя бы основную работу! Христу ведь тоже не дали развить свое учение. Много ли он успел сказать? А много ли от сказанного им сохранилось? Люди нуждаются в Религии, но они пресекают попытки создания ее. Христос явно имел претензию создать ее. Ему не дали. И кусочек созданного им учения превратили в вид религии - в христианство, причем - в церковное, убив тем самым самую религиозную основу.

Противоречие

Пусть был бы Бог. И предложил бы: выбирай,
Склонишься предо мной - заслужишь светлый рай
На веки вечные, не то
Исчезнешь в темное ничто.
Сказал бы я, что предпочту второе предложенье.
Не стоит вечности земное униженье.
А как специалист замечу, Боже,
Что вечность скоротечна тоже.

Именно это, а не власти и не косность толпы препятствуют мне больше всего в осуществлении моего великого замысла. Я ненавижу покорность. Я презираю людей, стоящих на коленях. Я исповедую бунт и протест. Если Бог - покорность и коленапреклонение, я против Бога. Я хочу, чтобы Бог существовал лишь для того, чтобы дать мне силы для бунта и протеста даже против самого Бога. Восстать против всего - против людей, партий, классов, держав, империй, природы, космоса... Против всего! Но... Но дерзко восстав против всего, я покорно плетусь в комиссию по принудительному трудоустройству и ложусь в кровать с развратной бабой из райкома партии.

Христос тоже звал к бунту и покорности одновременно. Для него это было естественно: его бунт - бунт духа, а не тела, т.е. бунт бестелесного Духа. Кесарево - Кесарю, Богово - Богу! А как быть мне? Мой бунт есть бунт одушевленного тела, бунт Духа, немислимого без тела. Я хочу невозможного, ибо нет никакой религии для тела. Для тела есть идеология. И все же я не оставляю своей претензии. Пусть противоречие. Но именно противоречие движет миром, - не зря же я в свое время получил пятерку по философии.

Я - атеист

Самое трудное в моем положении состоит в том, что я - атеист. Парадоксально? Ничуть. Есть один единственный (вырожденный) случай, когда религиозный человек может быть атеистом: если он сам есть Бог. Бог не может верить в свое бытие, ибо он не может относиться к себе как к чему-то вне его самого. Но оставим в стороне чисто логический аспект дела. Верующий безбожник - одно из самых удивительных, но вполне естественных явлений нашего времени. Религия в моем смысле предполагает Бога как своего создателя, но она не включает понятия Бога в свое содержание. Понятие Бога необходимо лишь отдельным видам

религии как обособившимся частям Религии.Идея Бога в них обозначает их религиозную природу, их принадлежность к некоему всеобъемлющему целому. Идея Бога есть признак Религии как целого в ее обособившихся частях. Само же целое не нуждается в этой идее, ибо оно как целое эквивалентно ей.

Понятие Бога двойственно: оно отчасти есть понятие идеологии и лишь отчасти - религии. В контакте с другими духовными явлениями (идеологии, науки, искусства) религиозные элементы в конкретных видах религии принимают такой вид, что абстрагировать в них первоначальную религиозную природу довольно трудно. Представление о Боге как о всемогущем существе, как о творце природы и человека имеет совсем нерелигиозную основу, хотя и входит как составная часть в конкретную форму религии. Лишь в качестве гипотетического лица, к которому обращается религиозно действующий человек, Бог есть элемент религиозной ситуации, но не самой Религии как таковой. Со временем я объясню эту мысль подробнее.

Как стать религиозным человеком, будучи продуктом современной культуры, в том числе - будучи атеистом, что дает человеку нашего общества религиозность, - вот главное, чему я учу людей. А прочее (лечение болезней, улучшение фигуры и тому подобное) есть лишь побочное мое занятие, как и у Христа.

Искушения

Совершенно случайно я стал свидетелем сцены искушения в нашем подъезде: лысый и пузатый отец трех взрослых детей совращал рано созревшую дочку своего соседа и приятеля. И вроде бы добился успеха. Меня эта сцена навела на размышления, можно сказать, космического масштаба. Но ведь грандиозные идеи и образы христианства возникли тоже на такой банальной житейской основе. И меня, как и Христа, искушал Сатана. Сначала он явился мне в облике знаменитой на всю страну "Целительницы". Она уговаривала меня стать ее "помощником", обещая мне третью часть выручки, кооперативную квартиру и прочие блага. Она настойчиво совала мне в руки пачку купюр, которая не поместилась бы в кармане пальто. Но я устоял. Претендовать на роль Бога и купиться на положение тайного провинциального богача, - это было бы самое унижительное падение. Потом Сатана явился мне в облике заведующего секретной научно-исследовательской лабораторией. Он предложил мне место в своей лаборатории, гарантируя через год сразу защиту кандидатской диссертации и однокомнатную квартиру в закрытом районе недалеко от города. Я отверг и это предложение, ибо все тайное, скрытое, закулисное противно природе Бога. Наконец, Сатана явился ко мне в облике помощника товарища Сусликова - товарища

Корытова. Он предложил мне стать "техническим" помощником, обещая неслыханную власть над людьми в подведомственной ему сфере партийного руководства. Я отверг и это предложение, ибо власть над телами людей лишает существо, претендующее быть Богом, власти над их душами. Кесарево - Кесарю, Богово - Богу. В этом я подобен Христу. Но со времени Христа прошло почти две тысячи лет. Кое-что за это время изменилось в мире. Изменились и формы искушений. Появились такие, против которых наверняка не устоял бы и Христос. Вот вам конкретный пример тому. Я вошел в храм (т.е. в забегаловку), когда там уже собралось много народу. Преобладали местные интеллектуалы. Кто-то из них получил гонорар, и они его коллективно пропивали.

- Эй, Христосик! - воскликнул один из них, увидев меня. - Топаи сюда. Если ты на самом деле Бог, докажи свою силу. Вот тебе бутылка. Если выпьешь одним дыханием и после этого пройдешь по половице до двери и обратно, не качнувшись в сторону, мы поверим в твою божественную силу и платим десятку. А если нет - с тебя десятка и бутылка. Согласен?

Ни слова не говоря, я взял бутылку и только мне известным способом вышиб пробку. Способ этот всегда поражает воображение свидетелей. Я беру бутылку, смотрю внимательно на пробку, и она с шумом выстреливает в потолок. Свидетели замирают от изумления и восторга. Так я и сделал и на сей раз, повергнув интеллектуалов в уныние и оцепенение. Затем я опрокинул бутылку в рот и всосал ее содержимое в себя с такой скоростью, что собравшиеся не успели разглядеть, что произошло. Этот трюк тоже могу делать только я один. Многие образованные алкаши (особенно - из "националистов") и партийные руководители предлагали мне большие деньги за обучение ему. Но я отказался. Не потому, что захотел держать в секрете свои трюки, а просто потому, что сам не знаю, как это у меня получается, и потому не могу научить других. Если бы я мог научить других, наша страна давно потешалась бы такими "фокусами".

Однажды я демонстрировал свои способности в физическом институте. Физики произвели расчеты и доказали, что при такой скорости течения жидкости бутылка взорвалась бы, как бомба, и вообще для жидкости такого рода и объема подобная скорость исключена. Значит, то, что я делаю, - фокусы и жульничество. Бутылка на самом деле была пустая: я как-то подменил их бутылку на свою. Я не стал с ними спорить. Они - ученые, правда всегда на их стороне. Я просто предложил им найти их бутылку и осмотреть "мою". Потом я предложил повторить "фокус", попросив их связать мне руки за спиной. Они принесли новую поллитровку. Поставили ее на стол. Я усилием мысли (на сей раз это было мне трудно, я покрылся холодным потом, побледнел) вышиб пробку, взял бутылку зубами и повторил физически невозможную операцию. Физики, говорят, до сих пор ищут объяснение этому трюку. Один гениальный мальчик построил новую теорию материи для этой цели. Его

посадили в сумасшедший дом, хотя все физики твердят о необходимости "сумасшедших идей".

Но вернемся на землю. Высосав содержимое бутылки, я прошелся по узкой половине до двери и обратно, молча взял положенную десятку и молча вышел из храма. Свернув в подворотню, я отрыгнул выпитое: мне предстояли еще встречи с выпивкой.

Новое и старое

Своему способу отрыгивать выпитое я могу обучать других. Странно, желающих научиться открывать бутылки моим способом и выпивать содержимое из горлышка полно, хотя эти способности совершенно бесполезны. А полезному способу отрыгивать выпитое не хочет учиться почти никто: люди пьют не для этого. Лишь начальник областного управления КГБ товарищ Горбань оценил мое "открытие" - доказательство тому, что у нас именно КГБ идет во главе прогресса. Товарищ Горбань предложил мне продемонстрировать мой метод раз десять подряд, причем - "на разнообразном материале": с водкой, коньяком, настойкой, наливкой, вином, пивом и комбинациями упомянутых жидкостей. Делалось это, разумеется, за государственный счет. Сам товарищ Горбань в это время тоже "пробовал" экспериментальные материалы, и я бы не сказал, что в дегустаторских дозах. Когда эксперимент успешно закончился (т.е. не осталось ни капли спиртного), товарищ Горбань сказал, что мой метод имеет огромное значение для работы советских разведчиков и дипломатов на Западе, и взял с меня подписку "о неразглашении". Но его докладная записка по всей вероятности застряла где-то в сетях бюрократизма. Оказывается, и в случае государственных интересов первостепенной важности новое пробивает дорогу себе в жесткой борьбе со старым. В данном случае под "старым" я имею в виду дедовский метод - два пальца в рот. Впрочем, может быть я отстал от жизни. Не исключено, что советские разведчики и дипломаты на Западе суют в рот не два, а три пальца. Между прочим, в конце эксперимента сам товарищ Горбань был трезвее, чем в начале его, - феномен, непостижимый для моего божественного разума. Я спросил его, как это он ухитряется делать.

- Это, брат, высшее искусство, это не всякому дано, - ответил он. - Это тебе не фокусы в забегаловках показывать.

Но о своем "высшем искусстве" докладную записку в высшие инстанции он не послал.

Причуды истории

Горбань оценил мой метод лишь настолько, насколько это касалось спиртного и интересов нашей страны на Западе. Я встречал одного талантливого самородка, который мог глотать даже гвозди и стекла, мог все проглоченное выбрасывать обратно через рот или с поразительной скоростью прогонять по кишечнику и выбрасывать с другой стороны. Я рассказал о нем товарищу Горбаню.

- Кто же наших товарищей на Западе будет гвоздями и стеклами угощать? - сказал он с усмешкой государственного руководителя большого масштаба. - Да и кормят там не то что у нас. Мало, но вкусно и калорийно. Зачем выбрасывать? Пусть это на пользу государству идет.

Я и Антипод

Как мужу суждена жена,

Так Богу нужен Сатана.

Муж, бросивший жену, уже не муж.

Бог, одолевший Сатану, низложен этим уж.

Самое большое искушение для меня, однако, есть порождение Сатаны - идеология. В меня она врывается в лице Антипода.

- Ты упомянул о современной культуре, - говорит он. - А что это такое? Наука? Техника? Медицина? Гигиена? Искусство? Литература? Что?! Ты претендуешь быть на вершине ее. В какой мере обоснована твоя претензия? Насколько мне известно, ты не преуспел ни в одной сфере современной культуры...

- В одной я все-таки преуспел. Это - та сфера культуры, в которой я действую, - духовная культура.

- Допустим. Но эта сфера культуры еще должна только быть развита на основе чего-то другого, а именно того, в чем ты не преуспел.

- Чтобы создавать духовную культуру на уровне современной "мирской" (скажем так) культуры, не обязательно быть выдающимся ученым, писателем, художником, артистом... Достаточно быть среднетипичным представителем своего общества, так или иначе впитавшим в себя идеи и результаты культуры своего времени, ее дух. Духовная культура и есть в некотором роде ее квинтэссенция, нечто разлитое в обществе и определяющее тип менталитета и эмоциональности человека нашего времени. Христос ведь тоже не был всезнайкой и всеумельцем.

- Но в таком случае надо создавать идеологию, а не религию, т.е. нечто антирелигиозное. Тем более ты - атеист.

- А что такое идеология?

- Идеология есть учение о мире, об обществе, о человеке и о

познании, опирающееся на достижения науки и техники. Задача идеологии - сделать сознание людей адекватным условиям их существования.

- Зачем?

- В интересах целостности общества и в интересах самого человека как частички единого целого.

- А ты уверен, что превращение человека в частичку целого не наносит ущерба человеку как суверенной личности? Дает ли идеология защиту человеку от его полного поглощения целым?

- Нет, конечно. Но для этого есть неписаная, практическая идеология. Вот некоторые ее принципы. Человек есть ничтожная тварь. Возьми от жизни все, что можешь. Не пойман - не вор. Работа дураков любит. Не важно, кто ты есть, важно, кем ты слынешь... Хватит?

- Хватит. Но ведь эти же принципы другие обратят на тебя.

- Выживает сильнейший.

- Если бы сильнейший! Выживает наиболее живучий, низводя качество жизни до уровня ничтожности.

- А что предлагаешь ты?

- Возвысить качество жизни до уровня Бога.

- То есть манию величия?

- Пусть так. Но это все равно лучше, чем мания ничтожности.

Второй источник

Чтоб путь к успеху не был долог,

И чтобы был он не тернист,

Тебе поможет идеолог,

Все объяснивший ленинист.

Вот в таком духе мы препираемся иногда часами. И в этом смысле идеология есть второй источник и, соответственно, вторая часть иванианства. В свое время сталинизм и гитлеризм уподоблялись друг другу, будучи врагами. Будучи врагом идеологии, иванианство невольно уподобляется ей хотя бы уже тем, что включает в себя проблематику идеологии и дает ей свое решение. Современная религия может развиваться в нечто значительное лишь как антипод и конкурент современной идеологии, причем - самым лучшим ее текстам.

- Вот тебе пример преимущества идеологии, - говорит Антипод. - Идеология ставит вопрос "Что есть истина?" и дает ему развернутый ответ. А религия? Этот вопрос перед ней был поставлен извне. И он остался без ответа. Не так ли?

- Так, - говорю я. - Но проблема истины не есть проблема религии. Проблема религии есть вера.

Что есть истина

Христос не ответил на вопрос Понтия Пилата "Что есть истина?". Вернее, он решил проблему, уклонившись от ответа на вопрос: проблема истины и лжи вообще не есть проблема религии. Любой ответ Христа означал бы нарушение существа религии.

- Что есть истина и ложь? - говорит мой собеседник. - Жизнь прожил. Умирать пора, а не знаю. В начале войны был я курсантом военного училища. Немцы дошли до Сталинграда. Положение критическое. В училище поступил приказ: отчислить четыреста курсантов в пехоту, под Сталинград. Я попал в число отчисленных. На подготовку к участию в боях нам дали всего месяц. Как мы готовились - смех. Впрочем, от нас другого и не требовалось. Когда нас бросили в бой, наша задача свелась к тому, чтобы бежать, падать, мерзнуть и быть убитыми. Можешь вообразить такое: мы наносили удар по противнику тем, что давали возможность убить себя. И что самое удивительное - мы победили. Но дело не в этом. Наша подготовка сводилась к тому, что мы спали, добывали самыми немислимыми способами добавку к жалкой еде и по очереди ходили к одной девчонке в хутор километров за пятнадцать. Девчонка молоденькая, но выдающая виды. Видать, не один полк пропустила через себя. И страшенькая к тому же. Но что поделать?! Нам было не до принцесс. Скоро в бой. Наверняка убьют. Обидно умирать, не попробовав бабу. Мы ей, конечно, кое-что носили. Кто что мог - еду, обмундирование. Посуду воровали в столовой. И был в нашем взводе парнишка. Интеллигентный, начитанный, даже утонченный. Мы его Аристократом звали. Красавец. Он осуждал наше скотское (как он утверждал) поведение. Сам же он нашел себе где-то девчонку, к которой питал самые что ни на есть чистые чувства. Уходил он к ней после отбоя и приходил под утро. Приходил грязный и измученный: дорога и днем-то была хуже не придумаешь, а ночью... Из лужи в лужу... Как он нам описывал свою красотку! Принцесса! Сначала мы не верили, смеялись. Но он так убедительно говорил о ней, что мы вольно-невольно поверили. И стали ему завидовать. И убогими стали казаться нам наши походы к страшенькой потаскушке. Мы уговаривали его, чтобы он "трахнул" ее и потом с нами поделился. Он возмущался, говорил о чистой и непорочной любви. Стихи сочинял. Неплохие, между прочим. Мы переписывали, заучивали наизусть. Аристократ сказал нам, что его Принцесса поклялась ему в вечной любви и верности, а он, если останется жив, вернется к ней и женится на ней. Промчался месяц. Мы приготовились к отправке на фронт. И Принцесса сама пришла проводить нашего Аристократа. Мы, естественно, все бросились взглянуть на нее, игнорируя крики командиров. Прибежали мы туда, где Аристократ прощался со своей Принцессой и... остолбенели от изумления. Это была она - наша страшенькая потаскушка. Можешь представить себе, как мы хохотали, когда прошло первое изумление!

Хохотали до слез, до коликов в животе. Падали на землю, корчась от хохота. Но надо было видеть их самих - Аристократа и его Принцессу! До смерти не забуду эту картину. Они не подали друг другу руки, не взглянули друг на друга, разошлись, не промолвив ни слова. Но лица! Лица! Надо было видеть их лица. Глаза! И это - любовь? Чистая и непорочная любовь? Где она, эта "чистая и непорочная", скажи мне? Я понимаю, что мы были последними сволочами. Но почему они разошлись так? Если была любовь (была же она!), куда она девалась? Куда? И почему в жизни все происходит так грязно и подло? Ответь, почему? Мне эта проблема с тех пор покоя не дает. Жизнь прожил, а так ни разу и не видал ничего такого "чистого и непорочного". Почему? Отвечай! Что есть истина?

Не все в воле Божией

Выслушав того человека, я сказал себе следующее. Жалкий червяк! Ты претендуешь на роль высшего из всех мыслимых существ - на роль Бога, а не можешь решить самую примитивную задачку самого примитивного человека! Признай свое ничтожество! Завтра же иди в комиссию по трудоустройству и соглашайся на любую работу, какую тебе предложат! Это будет твой самый весомый вклад в дело спасения человечества.

Приняв твердое решение покончить со своей божественной миссией, я почувствовал необычайное облегчение. Сразу пропала изжога, появившаяся после только что съеденного обеда. Взгляд мой стал задерживаться на встречах женщин. Но это продолжалось недолго. Я вспомнил о том, что мне через полчаса предстоит встреча с партийным руководителем городского масштаба, жаждущим вылечиться от заикания. И понял, что люди просто не позволят мне снять с себя функции Бога. Я им нужен именно как Бог, а не как ничтожный страдалец, радующийся простейшим проявлениям жизни.

Я им нужен как страдающий, но как Бог, - как страдающий Бог.

Я и Антипод

- Почему ты думаешь, что твое идеологическое учение есть истина? - спрашиваю я.
- Потому что оно основано на науке, - говорит он.
- А на чем основана уверенность в истинности утверждений науки? - не унимаюсь я.
- На практике, - говорит он.
- Но практика отвергла массу утверждений, считавшихся научными, -

не сдаюсь я. - И кто сосчитал, сколько утверждений науки и религии отвергла и подтвердила практика? К тому же твоя идеология такая же фантазия, как и религия. Она сосет соки науки, но сама не есть наука. Возьми утверждение идеологии о бесконечности мира в пространстве и времени. Логически оно недоказуемо. Опытным путем его не подтвердишь. Чем оно с этой точки зрения лучше утверждения о сотворении мира неким высшим существом?

- Есть опыт людей в течение миллионов лет, - говорит он. - Есть правила интерполяции и экстраполяции...

- Они суть правила логики, а не законы природы, - говорю я.

- Идеология в духе эпохи, - пускает он в ход последний аргумент.

- А ты уверен, что "дух эпохи" не изменится в ближайшее время? - наношу я свой решающий удар.

На этот раз я победил. Но чаще побеждает он. Меня это не смущает. Немцы в прошлую войну выиграли почти все битвы, но продули войну в целом.

Так и я могу проиграть Антиподу все отдельные дискуссии, но могу выиграть в конечном результате, ибо религия побеждает, идя дорогой поражений, - такова ее историческая роль.

Мой медицинский статус

Само собой разумеется, меня поставили на учет в психиатрическом диспансере, хотя я там до этого ни разу не был, и никакого обследования с этой точки зрения не проходил. Произошло это так. За мелкое хулиганство, которого на самом деле не было (меня избили незнакомые лица), меня осудили на пятнадцать суток. В один из этих дней меня посетила "комиссия" из трех человек. Главный из них просил меня "признаться чистосердечно", являюсь я шизофреником или нет.

- Если я скажу "нет", - ответил я им, - то вы будете рассуждать так: он шизофреник, поскольку шизофреники отрицают, что они шизофреники. А если я скажу "да", вы будете рассуждать так: он парень образованный, знает только что приведенную истину, и потому соглашается считать себя шизофреником, чтобы скрыть тот факт, что он - шизофреник.

- А ты не дурак, - сказал глава комиссии. - Значит, шизофреник. Так и запишем.

И записали. На всякий случай. Чтобы можно было в любое время изолировать. В связи с важными событиями (праздники, приезд руководителей из Москвы) город очищают от всякого сброда, вроде меня. Таких "шизофреников" в городе сотни. И их всех в таких случаях забирают в сумасшедший дом, знаменитый на всю страну. Я же теперь на это время исчезаю сам. В последний раз я исчез на даче у самого начальника Областного управления КГБ - работал на его

участке (копал землю, пилил дрова, красил заборы и даже чинил печи).

В тот раз один из членов "комиссии" задержался на минутку.

- Я себя чувствую так, будто меня не было, нет и не будет никогда, - тихонько сказал он. - Вместе с тем мне кажется, что я был, есть и буду всегда. Что это по-твоему?

- Божественное начало в человеке, - сказал я. - Человек отличается от животного своей причастностью к Вечности.

- Ясно, - сказал он. - Только по-дружески советую, не говори больше никому об этом.

Трудности профессии

Моя профессия принадлежит к числу трудных и опасных, хотя оплачивается крайне низко. Об опасностях расскажу потом. А трудности заключаются главным образом в том, что мои ученики и пациенты почти никогда не понимают меня и потому обижаются на меня. Вот, например, средних лет мужчина, занимающий приличный пост, потребовал (не попросил, а потребовал) научить его быть красивым. Я сказал ему для начала следующее: если хочешь иметь красивое лицо, мой регулярно ноги. Он не понял фигурального смысла моего изречения: приведи сначала в порядок все, что в тебе скрыто от глаз посторонних. Он понял мои слова буквально. Разгневался. Поносил меня последними словами как жулика и шарлатана. Не заплатил за визит ни копейки. Погрозились сообщить обо мне "куда следует" (это - уже из области опасностей). Я сказал ему, что "там, где следует" могут заинтересоваться, как он встретился со мной, и это может ему повредить. Он выругался матом. Но по-видимому не донес. И на том спасибо. Другой человек попросил меня научить его выражать заложенные в нем потенции, так как он хочет самосовершенствоваться. Я сказал ему, что надо стремиться выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Он тоже обиделся. И тоже не заплатил. Правда, он не ругался матом и не грозился донести: как-никак он собирался самосовершенствоваться. Но то, что я ему посоветовал, есть единственно возможный путь самосовершенствования, ибо в человеке вообще нет никаких скрытых потенций. Это предрассудок, будто такие потенции есть.

Бывают и смешные случаи. Одна длинноногая женщина попросила помочь ей придумать что-нибудь такое, чтобы нос не казался таким длинным. Я ей сказал, что ее проблема тривиальна: надо ей самой сделать свой нос предметом шуток и подчеркивать его размеры и безобразие. В истории такие прецеденты уже имели место. Она тоже сначала обиделась. Тоже ушла, не заплатив. Но через месяц она разыскала меня и заплатила по-царски. И была счастлива. Я ей посоветовал изучить литературу, касающуюся носа: шутки,

анекдоты. Через полгода она успешно вышла замуж. Я был приглашен на свадьбу, потом - на пьянку по поводу рождения сына. Упившийся муж отозвал меня в сторонку и попросил придумать что-нибудь такое, чтобы уменьшить нос его супруге, - за это время он стал еще длиннее и уродливее.

Добро и зло

Один старый забулдыга рассказал мне такой случай. Сталину доложили, что профессор Н прислал в "Коммунист" статью, в которой оспаривает некоторые утверждения Сталина о языке.

- Товарищ Н впал в ошибку, - сказал Сталин. - Человек он заслуженный, надо ему по-товарищески помочь преодолеть заблуждение.

- Как конкретно? - спросили Сталина.

- Расстрелять мерзавца, - сказал он. Глаза его в этот момент источали доброту. Сталин понимал соотношение добра и зла. Он был почти что Бог, но не Бог: он был Сатана. Потому он говорил с акцентом.

Советский человек охотно причиняет зло ближнему и делает подлости. Но он предварительно убеждает себя в том, что он имеет на это моральное право, что его действия оправданы так или иначе, что они в конце концов суть не зло, а добро. Мне, например, приходилось беседовать с десятками людей, совершавших супружеские измены. Лишь немногие из них делали это без психологического и морального самооправдания. Как правило, они находили причину своего предательства в недостатках супругов, которым изменяли, и рассматривали свое поведение не как предательство, а как некий выход из создавшегося положения, как стремление преодолеть трудности и даже как желание облагодетельствовать тех, кому они изменяли. Почти во всех таких случаях результатом была аналогичная ответная реакция второго из супругов, причем, тут моральное оправдание уже не вызывало сомнения. Подлость за подлость, зло за зло! И так устанавливалось некое житейское равновесие, именуемое добром. Совершенно аналогичные случаи я видел в служебных отношениях людей, в творчестве, в "светской" жизни.

Зло за зло - вот практически действующий принцип нашего жития. Бог уже не в силах противостоять ему.

Что я делаю, если люди хотят делать зло? Такие люди ко мне не приходят. Тот, кто хочет делать зло, в советах не нуждается. Он и без советов сам хорошо знает, как это делать. Кроме того, я не учу ни добру, ни злу. Я учу тому, как жить в таком разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла. Вот против меня за столиком в дешевом кафе сидит почтенный отец семейства. На ресторан у него

денег нет. Да и на эту беседу он, я чувствую, сэкономил за счет желудка. У него сын кончает школу. Парень способный, но далеко не гений. Особых склонностей ни к чему нет. Хороший комсомолец, но не активист. На карьере ни желания особого, ни энергии не имеет. Как быть? Отцу, естественно, хочется, чтобы сын хорошо устроился в жизни. Чтобы не был рабочим или мелким служащим. Но не хочется, чтобы сын становился обычным хапугой, горлопаном, холуем и все такое прочее. Как быть? Где тут добро и где тут зло? Простая жизненная проблема. Я уж не говорю о таких проблемах, как улучшение фигуры, похудение, "накачивание" мускулов, сохранение половых потенций до крайней старости, преодоление бессонницы, преодоление страха смерти... Где тут зло и где добро? А вот вам другой случай. Лучший ресторан города. На столе - лучшие вина и лучшие закуски. Два официанта почтительно изогнулись перед нами. Мой собеседник на сей раз - профессиональный грабитель, вор, мошенник. Он не спрашивает меня о том, как убивать, не оставляя следов, как воровать и мошенничать, оставаясь неуловимым для правосудия. В этих делах он сам выдающийся специалист, профессор, академик. Его интересует другое. В последнее время у него стали появляться признаки страха, нерешительности, сомнений и прочих нежелательных в его деле состояний. Как их преодолеть или хотя бы ослабить? Что должен делать я? Отказаться ему в моих советах? Это не соответствует моим принципам: то, чему я учу, не зависит от того, кого я этому учу. Кроме того, этот человек есть злодей с юридической точки зрения, а я на себя брать функции официального судьи не хочу. Для меня он просто человек, нуждающийся в моей помощи. "Если бы Вы знали (он обращается ко мне на "Вы" в отличие от многих добропорядочных людей), с какой мразью мне приходится иметь дело, - говорит он, - Вы бы сочли меня самым благородным человеком в этом гнусном обществе." Если этот человек снимет хотя бы половину драгоценностей с той толстой бабы, которая требовала оторвать ее от пола, не прикасаясь к ней руками, сделает он доброе или злое дело? Судить об этом есть функция суда мирского, а не божьего.

В одном, несомненно, даю я поруку,
Что эту российскую серость и скуку,
Российскую пошлость до боли и рвоты
Не буду менять на любые красоты.

Я рожден именно для этой безысходной русской тоски, для решения неразрешимых русских проблем. Нельзя быть пророком в своем отечестве, считал Христос. Мое положение иное: мне не суждено стать пророком вне своего отечества.

Трудный случай

- Мы тебя, Лаптев, под землей найдем, - сказали мне эти люди, - от нас не спрячешься. Но не бойся, сегодня мы тебя не берем, а приглашаем для консультации.

Меня посадили в черную "Волгу" и повезли в район, где расположены загородные дома высших чиновников города. И вот меня ввели в кабинет самого товарища Корытова.

- Вы абсолютно здоровы, - сказал я ему вместо приветствия. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы установить это.

- Сам знаю! - грубо ответил товарищ Корытов. - Я тебя не за тем позвал. Вот что, Лаптев! Есть важное партийное поручение. Выручишь - награжу, нет - пеняй на себя. Завтра в городском театре выступает Ермилкин. Как, ты не знаешь, кто он такой?! Тем лучше. Так вот, ты должен сделать так, чтобы он в ответах на вопросы... В докладе ничего не сделаешь, он его читать будет, а в ответах можно. Так вот, в ответах на вопросы Ермилкин должен допустить серьезную идеологическую ошибку.

- Кто меня туда пустит?! - пробовал отделаться от такой задачи я. - Откуда мне знать вопросы, что считать ошибкой? Я же не знаю и знать не хочу вашего учения! Я же не знаю, что у вас считается истиной и что заблуждением!

- Все будет устроено, Лаптев, - спокойно сказал товарищ Корытов. - Будешь сидеть в ложе, совсем рядом с трибуной. Вот тут - вопросы, которые будут заданы Ермилкину. А вот - ответы на них, которые заготовлены заранее Ермилкину.

- Так как же..., - заикнулся было я.

- Мы все продумали, Лаптев, - оборвал мою попытку Корытов. - Когда руководители отвечают на вопросы "трудящихся", они стараются делать вид, будто отвечают без бумажки, кое-что стараются запомнить, допускают некоторые вольности и иногда даже импровизируют. Психологический контроль ослаблен. Вот тут-то их можно сбить с панталыку. Умело, конечно. Вот тебе ответы на вопросы, которые ты должен внушать Ермилкину. Понял? Хотя бы один. Но обязательно хотя бы один. Иначе... Что тебе нужно для этого?

- Отдохнуть и сосредоточиться, - сказал я, почувствовав себя бездарным учеником великого маэстро Корытова.

Отсыпался я на даче у Корытова, под охраной (как бы не сбежал). Первый раз за полгода принял ванну. Мне хотели сбрить бороду, но я запротестовал: без бороды я потеряю свою "психицкую силу". Вечером, одетый с иголочки, и даже с галстуком, я сидел в ложе бенуара, всего метрах в шести от трибуны, с которой начал произносить пламенную речь секретаря Обкома партии по идеологии (как я узнал от охранников) товарищ Ермилкин. Начал и... споткнулся на слове "реорганизация". Он несколько раз пытался преодолеть его и каждый раз допускал ошибку. В ложу ворвался

побледневший помощник Корятова.

- Тебе, м...к, сказано было..., - зашипел он мне в ухо.

- Я тут не при чем, - зашипел я в ответ, - это он сам...

Наконец товарищ Ермилкин одолел коварное место доклада, и речь его снова ликующе-уверенно загремела в зале.

Пока товарищ Ермилкин читал речь (он еще раз пять споткнулся аналогичным образом), я изучал его и пытался установить с ним духовный контакт: мне нужно было, чтобы он сам почувствовал мою заинтересованность в нем, и чтобы я ощутил в себе способность воздействовать на его душу. Контакт не получался. Я почувствовал, что это существо либо покрыто некоей духовно непроницаемой оболочкой, либо у него нет вообще такого органа, на который можно было бы оказывать духовное влияние.

- Ну как, - зашептал помощник Корятова, - подготовился? Сейчас начнутся ответы на вопросы. Действуй!

- Он не поддается духовному воздействию, - прошептал я в ухо помощника. Тот умчался куда-то, вернулся бледный, запыхавшийся.

- Ищи, Лаптев, выход из положения, - зашептал он, - ищи! Иначе!...

- Я могу работать вон с тем жирным типом в президиуме, который перебирает бумажки, - прошипел я. Помощник опять убежал.

- Ладно, - сказал он, вернувшись. - Действуй хотя бы так. Пусть он спутает бумажки с вопросами, понял? Пусть седьмую положит на место пятой, пятую на место девятой, а девятую - на место седьмой. Действуй!

Эта задача для меня оказалась примитивной. После первого нелепого ответа Ермилкина в зале началось веселое оживление. После второй нелепости начался сдержанный смех. До третьей нелепости дело не дошло: объявили, что вопросы исчерпаны, устроили товарищу Ермилкину овацию и прикрыли совещание. Помощник Корятова похвалил меня за то, что я нашел выход из затруднения, но в наказание не выплатил гонорар. Думаю, что он жаждал его себе. Я не стал настаивать: я был рад, что меня отпустили с миром. По дороге в свою "берлогу" я думал над проблемой духовного опустошения и духовной непроницаемости советских чиновников. Для религии тут, конечно, не остается никакой надежды.

Снова о добре и зле

То, что человек делает лично для себя, не есть добро и не есть зло. И не все приятное другим людям есть добро. И не все неприятное есть зло. Если ты делаешь приятное злодею, ты не делаешь добро, хотя может быть не делаешь и зло. Нет общих критериев добра и зла. Их можно выдумать, но их нельзя применить. Надо просто составить список дел, считаемых добром или злом. Христос так и поступал. Его заповеди во многом потеряли смысл для нашего времени. И их

очень мало. Нужны новые заповеди. Может быть сотни или тысячи. Их надо найти так, чтобы советы для конкретных случаев получались как их следствия. Для этого нужен гений такого масштаба, что имя "Бог" не будет сильным преувеличением.

Жулики

Если в обществе есть настоятельная потребность в чем-то, и если общество не удовлетворяет ее законно, обязательно возникает нелегальная сфера удовлетворения этой потребности. Сейчас наш город превращается в гигантский индустриальный и культурный центр. Огромные массы людей стекаются в него и перемешиваются в нем. Все старые сдерживающие средства оказались бессильными. Партийные и комсомольские организации сами с головой окунулись в эту мешанину. Супружеские измены стали настолько обычным делом, что на них уже совсем не обращают внимания. Дети (особенно девочки) вовлекаются в сексуальную жизнь уже в школе. Милиция уже не справляется с проституцией, причем - большинство городских проституток несовершеннолетние девочки, часто - из благополучных семей. Появились наркоманы. Откуда они в наших краях берут наркотики? Из картошки получают? - Неизвестно даже КГБ, а о Боге и говорить нечего. Алкоголизм вообще не в счет, - это теперь сравнительно невинный порок. И если с ним борются, то отчасти по привычке, отчасти с намерением повысить дисциплину и производительность труда.

Появление в этих условиях множества проходимцев вроде меня вполне закономерно. Каких только персонажей тут нет! Я с этой средой знаком лично. Как-нибудь при случае я попробую описать ее подробно. Поскольку эта среда тоже есть массовое явление, она подчиняется общим законам поведения масс людей и людей в массе. Есть у нас выдающиеся таланты и серые бездарности, добросовестные и шарлатаны, порядочные и жулики. Хотя мы все официально слышем за жуликов, но те, кого мы сами считаем жуликами, суть сверхжулики. В прошлом году, например, в город приехал из столицы некий психиатр, который начал учить женщин, как не беременеть без всяких противозачаточных средств. Чисто психологически. Одним усилием воли. Мне было достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что это за птица. Он потребовал оплатить курс обучения вперед, причем - за каждый урок среднюю заработную плату советского служащего и рабочего. Желающих учиться оказалось больше тысячи. В день, когда было обещано начало занятий, "Психиатр" сбежал с чемоданом денег в неизвестном направлении. Среди записавшихся на курсы "культуры секса" (как он их называл) были жены и дочери всех руководителей области без исключения, генералов и офицеров гарнизона и прочих

платежеспособных лиц города. Представительницы мира искусства оплатили (и вперед, конечно!) дополнительные частные уроки, которые тоже, впрочем, не состоялись. После бегства "Психиатра" в городе были произведены повальные аресты всяких "целителей", "ясновидцев", "гомеопатов" и прочих представителей нашего преступного мира. Я избежал этого, поскольку находился под покровительством самого высокого начальства. Впрочем, почти всех арестованных вскоре выпустили: общество уже не могло существовать без них достаточно долго. Само собой разумеется, официально наша преступная сфера считается несуществующей и всячески маскируется. Наше общество должно выглядеть совершенно здоровым в морально-бытовом отношении. Кстати, оно таким и является с точки зрения официальных критериев здоровья.

Богиня

В доме, где я сейчас обитаю, живет Богиня. Это - девочка лет шестнадцати. Она учится в балетной школе. Поскольку балет есть наше важное политическое и идеологическое оружие, в городе есть оперный и балетный театр и балетная школа. И неплохие. На Западе, говорят, даже в столичных городах таких нету. Не знаю, какая балерина выйдет из моей Богини. Думаю, что плохая. Она слишком хороша (или недостаточно страшна) для хорошей балерины. Но женщина из нее выйдет красоты неопишуемой. В ней собрались воедино все лучшие качества женской русской красоты. Когда она выходит на улицу, жильцы высовываются из окон, прохожие замирают и оглядываются на нее, шоферы тормозят, ловеласы преследуют ее. При встрече со мной она вздрагивает и уступает дорогу. Я с ней регулярно здороваюсь. Она не отвечает на мои приветствия. Я мечтаю о ней все ночи напролет. Ради нее я тщательнее моюсь, стираю свое бельишко, особенно - носки, запломбировал зубы, холью шевелюру и бороду. Хотя одет я как живущий на одну стипендию студент, на баб я произвожу неотразимое впечатление, я это знаю. Знакомые (даже мужчины) считают меня красавцем. Лишь Богиня не обращает на меня внимания. Она еще не знает, что я - Бог, и что она предназначена мне, ибо она - Богиня. А как ей дать знать, что я - Бог, если она - примерная комсомолка, если у нее свои представления о богах, если ее красота уже принята в расчет в ее жизненной карьере? Я мечтаю о том, чтобы с нею случилась болезнь, какие я и только один я умею лечить. И тогда... Но она здорова и уравновешенна. Безмятежное чело ее свидетельствует о том что у нее нет проблем, и мысли ее просты.

Один забулдыга, увязавшийся за мною, остолбенел при виде моей

Богини и выругался витиеватым матом.

- Вот трахнуть такую! - резюмировал он свои восторги.

- Чудак, - сказал я, - такие богини появляются для безмолвного обожания. А для "траханья" больше подходят вот такие красотки, - я кивнул ему на посудомойку из кафе, вытаскивавшую помой с черного хода.

Мои советы

Во всяком деле есть свои аксиомы. Есть они и в моей профессии. Вот одна из них: совет должен быть сформулирован так, чтобы благоприятный результат выглядел как следование совету, а неблагоприятный - как отказ следовать ему. Есть и другие правила. Когда ко мне обращаются за советом, я никогда заранее не знаю, что именно я буду советовать. И я никогда не забываю, что именно я посоветовал. Потому я каждый раз заново изобретаю свой совет, если даже имею дело с повторяющимся случаем. Я имею дело с живыми людьми и конкретными ситуациями, а не с абстрактными примерами, так что не могу позволить себе стандартные ответы на типичные вопросы.

Сейчас передо мною - взволнованный молодой человек. Он больше не может терпеть, чтобы в мире творились "все эти безобразия", он хочет бороться и влиять на ход событий в мире, но не знает, как это делать.

- Главное, - говорю я ему, - начать. Потом все пойдет как бы само собой. Надо с чего-то начать - вот в чем проблема. Я советую Вам начать с самого начала, с Абсолютного Начала. Что это такое? Я Вам опишу некое подобие его, а Вы уж сами догадаетесь, что это такое. Придите домой, останьтесь в комнате один, закройте окна, закройте дверь, потушите свет и подумайте про себя: я хочу, чтобы в мире прекратились "все эти безобразия", хочу, чтобы жизнь для людей стала лучше, хочу сам активно участвовать в жизни и влиять на ее ход! Повторите это много раз. Скажите: хочу и буду! И после этого Вам многое станет яснее. И Вы сами увидите, как Вы можете влиять на мир.

Не успел я закончить мой совет, как восторженный молодой человек убежал, восклицая, что "это - гениально!", что ему самому "следовало бы догадаться!", что "это же очевидно!"...

К сожалению, он тоже забыл заплатить за совет. И я до сих пор еще не заметил следов влияния его на ход событий в мире.

Будущее за идеологией

Если бы я имел дело лишь с официальной идеологией в том виде, как она существует сейчас, я бы ее легко одолел. Но в идеологии есть и творческое начало. Именно оно противостоит мне в лице Антипода, а не идеология вообще. У Антипода есть своя сверхзадача - поднять идеологию на такой уровень, с которого все остальное будет иметь жалкий вид в течение многих веков. Он хочет идеологию поднять на божественную высоту. Если это произойдет на самом деле, то религии, конечно, придет конец навечно. Но удастся ли ему это - вот в чем вопрос. Способна ли идеология вообще позволить какому-то ее реформатору возвысить ее до уровня Бога и еще выше?

- Уже давно идет непримиримая борьба между религией и идеологией за сознание людей, - говорит Антипод. - Религия терпит поражение. Судьба ее предрешена. Почему? Религия идет против природы человека и общества. Она прививает человеку способность к самоограничению. Идеология соответствует природе человека и общества. Она прививает человеку способность приспособляться к своей социальной природе и среде. Ограничения на поведение людей, которые могла бы привнести в общество религия, слишком слабы для современного человека и не реалистичны. Чтобы современного человека держать в узде, нужны мощные органы надзора и подавления, нужна система наказания, нужна сила коллективного воздействия и контроля. Религия дает человеку некоторую индивидуальную самозащиту, если этот человек не имеет доступа к благам жизни и не имеет шансов преуспеть. Но она тем самым прививает ему покорность обстоятельствам, пассивность. Идеология же дает человеку некоторые средства индивидуального нападения на общество, если человек стремится к жизненному успеху, стремится получить доступ к благам жизни, имеет для этого возможности. Она тем самым прививает человеку активность. Религиозность есть капитуляция перед социальными обстоятельствами, идеологичность - нападение на них. Не религия, а идеология отвечает на вопрос: как жить наилучшим образом в современном обществе? Религия отвечает на другой вопрос: как наилучшим образом оправдать для самого себя свою жалкую участь и неспособность иметь жизненный успех? Чье положение перспективнее? Ты сам прекрасно знаешь, что наша русская церковь и хранящая ее религия давно утратили религиозную сущность и играют подсобную роль в системе нашей идеологии. Это не случайно. Любая старая религия в наше время перерождается в идеологию. А так как она стремится сохранить некие религиозные атрибуты, она не способна переродиться полностью и потому обречена на подделку, на ложь, на страдание и гибель.

Хотя идеология не наука, она черпает свое содержание в значительной мере из науки. Она апеллирует к разуму, а не к слепой вере. Объект ее воздействия не невежественный человек прошлого, а сравнительно образованный человек будущего.

Сейчас идеология имеет вроде бы жалкий вид. Но так казалось не всегда. Сравнительно с общим низким уровнем культуры в стране в сталинское время она была явлением высокой культуры. В послевоенное время общая культура наиболее активной части населения переросла уровень идеологии. Это несоответствие рано или поздно будет преодолено. Идеология возвысится над общей культурой и образованием масс людей, сама станет вершиной культуры. И в этом деле ее возвышения будет доля и моего труда.

Идеология имеет неоспоримые преимущества перед религией и с точки зрения мощи того государственного аппарата, с помощью которого она прививается и навязывается людям. Сейчас этот аппарат громаден, но груб и примитивен в деталях. Это состояние его тоже исторически преходяще. Пройдут годы, и аппарат идеологии превзойдет аппарат религии - церковь. Появятся прекрасные идеологические "храмы" - идеологические центры при районных, городских и прочих комитетах партии. В этих центрах будут театры, кино, клубы, библиотеки, спортивные учреждения, концертные залы. Все основные элементы культуры и развлечения будут распределяться между людьми через эти центры. Сложатся свои красивые ритуалы, охватывающие праздники и основные даты жизни людей. Даже психотерапия и психоанализ будут подчинены идеологическим "храмам". Но на все это нужно время. Века нужны. И гений человечества должен быть вложен в это - гений архитекторов, художников, поэтов, музыкантов, ученых, артистов, проповедников...

- Должен быть вложен - с этим я согласен, - сказал я. - Но будет ли вложен? - вот в чем вопрос.

- Будет!

- Когда? Через тысячу лет?

- Пусть через две. Время тут не имеет значения.

- Терпит поражение не религия вообще, - говорю я, - а религия в ее определенной исторически-преходящей форме. Религия, о которой я говорю, не терпит поражения хотя бы по той причине, что она еще не родилась. Проблема не в том, будет она господствовать в обществе, а в том, родится она вообще или нет. Вот тебе только один из аспектов жизни общества, позволяющий делать на этот счет позитивные предположения. Люди в массе стремятся как можно меньше работать, не ограничивать себя и не испытывать всякие неприятности. Но при этом они стремятся иметь как можно больше всяких благ, удовольствий, развлечений. Это кажется естественным. Но - лишь на первый взгляд. Неизбежным результатом удовлетворения этих стремлений является пресыщение, скука, разочарование, разврат, депрессия, тяга к искусственным возбудителям, расцвет негативных страстей и качеств людей (зависть, злоба, лицемерие, обман...). Даже в нашем сравнительно бедном, идеологизированном, строго контролируемом обществе с

обязательным трудом уже нарушено нормальное соотношение между тем, что человек имеет, и тем, как это ему достается. Если не будет найдено общественно-значимое средство самозащиты людей от этой ненормальности, человечество будет деградировать.

- И ты думаешь, твоя религия спасет от этого? - говорит Антипод.

- Нет, я так не думаю. Я не верю в спасительную миссию религии. Я верю в другое: найдутся люди, которые откроют для себя религию, соответствующую их положению, причем - как единственное средство самозащиты. Они создадут образцы праведно прожитой жизни. Им будут подражать другие...

- Один такой изобретатель передо мной. И многие ли подражают ему?

- Но я еще не дорос до уровня, который мог бы быть образцом. Мой путь еще не закончился. Моя жизнь еще не известна никому, чтобы нашлись подражатели...

- Сколько "но", посчитай! А ты уверен, что они все будут сняты? А ты уверен, что после этого появится хотя бы один желающий повторить твой путь? Вспомни об этих моих вопросах в конце своего пути! Во всяком случае я тогда приду к тебе, что бы ни случилось, и скажу тебе мое последнее слово.

Фундаментальное открытие

Я внезапно проснулся среди ночи. Тикал будильник. Скребились мышцы. А в остальном была черная тишина. И меня вдруг осенило: Бог нужен не для загробной жизни - таковой все-таки нет и никогда не будет. Он нужен для этой, земной жизни. Он нужен для того, чтобы достойно человека прожить свое мгновение жизни и исчезнуть. Он нужен именно потому, что Его нет и никакой загробной жизни не будет. Если бы Он был, Он был бы не нужен - вот основной парадокс бытия. А если Он нужен, Он все равно придет, хотя его нет. Придет! Он уже в пути.

Люди, я иду! Я скоро буду среди вас и в вас!

Потрясенный этим открытием, я потерял сознание, о чем узнал потом, когда очнулся.

Когда я очухался, около меня сидел врач. Он по-видимому только что сделал мне укол. "Обыкновенная дистрофия, - сказал он моей хозяйке. - Отощал парень, я говорю. Подкормить его надо. Лучше питаться надо, молодой человек (это - ко мне, я открыл глаза). На воздухе больше бывать надо. Спортом заниматься. Постой-ка! Кого ты мне напоминаешь?... Ужасно знакомое что-то, а припомнить не могу... А, вспомнил, Христа! Здорово похож! Вылитый Христос! Ну, всего хорошего! Поправляйся. Только бороду лучше сбрей, а не то с милицией хлопот не оберешься. И не забывай о том, куда привела Христа его дорожка."

Коль станешь Богом, - говорит наука, -
Жить будешь без детей, не говоря уже о внуках.
Жить без любви. И даже без жены.
И без тревог, что с тем сопряжены.
Жить без друзей. И даже без знакомых.
Жить без вопросов и ответов им искомым.
Жить без походов. Без сражений.
Без радостных побед. Без горьких поражений.
Без завершающего путь венца.
Жить в бесконечном ожидании конца.
Жить в ожидании бесконечного конца.

Знакомство с Христом

После успокаивающего укола я мирно засыпаю. Укол - не смешно ли это выглядит в связи с претензией человека быть Богом? Я учу других, как преодолевать бессонницу и быстро приводить в норму свои нервы без всяких уколов, а сам мучаюсь бессонницей, а нервы мои... Об этом лучше не говорить.

Во сне вижу слепящее голубизной небо, раскаленное красное Солнце, пустынную каменистую дорогу. Слева виднеется застывшее Мертвое море, справа - безжизненные, мертвые скалы. По дороге медленно идет человек. Он бос. Ноги его покрылись пылью и кровавыми ссадинами. Он высок, худ и прям. Его прекрасные русые кудри и борода наполовину белы, хотя он молод. Глубоко запали большие, серые, горящие глаза. В них - отчаяние и обреченность. Кто этот человек? Христос? А таким ли он был? Может быть это я сам?...

Я совсем недавно обнаружил религиозный смысл своей жизни и деятельности и возымел дерзкую мечту стать Богом. До этого я Библию ни разу не держал в руках, а о религии знал из курса марксистской философии только то, что она есть "опиум для народа", и что наука и вся человеческая практика доказали ее вздорность. Я уже учил и лечил людей, приобрел известность как личность исключительная, потерял работу и с приключениями выкарабкивался из конфликтов с милицией, а все еще не знал о том, что начал свой путь на Голгофу.

Мое знакомство с Евангелием произошло так. Я снимал койку у одной набожной старушки, которая пустила меня жить в свою комнатку за десять рублей в месяц только потому, что была поражена моим сходством с каким-то святым. У нее я и начал читать на сон грядущий Евангелие. Начал и не мог остановиться. Старушка сначала сердилась: свет жгу. Но узнав, чем я увлекся, разрешила читать до самого утра. Я прочитал Евангелие одним махом. И вообще весь Новый Завет. И был потрясен моим сходством с Христом.

Оставим пока в стороне божественный аспект Христа, т.е. содержание его учения и его исцеления, и рассмотрим аспект чисто человеческого, бытовой. Что известно о Христе такое, что можно считать достоверным? Совсем немного. Был зачат до того, как его мать вышла замуж. Я признаю этот факт "непорочного зачатия", ибо сам был зачат не то что до замужества матери, а вообще без оногo. В отличие от Христа, моего отца установить не удалось. Отсюда - предположение соседок, что я тоже "святым духом" был зачат. Правда, соседки говорили это не с подобострастием, а с сарказмом. Среди советских граждан не нашлось ни одного старого осла, который согласился бы принять мою мать в жены. Она так и осталась матерью-одиночкой, а у меня в свидетельстве о рождении в графе "отец" остался прочерк.

У Христа были братья (а может быть и сестры). Но о них очень мало упоминаний в источниках, как и о матери его и об ее муже. Это тоже вполне понятно. У меня тоже есть два брата и сестра, но они не стоят упоминания, как и моя мать. Официального мужа, повторяю, у нее не было, а неофициальных сожителей она сама всех не помнит. В детстве мы с матерью с трудом умещались в одной комнатухе. Когда ее посещали представители отнюдь не Святого Духа, нас выгоняли погулять. Иногда эти прогулки затягивались допоздна, и нас выручали соседи. Они нас иногда и подкармливали. Как только я поступил в институт, я получил койку в общежитии и покинул дом. С тех пор мои связи с родственниками оборвались. Тем фактом, что меня лишили городской прописки, я обязан прежде всего моим ближайшим родственникам: они боялись, что я женюсь и приведу и в без того тесное жилье свою "шлюху". "Враги человека, - говорил Христос, - суть ближние его." Я его хорошо понимаю.

Затем в биографии Христа следует провал, если не считать бегства в Египет и возвращения. Появляется он на арене истории уже в районе тридцати лет, крестится и начинает проповедывать, учить в синагогах и исцелять болезни. И это понятно: я тоже мало что могу сказать о своей прошлой жизни, я тоже как бы вдруг возник близко к тридцати и сразу начал проповедывать и лечить. О Христе прошел слух по всей стране. И обо мне тоже прошел слух по всему городу и даже в других городах. Обо мне даже писали в статьях и книгах, правда, не называя полного имени ("эффект Л.", "феномен Л."). О Христе же никаких упоминаний в документах своего времени вообще нет.

Хотя никто не знает, как выглядел Христос внешне, все находят, что я поразительно похож на него. Особенно - блеск в глазах. Появился этот блеск по всей вероятности от голода и отчаяния. Но люди придали ему иной смысл, и он приобрел этот смысл. Увидев меня, известный в городе психолог, занимавшийся полузапретными модными экспериментами, заподозрил во мне способность поднимать и сдвигать предметы без прикосновения к ним. И такая способность во мне действительно обнаружилась. Но психолог, как

говорится, перегнул палку. Ему мало было, что я поднимал и сдвигал бумажки, спички, маленькие иголки, - это умели делать многие другие. Он решил научить меня гнуть и поднимать вилки, ложки, ключи. Покусился даже на водопроводную трубу. Сначала это принесло психологу славу ("эффект Л.", открытый таким-то), а кончилось погромной статьей в Энской газете ("Мошенники с дипломами ученых").

Когда Христос начал проповедывать свое учение, книжники удивлялись: откуда он знает Писание, ничему не учившись?! Я не верю, что Он ничему не учился. Он учился, как и я. И довольно долго, если только в тридцать лет начал проповедывать нечто свое. Мне тоже было около тридцати, когда я вдруг ощутил в себе способность говорить нечто свое. Он учился так, что его учителям казалось, будто он совсем не учился. Он превзошел учителей, и потому они считали его невеждой. Так же было и у меня. Я учился как-то незаметно, в стороне от отличников, как-то по-своему. Потом я вдруг сразу постиг все. Не могу объяснить, как это произошло. Только я почувствовал, что на любые темы могу высказываться лучше, чем другие. Причем - говорить так, будто я изучал эту проблему не один десяток лет. Порой я и о проблеме-то узнавал за минуту до того, как начинал импровизировать свое решение ее. Мудрость приходит сразу и во всем. Я начал высказываться где попало - на обсуждениях чужих книг, на заседаниях всякого рода групп и советов, в гостях, в забегаловках, в транспорте, в коридорах учреждений... Слух обо мне, как о Христе, распространился с поразительной быстротой. Одновременно я начал лечить. Причем, я выступал так, что после моего выступления все прочие ораторы забывались немедленно. И потому было дано указание не пускать меня в учреждения, где была возможность выступить, или не давать мне слова, если я просочусь. Руководствовались при этом "интересами науки". А на самом деле - обычная зависть. И в Евангелии сказано, что Христа погубили из зависти, а не из каких-то соображений.

Третий источник

Теперь я могу открыть вам третий источник иванианства: это - христианство. Правда, христианство стало третьим источником иванианства лишь после того, как я сформулировал основные идеи и принципы последнего. И если бы я случайно не наткнулся на Евангелие, мое учение могло бы остаться лишь с двумя источниками. Не знаю, было бы оно полнее при этом или нет.

Богиня

На сей раз я успел первым отскочить в сторону и освободить ей путь, согнулся в изящном поклоне, пробормотав вроде "Ваше Высочество" или "Принцесса". Она милостиво улыбнулась, поблагодарила и исчезла как чудное виденье. Весь день я сходил с ума. Отменил все свои визиты и консультации. Не выпил ни грамма алкоголя.

Сроки

Христос открыто и активно действовал всего несколько лет. Может быть три года. Значит, у меня еще есть несколько лет в запасе. Тоже года три, не больше. Надо успеть за это время изложить людям свое учение, завоевать признание, быть отвергнутым и заслужить казнь. Умирать от геморроя в лагере особого режима не хочу: оскорбительно. Представляете, если бы Христа просто посадили в лагерь особого режима, вроде наших советских, и он там умер бы от дистрофии?! Что было бы? Ничего! И всей западной цивилизации не было бы! В начале истории должна быть Великая Жертва - должна быть казнь. Странно, геморрой есть болезнь стариков, а меня она мучает с юности. Я ее прогоняю, а она снова заявляется. В чем дело? - А в том, - прогремел Голос Неба, - что ты с рождения был Велик и Мудр. Это - признак твоей исключительности. Это - знак твоей божественности. Не прогоняй болезнь твою, ибо ты должен постоянно страдать, но страдать самым унижительным образом. Ты думаешь, Христос не болел? Ничего подобного. У него были гнилые зубы, катарр желудка, поносы и геморрой. Да, геморрой! Геморрой есть болезнь богов, как подагра была дворянской болезнью.

Мой метод врачевания

Есть разница в подходе нашем к делу.
Болезни духа ты и те приписываешь телу.
Я же всему иду наперекор.
И как болезнь души лечу даже запор.

Христос скитался, питаясь и ночуя где попало. Я тоже скитаюсь, как бездомный бродяга. Городской прописки меня как тунеядца лишили. И паспорт на всякий случай отобрали. Но до сих пор не выслали из города: у меня есть высокие покровители - я лечу начальство от неизлечимых болезней и облегчаю жизнь их женам. Под моим руководством жены городского начальства в совокупности похудели

на полтонны по крайней мере. Недавно самого секретаря Областного комитета партии товарища Сусликова вылечил от рака. Я не вру. Факт этот зафиксирован в медицинских документах поликлиники Обкома. Секретарь сказал мне, что пока он здесь, меня из города никто не выселит. Лишь бы слух обо мне не дошел до Центра и оттуда не поступило указание расправиться со мною здесь или отправить в распоряжение Центра. Всякого рода язвы, гастриты, грыжу, аппендицит и прочие мелочи я лечу (впрочем, как и рак) прикосновением пальцев и заклинаниями. Главное - надо знать, где прикасаться пальцами к телу, в какой последовательности прикасаться и что думать про себя и говорить вслух. Никаких секретов у меня тут нет: все зависит от индивидуального случая, и я каждый раз угадываю процедуру лечения заново. Мне достаточно взглянуть на человека, как я сразу знаю, чем он болен, можно ли его излечить и как излечить, если это возможно. Если болезнь неизлечима, я заглушаю боли и облегчаю психическое состояние - это для меня пустяки. Обычно это происходит само собой - достаточно моего появления. Пальцы у меня длинные, тонкие и гибкие, как змеи. Один хирург, наблюдавший мои манипуляции, умолял меня ассистировать ему во время операций, уверял меня, что я - природный хирург. Но представитель профессии иного рода уверял меня, что я мог бы быть выдающимся карманником. Жаль только, что теперь люди носят в карманах лишь ничего незначащую мелочь. Самая интересная особенность моих пальцев - из них иногда выскакивают электрические искры, когда я прикасаюсь к телу других людей. В детстве мать однажды попросила соседа, чтобы он меня выпорол за какую-то проделку. Я схватил соседа за руку, и его ударило током. Он бросил ремень и после этого боялся прикасаться ко мне. А совсем недавно ко мне прицепился милиционер на улице. Я коснулся пальцем его лба, и его так сильно потрянуло током, что он потерял сознание. В милиции решили, что у меня есть сильные электрические батареи, провода от которых выведены в перчатки. Но у меня перчаток никогда в жизни не было. В поисках батарей, которых на мне, естественно, не обнаружили в милиции, перерыли все мусорные урны и помойки в округе.

Как я уже сказал, болезни я лечу своим присутствием, прикосновением и заклинаниями. Что это такое? Объясню на примере Секретаря. Оказавшись перед ним, я ощутил сильное внутреннее напряжение и увидел... именно увидел!... его болезнь. Я протянул к ней мои пальцы. Она вздрогнула и попятилась от них. И я понял, что я смогу ее победить. Я начал манипулировать пальцами, отыскивая наиболее уязвимые места. Болезни, - я начал свое сражение с ней. Одновременно я стал мысленно и отчасти вслух разговаривать с ней.

- Ты, - сказал я ей, - очевидно, по недоразумению проникла в тело этого человека. Это - большой человек, самый большой человек в нашем городе и в области. Он даже будет очень большим человеком

в Центре, а может быть - самым большим в стране. От него зависит жизнь многих миллионов людей. Он должен быть совершенно здоров и бодр, чтобы отдавать все свои силы заботе о людях. А ты! Что делаешь? И тебе не совестно? Неужели тебе мало простых работяг и крестьян, рядовых чиновников бесчисленных контор? Посмотри, сколько у нас в городе контор и сколько в них бездельников! Сколько у нас писателей, художников, ученых! И почти все они бездельники и паразиты. Неужели тебе надо непременно разрушать тело самого важного человека в городе? Сожри хотя бы одного из упомянутых мною паразитов! В крайнем случае - сожри начальника областного отдела КГБ или начальника областного управления МВД! Ну, хотя бы начальника отделения милиции, который готов в любую минуту выслать меня из города и оставить первого человека города беззащитным перед тобою!

Вот в таком духе я повторял свои заклинания многократно с разными вариациями. Не думайте, что я использовал ситуацию в своих корыстных целях. Во-первых, рак у нас тоже явление вполне советское, и разговаривать с ним надо было на доступном ему языке. Тем более это был высокопоставленный и политически грамотный рак. Во-вторых, мне надо было поддерживать в себе энергию, чтобы из пальцев моих она переходила в Секретаря и поражала Болезнь, а в этот период у меня как раз отобрали в милиции паспорт и велели приготовиться к высылке из города.

Я на сто процентов уверен в том, что и Христос обладал такой же способностью лечить людей, как и я. И метод у него был такой же. И я творю иногда чудеса, не хуже его. Вот, к примеру, ведущий тенор городского оперного театра потерял голос - перепил накануне и простудился. А сегодня ему нужно во что бы то ни стало петь: важная заграничная делегация будет слушать. Он сотни людей привел в движение, чтобы разыскать меня. Заплатил им огромные деньги. Они нашли меня в милиции: мне хотели дать пятнадцать суток за хулиганство. Певец дал большую взятку милиции, чтобы отпустили меня на несколько часов. Меня доставили к Певцу под конвоем. Взглянув на него, я сказал, что такой пустяк я мог бы вылечить даже по телефону. Протянув руки в его сторону, я сказал: "Пой!". И голос вернулся к нему. Певец был так рад этому, что позабыл вознаградить меня хотя бы стаканом чая: мне так хотелось пить!

Моя основная специализация - болезни духа, а болезни тела я лечу постольку, поскольку они суть лишь проявления болезней духа. Как опытный врач видит в теле людей скрытые болезни, так я читаю в душах людей многое такое, что они скрывают от других и часто от самих себя. Вот я бреду по улице. Бреду без цели. Мимо меня пробегают люди. Им кажется, что их душевные состояния скрыты в их телах. А для меня они суть обнаженные души.

Принципы целителей

Все прочие целители руководствуются такими принципами. Надо уметь выбирать больного и болезнь. Не тебя выбирают жаждущие исцеления, а ты их. Выбирай легко излечимых или мнимых больных, а также таких, которые выздоровеют и без тебя. Сумей приписывать себе то, что сделалось само собой или сделано другими. Если болезнь тяжелая или вообще неизлечимая, уклонись. Предлог найти - пустяк. Если нельзя уклониться или допустил ошибку в выборе больного (в диагнозе), старайся избежать огласки и свалить вину на обстоятельства, на других, на самого больного. Давай больному такие советы, чтобы он обязательно в чем-то уклонился от них, нарушил твои предписания, - такая уловка всегда даст тебе оправдание неудачи. Старайся вести лечение так, чтобы пациенты сами боялись огласки. С этой точки зрения очень выгодно иметь дело с ответственными лицами.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: главное в профессии целителя - диагноз. Тут дело обстоит так: нужно иметь на пять процентов опыта и интуиции и на девяносто пять - агентурных сведений. Диагностика целителей - это прежде всего и главным образом сбор сведений о состоянии здоровья населения. Затем - надо побуждать выгодных и удобных "больных" и больных обращаться к целителю. Для этой цели наш ведущий целитель имеет картотеку на десять тысяч человек, - он ухитрился как-то заставить все городские больницы давать ему информацию о здоровье населения. Кроме того, он содержит десяток агентов, которые приводят к нему пациентов.

Я, однако, к числу таких целителей не принадлежу. Я лечу, но сам не знаю, как и почему получается излечение. Я даже не столько лечу, сколько присутствую при излечении и своим присутствием облегчаю излечение.

Божественные страдания

Христос был распят. А как погибну я? Умру от геморроя в глуши или в тюрьме. Мысль об этом приводит меня в уныние. Если моя религия со временем завоеует мир, то что будут целовать верующие на моих изображениях? Думая о таком ужасном конце, я выжимаю слезу: обидно, что создатель великой религии кончил свою жизнь таким комическим образом. Но что поделаешь? Теперь люди научились убивать своих гениев так, что после этого их за гениев не хотят признать даже самые низкие твари из рода человеческого.

Богиня и другие

Встретил Богиню. Она шла с двумя сытыми и самоуверенными парнями. Я кивнул ей. Она ответила тем же. Парни настороженно уставились на меня. О чем-то оживленно заговорили. Послышался смех. И она смеялась тоже. Потом один из парней вернулся обратно.

- Эй ты, борода, - сказал он мне, - не приставай к девчонке, а не то руки и ноги переломаем!

- Вам, молодой человек, - сказал я, взглянув на его лицо, - надо срочно обратиться к врачу и резко изменить образ жизни, иначе Вы через год станете неизлечимым импотентом.

Он побледнел. Я отвернулся от него и ушел своей дорогой. Установить диагноз болезни этого шалопая было нетрудно. Такие случаи все чаще возникают в городе: очень ранняя, чрезмерная, с искусственными возбудителями половая жизнь и половые извращения имеют неизбежным следствием раннюю импотенцию. Я подумал о том, что ждет в этом отношении мою Богиню, и почувствовал себя глубоко несчастным. Стремление людей развратить себя и других неудержимо. Только религия могла бы его сдерживать. Но ее нет. Недавно я встретил хронического наркомана. Молодой способный кинорежиссер. Говорит, что лучше ярко сгореть в несколько лет, чем тлеть десятилетиями. Не так ли?

- Если действительно сгореть, - сказал я, - то так. Но так ли это на самом деле?

Он не ответил.

Откровенный разговор

После того, как Секретарь вылечился, у меня состоялся с ним такой откровенный разговор.

- У меня есть идея, как тебе помочь, - сказал он. - Только не пугайся. Тебе дадут койку в психиатрической больнице, трехразовое питание и полную свободу передвижения. Идет?

- Как только Вы уедете в Москву, меня лишат свободы передвижения и уж никогда не выпустят оттуда.

- Ты прав. Но можно устроить тебе инвалидность и пенсию по инвалидности.

- Результат будет тот же.

- Верно, тот же. Почему ты думаешь, что я уеду в Москву?

- Я вижу это.

- Чем же я могу тебе помочь?

- Решайте сами. Я придерживаюсь правила - не насилуй свою судьбу.

- А я придерживаюсь другого - не позволяй судьбе насиловать тебя.

- Вы - активное начало в обществе, я - пассивное.

- Похоже, что так. Но в общем спасибо тебе. Если что нужно будет,

обращайся прямо ко мне.

- Меня к Вам не допустят.

- Тоже верно. Врачи считают, что мое выздоровление есть чудо. Скажи откровенно, ты сам верил в это?

- Если бы я не верил, Вы не выздоровели бы. Если вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне.

- Спасибо. Я непременно разыщу тебя в случае чего. Ну, прощай.

Чудо

- Чудес не бывает, - говорит внук.

- Как же так?! - возмущается дед. - Вот если я спрыгнул с колокольни и не разбился, - что это такое?

- Случай, - спокойно ответил внук.

- Ну, я второй раз прыгнул и не разбился, что это?

- Удача.

- Ну, а если я третий раз спрыгнул и не разбился, что это такое?!

- Привычка.

Этот анекдотичный разговор отражает отношение к чуду в прошлом и теперь. Что такое чудо? Согласно общепринятому пониманию, чудо есть событие, которое не должно было произойти вообще, но произошло. В обиходе это понимание несколько ослабили: иногда чудом называют событие, вероятность которого ничтожно мала (близка к нулю), и потому о возможности которого вообще не думают, но которое все же происходит. Например, считается невозможным усилием мысли перемещать тяжелые предметы в пространстве и влиять на поведение других людей на больших расстояниях. И если вы сделаете это невозможное, вы совершите чудо. Но поскольку оно считается невозможным согласно законам природы, то считается, что тут имело место мошенничество или фокус. Чудо во втором (ослабленном) смысле допускается согласно законам природы. Но тут понятие чуда употребляется уже как нечто двусмысленное: вероятность события вроде бы допускается как большая нуля, но осуществление события психологически воспринимается как осуществление невозможного. Я же предлагаю такое понимание чуда. Если событие невозможно, оно не произойдет. Если событие произошло, оно возможно. Чудо есть возможное событие. Причем, произойдет оно или нет, зависит от воли какого-то сознающего и волевого существа. Чудеса не происходят сами по себе. Их творят. Но чудо есть результат неповторимого стечения обстоятельств и само неповторимо, - вот в чем дело. Потому невозможно высчитать его вероятность, невозможно дать ему общее объяснение. Если даже происходят сходные события, являющиеся чудом, каждое из них все равно есть стечение неповторимых обстоятельств. Так, например, мне не раз приходилось усилием мысли сдвигать и изгибать

предметы, поднимать предметы без прикосновения, угадывать адрес незнакомых людей и многое другое. Но каждый раз я это делал по-разному, никакое обобщение тут невозможно. Причем, невозможно произвольно выбрать место и время для чудесного действия. Я лишь перед тем, как совершить такое действие, вдруг ощущал в себе способность на это. Я вылечил многих неизлечимо больных с точки зрения медицины людей. Но каждый раз по-разному. И сам я не могу объяснить, как я это делал. Чудеса, повторю, не фокусы и не мошенничество. Это - возможные, но принципиально необъяснимые, не вызываемые по произволу, экспериментально не воспроизводимые события. Чудеса так и останутся чудесами на веки веков. В отношении их допустимо лишь одно: признать, что они иногда случаются.

Христос прекрасно понимал природу чудес и умел их делать, вернее - умел угадывать момент, когда они были в его власти. Потому он не злоупотреблял чудесами, не очень охотно шел на них, не прибегал к ним тогда, когда они были бы ему полезны. Он творил настоящие чудеса, а не фокусы. Я ему верю, ибо знаю это из своего опыта. Когда я вижу бутылку с водкой, я заранее знаю, смогу я выбить из нее пробку моим методом или нет. И затем я строю поведение свое и других людей соответственно своему предвидению. Если я чувствую, что я "не в форме", я исключаю саму возможность такой ситуации, чтобы мне предложили продемонстрировать свое чудо. Это верно. Но ведь случаи, когда я бываю способен на такое чудо, бывают на самом деле. В чем их природа? Почему они бывают?

Проблема номер один

Отгадайте, какая проблема является самой главной для нашего областного руководства и руководимого им народа на данном отрезке истории? Ни за что не отгадаете! И потому я советую вам обратиться с этим вопросом, допустим, к самому начальнику Областного управления КГБ товарищу Горбаню. "Э-э-э-э, - скажет вам товарищ Горбань, отведя в сторону свои пронизательные и властные в прочих случаях очи, - с молодежью нынче трудно стало. А этот "балбес" у меня вот тут сидит." И товарищ Горбань постучит ребром ладони левой руки по своей могучей шее. Кто такой "балбес", объясню ниже, потерпите немного. Обратимся теперь к самому первому секретарю Областного комитета КПСС товарищу Сусликову. "Э-э-э-э, - скажет вам товарищ Сусликов, и его маленькие хитрющие глазки начнут метаться из стороны в сторону, что бывает с ним в минуты наивысшего волнения, - с молодежью нынче трудно стало. А этот "балбес" у меня вот тут сидит." И товарищ Сусликов укажет пухлым пальчиком на то место своего могучего живота, где помещается печонка, и без того подпорченная водочкой, настоенной

по-честному”, чтобы “он там лицом в грязь не ударил”, “чтобы Родина получила первосортного дипломата”. Слово “первосортный” товарищ Гробыко употребляет не в силу своей образованности (в этом его обвинить нельзя), а сугубо профессионально, - как он говорит о первосортной картошке, канусте и прочих плодах, которые, повторяю, больше тридцати лет не украшают полки городских магазинов.

Тунеядец

Христос был, судя по всему, человеком без определенных занятий, по-нашему - тунеядец. Как и я. Тунеядец - это существо, которое на вопрос “На какие средства ты существуешь?” не может предъявить справку с места работы с указанием зарплаты. Это не значит, что тунеядец не работает вообще. Я работаю не меньше других. Просто у меня нет и не может быть такой справки. Раньше я предъявлял в милицию поддельные справки. Теперь они мне не верят, если даже я предъявляю настоящую справку (бывает, что я на короткий срок устраиваюсь на работу). Основные средства я зарабатываю за счет врачевания и консультаций. Это не очень много. Один из источников моих заработков - случайные работы, которые приносят мне сразу сумму денег, достаточную прожить иногда полгода, а то и более. Прожить, конечно, на моем (минимальном) уровне... В прошлом году, например, я завербовался красить мосты через сибирские реки. Платили огромные деньги, поскольку мы работали без всякой техники безопасности. Нас просто спускали на веревке. Что это такое? Вообразите себя висющим на веревке над могучим Енисеем. Холодный ветер пронизывает вас насквозь. И вы мечтаете о том, чтобы скорее оборвалась эта веревка, и вы наконец-то покончите счеты с этой проклятой жизнью. Формально мы получали огромные деньги (расписывались в ведомости). Фактически на руки нам доставалось процентов тридцать: остальное забирали бригадиры, прорабы, инженеры, мастера и прочие. Сколько там было этих паразитов! Я болтался на веревке над страшным, безбрежным Енисеем, а надо мною было по крайней мере десятков таких паразитов. Зато они мне выдавали справку на огромную якобы заработанную сумму, которая гарантировала мне право шесть месяцев “искать новую работу”. Такие случайные работы, однако, не часто бывают. Наконец, “подарки”, главным образом - от женщин, главным образом - поношенная одежда и обувь, постельное белье.

Бог

Я спросил людей: "Чего вы хотите?" - "Счастья," - ответили они. - "Хорошо, - сказал я, - будьте счастливы." И я устремил на Землю изобилие счастья. Я заполнил счастьем все живые существа и все мертвое пространство. Довольный содеянным, я погрузился в высшее счастье - в самодовольство. Устав от него, я решил взглянуть на осчастливленный мною род людской. И я был поражен: люди были несчастны! "Чего вы хотите теперь?!" - воскликнул я в гневе. - "Верни нам наши страдания!" - в гневе же кричали они. - "Хорошо, - покорился я их воле, - страдайте!"

Сделав это, я погрузился в высшее страдание - в неудовлетворенность самим собой. Устав от него, я решил взглянуть на удовлетворенный мною род людской. И я увидел: люди по-прежнему были несчастны. "Так в чем же дело?" - воскликнул я, пораженный. - "А в том, - со смехом и бранью ответили они, - что теперь наше состояние несчастья обосновано и оправдано."

Мой быт

Как я уже говорил, Христос не имел, где приклонить голову, и у меня тоже нет постоянного жилья. Обычно снимаю угол в комнате или койку, изредка - отдельную комнатушку. В чем разница - снимать угол или койку? Разница существенная. Снимать угол - значит снимать часть комнаты, в которой стоит твое ложе и, возможно, некое сооружение, временно исполняющее функции столика. Эта часть комнаты может быть отделена от остальной шкафом или ширмой. Снимать койку - значит приходиться ночевать в данную комнату, где ты раскладываешь койку, которую рано утром убираешь. И покидаешь комнату. Если снимаешь угол, то можешь в нем находиться и днем. Если снимаешь койку, должен покинуть комнату и не появляться тут до позднего вечера. За угол приходится платить пятнадцать, а то и все двадцать рублей в месяц, за койку - не более десяти. Хозяевами комнат, в которых сдаются угол или койка, бывают обычно старые одинокие женщины, получающие мизерную пенсию. Но иногда это бывают и молодые одинокие женщины (иногда - с внебрачным ребенком), приобретающие вместе с жильцом удобного любовника, или мужчины, приобретающие даровых любовниц. Однажды я снял угол у молодой женщины. И сбежал, оставив ей месячную плату (они плату берут вперед). Избежать этого проклятья (снятия угла или койки) невозможно: у нас лето длится всего три месяца, остальное время - холодная зима и слякотные весна и осень. Летом я сплю на скамейках, на траве, в сене, на вокзале, - это дает существенную экономию средств (можно обновить брюки, носки, рубашки). Когда я вербуюсь на временную работу, я сплю в

бараке: тоже экономия. Можно было бы, конечно, податься в теплые края. Но мне там с моей профессией делать нечего. Вернее, делать-то там есть что: лечить импотентов и ожиревших паразитов. Но не это мое главное дело. Мое главное дело - проповедь моего учения. А интерес к нему сейчас проявляют только в условиях сурового климата. Кроме того, существенную часть моего учения составляют правила жизни на пределе бытовых удобств и даже немного ниже. С этой точки зрения моя жизнь есть эксперимент, а мое учение есть обобщение и осмысление этого эксперимента. Однажды я пришел "домой" слишком поздно. Жильцы квартиры (с целью наказания и воспитания меня) не открыли мне дверь. Пришлось коротать ночь на лестничной площадке. В эту ночь я сделал важный вклад в свое учение. Вот он в двух словах. Спишь ли ты в хрустящих белоснежных простынях на пуховой перине с прекрасной женщиной или одинокий дрожишь от холода на грязной лестничной площадке, время все равно неумолимо уносится в прошлое. Есть, конечно, некоторые неудобства в переживании полета времени в таком положении, как мое. Но в нем есть и достоинство: время тянется при этом бесконечно долго. За одну эту ночь я передумал больше, чем иные передумывают за всю свою жизнь.

Утром сосед похихикал над моим плачевным положением. "Я слышал звонок, - сказал он, - но подумал, что это какой-нибудь пьяница ломится в квартиру. А это, оказывается, наш "йогаист-эгоист"!..." (он считает меня йогом и всячески изощряется на этот счет).

Проповедник

Отвисли старые штаны
в заду,
в коленях.
Не в человеке дела суть,
но в по-
коленях.
В карманах тщуся я сыскать
от хлеба
крохи.
Не люди сущность бытия,
а лишь
эпохи.
Остановите суету!
Кончайте
споры!
Сейчас я мир переверну.
И без
опоры.

Я - проповедник, т.е. по-русски говоря - трепач. И как таковой я должен видеть лица людей и переживать с ними общую ситуацию. Моя проповедь есть лишь часть общего разговора. Потому я должен быть в толпе. Я дурачусь вместе со всеми, выдумываю чепуху, "обрабатываю" для разговора реальные факты. Но при этом во мне накапливается материал для какой-то важной проповеди. Мне нужно время, чтобы совершить скачок в это новое качество. Христос тоже спешил. Он тоже боялся не успеть. Он кое-что успел сделать. Этого "кое-что" хватило на великую историю. Теперь надо сделать в тысячу раз больше, чтобы произвести хотя бы в тысячу раз меньший эффект и хотя бы на несколько десятилетий.

Человек теперь уже не тот. И условия не те. Вот, например, я сейчас подхожу к гастроному. Разумеется, с заднего хода: официально в это время продажа спиртных запрещена, а практически идет самая бойкая торговля. Бардникам магазина это выгодно - они в это время продают всякую бурду, которую в обычное время никто не покупает; разбавленную водку и самую скверную водку с наклейками от более дорогих сортов. Тут уже собралась толпа жаждущих похмелиться.

- Глядите-ка, никак Иисус Лаптев объявился! - слышатся восклицания.

- Слух был, что ты в "Атом" подался реакторы чистить. Сбежал что ли? Или большую денгу заработал?

- Там за час тысячу платят. Если заработал - угощай! Все равно скоро загнешься. Пропить не успеешь.

Я помалкиваю, нахожу партнеров, с которыми объединяю свои гроши на бутылку, и привожу себя в божеский вид. В "Атоме" я на самом деле был. Но не для чистки реакторов: для этого моя анкета и морально-политический облик не подходят. У директора жена уродца родила без ручек и без глазок. Она мне ноги целовала, умоляла что-нибудь сделать. Этого ребенка ей с трудом удалось сохранить, а другой не предвидится. Если ничего не получится, она руки на себя наложит. Роскошная по нашим условиям квартира. Ковры. Картины. Посуда. Книги. Изобилие. И вот - такое горе. Что смог бы на моем месте Христос? А ведь эта образованная женщина, инженер, атеистка, бывшая комсомольская активистка, а верит в мою чудодейственную силу в тысячу раз сильнее, чем самые беззаветно верующие верили в Христа. Христос не знал о таких цветах цивилизации, как наш "Атом".

Эти мысли промелькнули в моем сознании.

- Живем мы, ребята, один лишь раз, - начинаю я свой вклад в общую бессмысленную болтовню. - Когда бы и где бы мы ни появились на свет, нам надо по праву живого испытать основные элементы бытия. Быть ребенком, играть в игрушки, слушать сказки. Быть юными, испытать первую беззаветную дружбу и первую чистую любовь...

- ... выпить первую поллитровку, - говорит кто-то.

- Первая поллитровка самая противная, - говорит другой. - Вторая идет лучше...

- Поллитровка хороша, когда им счет потеряешь, - замечает третий.
- И бабы тоже! - смеется четвертый. - Их нужно десятка два перепробовать, пока поймешь, что к чему.

- Я лично предпочитаю замужних женщин, - говорит молодой, но уже потрепанный и лысый мужчина. - Тратиться не надо. Ответственности никакой.

Эти насмешки меня не обижают. Наоборот, я в них чувствую страх того, что они что-то очень важное теряют, скоро наступают перелом.

- Все в этом мире ненадежно, - говорит старый алкоголик. - В начале войны наша рота попала в окружение. Мы решили стоять насмерть. Мы поклялись в вечной преданности друг другу. Мы выстояли. А когда опасность миновала, переругались и написали друг на друга доносы.

- За все надо платить, - говорит опустившийся интеллигент. - Нужны усилия, чтобы сохранить любовь и дружбу. Вот я вам расскажу про себя...

Так начинается разворачиваться разговор, в котором то тонет, то всплывает на поверхность моя наивная проповедь.

Легальное и нелегальное

В стране много всяких нелегальных профессий и групп. Но все они живут так или иначе по тем же правилам, что и легальные. Я предпринимал не раз попытки создать нелегальные объединения людей на основе принципов праведной жизни - честности, отзывчивости, доброты... Но ничего путного не вышло. У властей такие группы почему-то вызывают большую злобу, чем группы жуликов и бандитов. Внутри моих "чистых" групп сразу же возникали все виды "нечистых" людских отношений. В чем дело?

Видимость и сущность

Я кажусь человеком, который легко и беззаботно идет по жизни, довольствуется малым и сохраняет хорошее расположение духа. А чего мне это стоит! Мне иногда хочется оставить усилия выглядеть таким и жить, как все. Но я уже привык выглядеть таким, привык прилагать к тому усилия. Эта видимость стала моей сущностью. И я уже не могу себе представить, каким я стал бы без этого притворства. Я страдаю оттого, что прилагаю постоянные усилия убедить себя и окружающих в том, что никакого страдания во мне нет. Это - противоречие. Но жизнь есть вообще нечто замкнутое на самое себя и потому от природы противоречивое. А чему я на самом деле учу людей? Тому, как преодолевать сущность страдания видимостью его

отсутствия. Я просто устраняю сущность, придав ей атрибуты видимости. Я учу людей страданию. Мое учение есть теория мазохизма. Это противоречит моей исходной задаче. Но Бог и есть само противоречие.

Бог есть противоречие

Что мир есть противоречие, об этом знает каждый студент, сдавший экзамен по философии. Никто не знает того, что Бог есть тоже противоречие. Это мое открытие. У Бога нет определенного дома: его дом везде и нигде. У него нет конкретных друзей: Бог не знает дружбы, ибо у него все друзья и все враги. Бог конкретно никого не любит: Бог не знает любви, ибо он любит всех. И всех презирает. У него нет ничего и все вокруг принадлежит ему. Он не знает, что такое труд, ибо вся его жизнь есть труд. Он не существует для людей, но внимание всех сосредоточено на нем. Бог есть крайность всего и выход за пределы разумного, потому он есть живое противоречие. Бог есть претензия смертного ничтожества на вечное величие.

Бог есть и, одновременно, его нет. В него верят и не верят, причем - сразу. Достигнув высот веры, мы впадаем в сомнение. Упав на дно неверия, мы начинаем подозревать о его существовании. Я мечусь между этими крайностями - абсолютной верой и абсолютным неверием. Вознесясь на Небеса, я оказываюсь в грязи. Опустившись в житейскую помойку, я воспаряю к высотам чистоты. Где решение? В людях? Они проходят сквозь меня и мимо меня, оставляя в душе только раны. И я говорю себе: Бог есть надежда, доведенная до отчаяния, и отчаяние, доведенное до такого уровня, где ничего другого не остается, кроме надежды.

Бог есть участие во всем и безразличие ко всему. И это очень мучительно. Бог есть твоя, т.е. человеческая потенция, которая кажется легко осуществимой, но которая на самом деле не осуществима вообще.

Функция Бога

Люди мечтают о приходе гениев. А когда те приходят, люди делают вид, что не узнают их, и прилагают невероятные усилия, чтобы уничтожить их. Люди не любят живых гениев. Они предпочитают мертвых гениев, ставших их жертвами. Причем, люди сразу узнают гениев. В человеке есть нечто, с самого начала его жизненного пути выражающее его генеральную претензию. Моя претензия стать Богом написана, как выразился один из членов административной комиссии, у меня на морде.

- Ты, Лаптев, - сказал он, - чего не стрижешься и не бреешься? Иисусиком стать хочешь, да? Тоже мне гений нашелся!

Почему почти ничего не известно о жизни Христа до тридцати лет и почему о нем почти ничего не было слышно после его смерти? Объяснение этому очень простое. Христос был очень способный человек, и его учителя и конкуренты поняли это сразу. Они всячески мешали ему пробиться - стать известным и официально учить людей. Он сумел перешагнуть через это препятствие - обошел своих коллег и наставников и непосредственно обратился к простым людям, т.е. к самим потребителям религии. И имел успех. Это напугало его коллег. Появилась зависть. Появилась угроза их авторитету и благополучию. И они приняли меры, чтобы остановить успех Христа и устранить его. Его убили. Потом началось активное замалчивание его идей. От его учения сохранилось мало, да и то в чужой записи и по воспоминаниям. Его признали, когда это стало безопасно и даже полезно признающим. Причем, основательно отредактировали.

Антипод

- Я, как и ты, принимаю нашу социальную систему (т.е. коммунистический строй жизни) как данность, как факт, - говорит Антипод. - Я не собираюсь выдумывать программу ее изменения, улучшения, ослабления или уничтожения. Я исхожу из нее как из предпосылки. Моя проблема - как жить в этой системе более или менее терпимо, как защитить себя от ее недостатков и как использовать ее достоинства. Такова же и твоя проблема. Только ты ищешь решения ее на пути изобретения некоей религии, а я - на пути идеологии. Мое положение предпочтительнее.

- Добродетельный человек, - продолжает Антипод, - обречен на неудачи и страдания. Верно, наше время разрушает самые фундаментальные человеческие отношения - любовь и дружбу, замещая их сексом и расчетом. Но ведь любовь и дружба суть зависимость. Их отсутствие есть свобода. Человек, способный предать дружбу и любовь, легче живет. И удобнее с точки зрения интересов целого.

- Твоя религия, - говорит Антипод, - требует самоограничения, дисциплины духа, карабканья вверх, постоянных усилий сдерживать себя. Это не под силу рядовым людям. Людям легче плыть по течению и падать, чем идти против течения и карабкаться вверх. Падание есть тоже полет, - вот в чем дело. Время падения достаточно велико, чтобы прожить целую жизнь.

Дав день - дай пищу

Как тунядец я мог бы отсыпаться до полудня. Но я встаю рано, собираю свою койку и прячу за шкаф. Бесшумно крадусь в туалет, дабы не привлечь внимание соседей. Но тщетно. Соседи все равно как-то узнают о моих движениях и выражают свое негодование по поводу моего незаконного присутствия в квартире. Они не доносят об этом в милицию отнюдь не из человеколюбия, а потому что уже донесли. Но я дал взятку участковому милиционеру. Взятка мизерная. А так как таких, как я, в участке набирается порядочно, участковый имеет от нас на хорошую выпивку раз в неделю. По этой причине милиция желаемых для соседей действий пока не предпринимает. Соседи же ежедневно напоминают хозяйке, что они могли бы донести на нее, но не делают этого из человеколюбия. Они же русские люди! Они же понимают, что на одну жалкую пенсию по старости не проживешь!

Деловая часть моего дня начинается обычно после обеда, а чаще - вообще вечером, когда у граждан кончается их рабочий день. Первую же часть дня можно рассматривать как чисто светскую. Сейчас я направляюсь к ящикам, наваленным к тыловой стене продуктового магазина: вдруг встречу раннего пропойцу, и он пригласит разделить с ним свою жалкую, но щедрую трапезу. Так оно и есть! Еще издали мне машет рукой знакомый забулдыга. Он - мой бывший пациент. В прошлом году я снизил ему степень пьянства. Он был хроническим алкоголиком, а теперь - лишь горький пьяница. Не смейтесь! Для него и его семьи это - великое благо. Спросите у его жены. Да и у него самого. Как хронический алкоголик он не мог работать и подвергался принудительному лечению. Безрезультатно, конечно. А как горький пьяница он работает, получает приличную зарплату, на хорошем счету в учреждении. Его там даже приводят как пример бывшего пьяницы, который "осознал и сумел взять себя в руки". Как хронический алкоголик он валялся где попало и часто попадал в вытрезвитель. Как горький пьяница он всегда добирается до дому на своих двоих. И таким он теперь будет до пенсии. Я его вылечил от алкоголизма в три сеанса. Наша медицина безрезультатно лечила его пятнадцать лет. Как мне это удалось? Дело в том, что алкоголизм есть явление в сфере физиологии, а горькое пьянство - в области духа. Я просто слегка изменил "разворот его мозгов". Услышав это мое объяснение, врачи больницы, лечашей от алкоголизма, только посмеялись. Ну что же, это их дело. Но десятки бывших алкоголиков, ныне - горьких пьяниц, бродят по городу как неопровержимые аргументы правоты моих методов.

Потом я иду на детскую площадку и занимаю позицию, удобную для наблюдения за подъездом, из которого должна появиться моя Богиня. На колени ко мне забирается чья-то или ничья кошка. Я ее глажу. Она блаженно мурлычет. Я начинаю клевать носом. Ничего страшного в этом нет, появление Богини я замечу в любом

состоянии... Вот Она! Я аккуратно беру кошку на руки и делаю несколько шагов по направлению к Ней, чтобы Она заметила мое присутствие и мое внимание к Ней.

Из подъезда напротив вырывается Чарли - неопределенной породы пес. Он мчится ко мне, разинув в радостной улыбке пасть. Кошка стремительно удирает с моего плеча, вырвав клочок бороды. Чарли кидается мне на плечи. Лижет нос, руки. Из окна раздается недовольный голос хозяйки Чарли. Она считает меня неподходящей компанией для ее Чарли, а тот изо всех живых существ нашего дома предпочитает меня. Лишь после третьего сурового оклика хозяйки Чарли неохотно покидает меня. На пути к подъезду он несколько раз оглядывается. Когда говорят, что собака - друг человека, выражаются неточно, ибо собака - последний друг человека.

Впрочем, и мне пора. У книжного магазина меня ждет известный спекулянт, снабжающий труднодоступными, редкими, заграничными и запрещенными книгами городскую интеллигенцию. Он мне дает сумку с книгами и список адресатов, которым я должен доставить книги и содрать с них условленную сумму. За это я имею один процент с выручки. Это немного. Но на обед и на мелкие "карманные" расходы хватит. Во время этих походов я часто приобретаю себе клиентов. Все люди чем-нибудь больны. Мне достаточно взглянуть на человека, чтобы заметить в нем какую-нибудь болезнь, которую я мог бы вылечить. Но люди неохотно расстаются со своими болезнями. А если ты можешь вылечить их сразу, они не считают это за лечение. Они предпочитают месяцами и годами ходить по больницам, торчать в очередях, платить огромные деньги всякого рода "частникам", "гомеопатам" и "целителям". Иногда я демонстрирую им свои лечебные способности. Они удивляются, но воспринимают это как нечто такое, в чем нет никакой моей заслуги. И не платят. Они тратят большие деньги на бесполезное лечение, но жалеют заплатить даже мелочь за очевидный результат. А ведь часто это - образованные люди. Однажды я сказал об этом одному интеллигенту, которого я избавил от радикулита.

- Но Вам же это ничего не стоило, - сказал он.

- Вы ошибаетесь, - сказал я, - это мне стоило гораздо больших усилий, чем тем врачам, которым Вы платили немалые деньги. Я человек не злой и не мстительный. Но Вас я хочу проучить. Пусть Ваш радикулит вернется к вам обратно!... После этого он брел за мной, хватаясь за поясницу, и умолял вылечить, обещая по сто рублей за сеанс.

Заработав на обед и пообедав, я иду на бульвар - отсыпаться на скамейке. Сейчас тепло. Таких отсыпавшихся в этом месте бульвара полно. Милиция к ним привыкла и не трогает. Меня тут знают, уступают место, приглашают в компанию.

Популярный в свое время в городе, а ныне опустившийся гитарист уступает мне половину пальто. Судьба Гитариста - типичная судьба

самобытного русского таланта. Когда он был ребенком, о его музыкальных способностях знали многие, но никто не приложил усилия помочь развить их. Он вырос и самоучкой овладел гитарой. Появление его было сенсацией. Ему сулили великое будущее. Его считали даже конкурентом лучшим гитаристам мира. Этот успех и сгубил его. Окружающие дружно, не сговариваясь, но удивительно согласно начали убивать его: умалять его талант, замалчивать, спавать.

- Ты думаешь, я не вижу того, что сделали со мной мои сограждане? - говорит он. - Вижу. Вижу все до мелочей. Они думают, что я страдаю. Конечно, страдаю. Но не от того, о чем думают они. Я жажду недостижимого совершенства, зная заранее, что оно недостижимо: я хотел бы так сыграть, чтобы после этого можно было спокойно умереть с сознанием, что ты достиг Абсолюта.

Мы засыпаем, тесно прижавшись спинами. Мне нужно сегодня отдохнуть как следует и быть свежим для вечернего сеанса. Молодой ученый будет рассказывать в частной компании о новых веяниях в парапсихологии, иллюстрируя кое-какие идеи на мне. Сегодня я буду через стенку угадывать цвета предметов. Если буду в настроении, буду угадывать слова, написанные присутствующими на бумаге, и сдвигать без прикосновения легкие предметы. За это меня покормят ужином и, возможно, дадут немного денег.

Поздно ночью я тихонько проберусь в "свою" комнатку, разложу койку, произнесу мою молитву на сон грядущий и усну сном праведника. Во сне ко мне придет моя прекрасная Богиня. Она будет танцевать волшебной красоты танец, а я буду во тьме, не способный сделать шага к ней и совершенно безгласный. А танцевать она будет непременно вальс. Широкий, плавный, вольный вальс. Вот так: раз-два-три, раз-два-три! Боже, как мало нужно для счастья, и эту малость труднее всего получить. Кажется, что уж проще: оставить на время дела, вымыть лицо и руки, одеть праздничные одежды, взяться за руки и сделать хотя бы три оборота вальса. Вот так: раз-два-три, раз-два-три... И все мигом преобразится. Мужчины станут кавалерами, а женщины - дамами. Исчезнут морщины. В глазах появится радостный и шаловливый блеск. Лица расцветут улыбками надежды и обещания. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Но люди забыли танцы радости. Они изобрели подобие танцев, - дерганье до отупения и потери человеческого достоинства. И волшебное видение исчезает. Приходит тьма и пустота. Приходит сон без снов - тренировка на предстоящий вечный сон. А потом - холодный и беспощадный вывод: самые фантастические мечты людей сбываются, но самые простые и казалось бы самые легко достижимые - никогда.

Бессонная ночь

бесконечно кажется.

Но стоит лишь веки зажать,

сны безнадежные.
петлями вяжутся.
Хочешь - не можешь бежать.
Бесследно теряется
жизнь скоротечная.
Страсть догорает зазря.
Как же ты тянешься,
ночь бесконечная!
Что не восходишь, заря?!

Антипод

- Допустим, - говорит Антипод, - душа важнее для человека, чем все остальное. Пусть тело служит для души. Но ведь и душа нужна для тела. Ладно, оставим эту сторону дела без внимания. О душе надо заботиться. Ее надо хранить. Как? Согласен, есть особые приемы. Ты учишь им. Но суть дела в том, что они хороши лишь на словах, а не на деле. На деле, чтобы сохранить душу и укрепить ее, надо поступать так, что в результате приходится убивать именно душу. Это противоречие неразрешимо в рамках твоей религии. А в жизни такие логически неразрешимые проблемы решаются постоянно. Как? Колебания, смятение, взлеты, падения, насилие, гибель, грязь, слезы, кровь, комедия, драма, подлость, обман, - вот средства решения логически неразрешимых проблем. И других средств нет. Душу и вообще все добродетели можно сохранить только одним путем: убивая их. Так стоит ли овчинка выделки? Не лучше ли вообще обойтись без твоей души с ее мучительными проблемами? Не лучше ли холодная и рассчетливая идеология, делающая жизнь проще, плоше, легче?

Проблема номер один

Как я уже говорил, товарищ Гробыко хочет, чтобы "все было по-честному". Поясню на примерах, как он это понимает. Подъезжает, например, товарищ Гробыко на своей черной "Волге" к школе, в коей обучается Балбес. Навстречу вылетает бледный и трясущийся директор. Берет товарища Гробыку под локоток и сопровождает в свой кабинет. На столе уже приготовлена "легкая закуска", достойная высокой персоны.

- Ты меня этим не покупай, - презрительно кивает товарищ Гробыко на стол, - я тебе сам таким г....м всю твою паршивую богadelьню завалить могу. Хотя от рюмашки не откажусь. Садись! Потолковать надо.

- ... Так вот в чем капуста, - говорит товарищ Гробыко, сожрав и выпив все, что было на столе и ковыряя грязным ногтем в зубах. - Мой Балбес решил по дипломатической линии податься. А для этого, сам знаешь, подготовка какая нужна! Наши дипломаты - это тебе не хухры-мухры. Так вот, если Балбес не закончит школу с медалью, пеняй на себя. На то вы тут и учителя, чтобы...

Директор бормочет что-то невразумительное, изображая всем своим видом готовность и понимание.

- За мной дело не станет, - говорит товарищ Гробыко. - Я в долгу не останусь.

Директор лепечет что-то насчет улучшения жилищных условий.

- Заметано, - говорит товарищ Гробыко. - Велю поставить тебя первым в списке очередников на улучшение.

Обрадованный директор вызывает в кабинет по очереди классного руководителя Балбеса, учителя математики, учительницу английского языка и прочих лиц, занятых делом государственной важности - обучением и воспитанием Балбеса. Разговор короткий и ясен: подтянуть Балбеса до медали, иначе "пеняй на себя", "я в долгу не останусь". Учителю математики за дополнительные занятия (читай: за завышенную отметку) обещается дачный участок, учительнице английского языка - устройство дочери в закрытое ателье Обкома партии.

В решение главной проблемы области оказался вовлеченным и я. Разговор товарища Гробыки со мной был тоже по-партийному короткий, ясен и категоричен.

- Ты, Лаптев, говорят, самому Сусликову мозги вправляешь, - сказал он. - Так вот тебе боевое задание: надо моему Балбесу мозги вправить. Учителя - пустое место. Отметки они поставят, а научить - не надейся. Шкурники! Им лишь бы урвать кусок пожирнее. Судить мало, мерзавцев. А мне нужно, чтобы все было по-честному. На дипломатической службе дураков не держут. Так что действуй. Выправишь парня - озолочу. Нет - пеняй на себя. Тогда я сам тебе мозги вправлю так, что вовек не забудешь.

И я взялся за Балбеса. Но не из страха за свою судьбу, а из чисто спортивного интереса: а почему бы не подготовить из провинциального дебила дипломата мирового... я хотел было сказать "класс", но во время опомнился... мирового сорта! И эта сверхзадача захватила меня.

Не смысла в деле ни бельмеса,
Я все же поздно или рано
Из заурядного балбеса
Дам миру супер-Талейрана.

Я и Антипод

Часто наши споры превращаются в чисто словесные выкрутасы.

- Что лучше, - спрашивает он, - быть мертвым королем или живым рабом?

- Живой раб, - говорю я, - тоже станет мертвым рабом. Дело не в этом. Проблема - как прожить то, что отпущено тебе, как распорядиться богатством жизни, кто бы ты ни был - король или раб. - Счастье, - говорит он. - А что это такое? Состояние, когда человек добывается желаемого, особенно - того, чего нет у других. Потом - улучшение жизни, гарантии, перспективы, уверенность, успех... Короче говоря - обычные жизненные вещи, за которые идет борьба. Кто лучше может научить людей этому - ты или я?

- Хорошо, - говорю я. - Пусть так. Но ведь общество распадается на группы с различным уровнем жизни и различными шансами на счастье в твоём понимании. Ну, а если человек всего этого лишен? Как ему жить, - как жить несчастному, неудачнику, униженному, бесперспективному? Мы не конкуренты. Мы - для разных слоев населения и для разных случаев жизни. Мы союзники.

- До поры - до времени, - говорит он. - Чтобы мы хорошо делали свое дело каждый в своей области, нужно, чтобы наше дело доминировало над всем прочим. Мы - союзники, но мы - непримиримые враги.

Суть христианской революции

Можно осуществить реконструкцию фактического учения Христа подобно тому, как по остаткам костей палеонтологи восстанавливают вид целого животного, жившего миллионы лет назад. Но для этого надо иметь строгую теорию для явлений такого рода, как высказывания Христа. В силу особенностей этого предмета, это должна быть та абсолютно полная и совершенная Религия, о которой я уже говорил. А чтобы установить, какой фрагмент этой Религии развивал Христос и в какой форме, нужны еще такие допущения. Надо допустить условия, аналогичные тем, в которых живет большая часть людей у нас сейчас. Надеяться не на кого и не на что, всякие политические проекты и программы бессмысленны, выбиться в привилегированные слои невозможно. Остается одно - твое собственное поведение, твоя собственная ориентация в чужом и враждебном тебе мире. Надо изменить всю ориентацию сознания людей так, чтобы возникла новая система ценностей, независимая от официальной. Именно это и делал Христос, - он оставлял совершенно без внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей! Конечно, он должен был

считаться с обстоятельствами, должен был как-то приспособливаться, должен был описывать изобретаемый им Новый Мир в терминах и образах тогдашней религии и идеологии. Это естественно. Это повлияло на историческую форму его Великого Открытия. Но суть его открытия, повторяю, очевидна. Люди! Не ждите ничего! Не надейтесь ни на кого! Все дело в вас самих! Царство Божие (новый поворот жизни) уже здесь, я пришел установить его. Оно в вас. Изменим ориентацию смысла жизни в себе, и мир пойдет иным путем! Но и мы живем в условиях господства определенной идеологии. Так что реконструируя учение Христа, я должен буду изобрести свое собственное учение, использующее термины и образы идеологии нашего общества. Я тоже хочу повернуть мозги людей в ином направлении. Но это суть мозги идеологически обработанных людей нашего общества.

Суета сует

Екклезиаст, сын царя и царь, сказал: "Суета сует, все - суета и томление духа."

- Я, - говорит этот человек, - всю жизнь пытался идти против человеческой природы. Я был прям и откровенен, не унижался, держал слово, не обманывал, не лицемерил, жертвовал собой... А итог? Я потерял друзей, семью, положение. Потерял веру в человека, в себя самого, в свой идеал. Пришло полное опустошение, одиночество и отчаяние. Я потерпел поражение. Против человеческой природы идти нельзя. У человека должны быть все мыслимые пороки. Положительный человек без пороков - урод, дурак или страдалец. Я это понял, но слишком поздно. Некого предать. Некого обмануть. Некого обидеть. Поздно, брат! Я уже не могу причинить никому зла, - вот до какого уровня падения я докатился.

Все - суета

Он - импотент. Он занимает высокий пост. У него есть дети, но они не от него. Он страдает от этого, как он сам выразился, "морально". Ему невдомек, что мораль тут ни при чем, что он - существо совершенно безнравственное, что видно из его же искренних признаний. Опять-таки оговорки нужны. Человек, говорящий правду, не всегда искренен. И человек, говорящий ложь, может быть вполне искренним. Искренность есть душевное состояние, к ней неприменимы понятия истины и лжи. Но это - тема особого разговора. Этот человек хочет хотя бы раз испытать радость полового удовлетворения и породить на свет "свою собственную"

плоть и кровь". Я ему говорю, что могу научить, как удовлетворять женщину, испытывая от этого "моральное" удовлетворение, причем последнее может быть сильнее чисто полового. Я лечу душевные недуги, а не органические. Что касается детей, то "своя плоть и кровь" бывает часто хуже чужой. Но он уперся на своем. Он платит деньги!

Я говорю ему, что деньги у него могут отобрать жулики-целители. Он уходит к ним: он предпочитает потерять деньги за ложную надежду, которую подадут ему жулики.

Так кто из нас Бог? Тот, кто подает большую ложную надежду, или тот, кто осуществляет на деле маленькую?

И томление духа

Все свои теоретические открытия я делаю сам, - Бог в этом отношении есть самоучка. У кого ему учиться? Потому мои открытия фрагментарны и бессистемны. Я их делаю по какому-нибудь житейскому поводу, от случая к случаю. Так что пока я порождаю идейный хаос. В отличие от библейского Бога, которому Хаос был дан изначально, я сам создаю и этот изначальный Хаос. Потом я буду наводить в нем порядок. Но сначала я должен его породить.

Вот сейчас я покинул интеллигентное общество, в котором шел ожесточенный спор о преобразованиях общества с целью облагодетельствовать граждан. Какие только проекты ни выдвигались! Один другого умнее, научнее, обоснованнее. Были упомянуты имена всех величайших мыслителей прошлого и настоящего. В ход были пущены новейшие научные и технические открытия и идеи. Но не было в этих умных проектах одного: хотя бы маленькой крупицы здравого смысла. Один из прожектеров сделал неосторожный шаг: спросил мое мнение о его замечательном проекте. Он спросил мое мнение не с целью узнать мое мнение, а с целью показать великую ценность своего собственного мнения, поставив его рядом с таким недостойным внимания ничтожеством, как я. Он снизошел до меня, заранее предполагая, что я стушуюсь перед его величием.

- Прекрасный проект, - сказал я. - Замечательный проект! Но вот я - Бог. Я даю Вам всю полноту власти в осуществлении Вашего проекта. Действуйте! Что Вы будете делать конкретно завтра утром, придя в Кремль или в здание ЦК на Старой площади? Действуйте! Отдавайте распоряжения! Произносите речи! Выдвигайте лозунги! Действуйте!

После этой моей реплики наступило неловкое молчание, и я понял, что мне пора уходить. Уходя, я слышал (у меня феноменальный слух, между прочим), как они прохаживались на мой счет. И они были

правы! Для них этот разговор и есть цель их разговора, есть начальный и конечный пункт их бытия. А я взглянул на него как Бог - как творец и реформатор бытия. А у Бога иные критерии в оценке слов. Бог знает и понимает все, и в том числе - возможные последствия хороших проектов и преобразований. Бог знает, что если проект хорош в словесном выражении, он не стоит выеденного яйца в реальном исполнении.

Политические программы в наше время в нашем обществе столь же нелепы, как были бы нелепы идеи французских просветителей восемнадцатого века в годы, когда проповедывал Христос. В тех условиях ничто не могло принести решения всех житейских проблем, кроме идей Христа. Потом люди убедились в этом. Правда, через триста с лишним лет. И ценой каких жертв! Сколько лет потребуется людям, чтобы понять мои идеи? И какую цену они за это заплатят?

Парадокс Антипода

- Принципы твои хороши, - говорит Антипод, - но нужны еще принципы, благодаря которым можно было бы следовать этим хорошим принципам. Как научиться это делать? Научить людей этому нельзя. Их надо заставить силой,- вот в чем дело. А тогда они перестают восприниматься как хорошие.

Я и Христос

Порою, однако, для меня более существенным кажется мое отличие от Христа. Судите сами.

- Поклоняйся лишь Богу своему, - призывает Христос.
- Не поклоняйся никому, ибо ты сам и есть Бог, - призываю я.
- Не клянись, - говорит он.
- Поклявшись, держи слово, - говорю я.
- Не противься злему, - говорит Он.
- Сопротивляйся, - говорю я.
- Прощай людям их грехи, - говорит Он.
- Никакой грех не простителен, - говорю я.
- Не собирай сокровищ на земле, собирай их на небе, - говорит Он.
- Собирай сокровища в себе самом, - говорю я.
- Просите, - говорит Он.
- Не просите, - говорю я.
- Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, - говорит Он.
- Поступайте с людьми соответственно вашим принципам, но не ждите от них того же, т.е. чтобы они поступали с вами

соответственно вашим принципам, - говорю я.

- Входите тесными вратами, - говорит Он.

- Входите любыми вратами, - говорю я, - ибо входящий не зависит от врат.

- Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, - говорит Он.

- Здоровые нуждаются во враче в первую очередь, - говорю я.

- Кто не со мною, тот против меня, - говорит Он.

- Не принуждай никого следовать за тобою, - говорю я.

- Доброе от доброго, злое от злого, - говорит Он.

- Оценка добра и зла не зависит от их причин и источника, - говорю я.

За все будет расплата после смерти, так можно понять Его идеи.

- Плата за жизнь есть сама жизнь, наказание за жизнь есть смерть, - говорю я.

- Царство Божие есть награда за праведность, - говорит Он.

- Праведная жизнь есть плата за твою праведную жизнь, - говорю я. Бог есть твой высший судья, таков смысл его идей.

- Ты сам есть высший судья твоих поступков, - говорю я.

Он звал следовать за Ним, я же говорю: путь каждый идет своим путем, пусть наши пути совпадут, и я буду с вами. Я не вознесусь на небо. Я до конца останусь среди вас, безвестный и жалкий проповедник, который учит счастьем других, будучи сам несчастным.

Богиня

И ко всему прочему у Христа не было Богини. Если бы мне пришлось выбирать одно из двух - мировое признание меня в качестве творца новой религии или хотя бы одну ночь обладания моей Богиней, - я бы выбрал второе.

Проблема номер один

- Первым делом, - сказал я Балбесу, - будущий выдающийся советский дипломат должен научиться по-русски пить. Пить что угодно, когда угодно, в любом количестве, в любых комбинациях. И при этом не терять трезвость. Вернее, терять трезвость можно, но не до такой степени, чтобы искривлять прямую генеральную линию партии и правительства. Пьяней, но в духе последней политической установки. Ясно?

- Гы-ы-ы-ы! - заржал от радости Балбес. - А где взять денег на это?

- Папаша оплатит, - успокоил его я.

Обучение умению высококвалифицированно пьянствовать входит в мою систему. Тут есть свои приемы, как пьянеть от малого количества спиртного, и, наоборот, как не пьянеть от большого, как

впадать в игриво-шаловливое, юмористическое или в мрачное состояние. Полный курс обучения проходится за два месяца. Но Балбес оказался талантливым учеником, и нам хватило двух недель. Что с ним творилось в это время, лучше не говорить. Мать Балбеса пришла в ужас и хотела дать указание арестовать меня как диссидента. Но отец строго-настрого запретил ей вмешиваться в процесс воспитания ребенка. Через две недели мы с Балбесом, закупив пару поллитровок водки и дюжину бутылок пива, заявились в кабинет Гробыки. Балбес на глазах у изумленного папаши выдул бутылку водки и шесть бутылок пива (остальное выпили мы с родителем). После этого он не качнувшись прошелся по прямой линии из конца в конец кабинета.

- Здорово! - резюмировал отец. - Если бы сам не увидел, ни в жизни не поверил бы. Ты (это - мне), парень, голова! Вот, держи за труд. Бери, бери! Честно заработано!

Богиня

Торчал во дворе, ожидая увидеть мою Богиню. Вдруг на меня обрушилось исчадие ада, чем-то напоминающее Богиню, но вдвое старше. Она выпалила хорошо поставленным голосом бывшей комсомольской активистки, что если я не перестану преследовать ее дочь, она заявит в милицию, а то и в КГБ, там у нее знакомый есть. Я заметил, что у нее дрожит веко и слегка дергается шея.

- Минутку спокойствия, - сказал я и коснулся своими пальцами сначала ее век, затем лба, затылка, шеи. Она сначала оторопела от неожиданности, потом, очевидно, догадалась о цели моих манипуляций и покорно вынесла процедуру. Мне потребовалось меньше минуты избавить ее от болезни, от которой ее в течение многих лет не сумели избавить табуны бесплатных наших врачей и тайные шарлатаны, безжалостно дравшие с нее большие деньги. Окончив процедуру, я поблагодарил ее за внимание, извинился за беспокойство и удалился. Мне послышалось, что она вслед произнесла слова "мерзавец", "проходимец", "шарлатан"... Под тяжестью этих слов я опустил голову и согнул спину.

Я сражаюсь с целым миром, но я бессилен перед испепеляющим цинизмом женщины.

Перед тем, как влюбляться в дочь, взгляни на ее мать, гласит старая народная мудрость. Но есть столь же старое предание, будто ведьмы в юности бывают красавицами...

Чудо

Я проповедывал часть своего учения, касающуюся пьянства, в кафе на улице Горького, - непростительная ошибка для такого опытного проповедника. Я говорил о том, что моя религия не запрещает пьянства, что сам Христос был непрочь выпить и порою превращал воду в вино (чего я, к сожалению, делать не способен). Конечно, все хорошее, что человек имеет благодаря пьянству, он может иметь и без него. Но этому надо учиться. Это сложно. Пить, конечно, много проще. Но во всем надо быть последовательным. Любой образ жизни по-своему хорош, если последователен. Если ты - вор, воруй до конца, ибо став добродетельным, ты погибаешь как человек.

- Верно! - заорали мои слушатели.

- Если ты - бабник, - продолжал я, - то будь им до могилы.

- Правильно! - еще громче заорали слушатели.

- Если ты - пьяница, - развил я далее свое учение, - пей до конца, до последней копейки, до последней рубашки.

- Ура!!! - завопили мои слушатели и собутыльники.

Этот крик превысил меру, и нас забрали в милицию, обещая посадить за хулиганство на пятнадцать суток. Меня заперли отдельно, в самом глубоком подвале, в комнатухе, куда не сажали даже отпетых негодяев, ибо там было воды всегда по колено. Заперли меня на два мощных замка.

- Если ты Бог, попробуй выбраться отсюда, - сказал запиравший мою камеру милиционер. Он ушел. Я легонько толкнул дверь, и она открылась со стороны петель. Почему открылась - сам не понимаю. Я вышел из камеры, прикрыл за собою дверь и побрел в дежурное помещение, откуда доносился гомерический хохот. Можете себе представить изумление милиционеров, когда я вошел! Они застыли с разинутыми ртами. А я тихо пересек комнату и вышел на улицу. Никто меня не остановил.

“Чудеса” Христа - это лишь литературная форма его учения (как и притчи его). Сам Христос был против разглашения его способности творить чудеса. Почему? Да потому, что у него, как и у меня, была более высокая задача: изменить ориентацию общественного сознания и тем самым изменить весь мир.

В ту выпивку, когда нас забрали, я угощал целую компанию завязых пьяниц, не заплатив ни копейки, - такие чудеса не был способен делать сам Христос. Более того, когда нас забирали, официантка принесла мне сдачи. Как я делаю подобные чудеса, это секрет. Но я ими не злоупотребляю, - у меня более возвышенные цели. Я к ним прибегаю лишь тогда, когда нет никакой надежды честно заработать обед, а от голода мутится сознание.

Богиня

Я был в гостях - меня кормили ужином в одном почтенном семействе за мелкую услугу хозяину. Смотрели все вместе телевизор. В нем демонстрировали достижения балетной школы. И я увидел Ее. Она была в центре программы. Увидев ее, я забыл про еду, хотя голоден был чрезвычайно. Хозяин сказал, что Она - "хороша девочка, пальчики облизнешь, аппетитная". Семнадцатилетний сын хозяина сказал, что балерина она ерундовая, бездарная, но телеса и мордочка - великолепные. Пятнадцатилетняя дочь хозяина сказала, что этого достаточно, чтобы сделать хорошую карьеру. Переспит, с кем надо, и все! Хозяйка сказала, что "все они там проститутки". Сын сказал, что "там процветают извращения", что танцоры там - гомосеки, а балерины - лесбиянки. Хозяин сказал, что это все идет от диссидентов! Они разговаривали в таком духе, комментируя части тела и движения моей Богини. А я смотрел на Нее, как замороженный, и твердил про себя как молитву: "Спи с кем угодно, танцуй плохо, доноси, предавай, будь примерной комсомолкой, будь глупенькой и корыстной! Только будь! Только позволь мне хотя бы иногда, хотя бы издали, хотя бы на миг видеть тебя!"

Программа кончилась. Чудное видение исчезло. Хозяйка в коридоре сунула мне в руку десятку. Велела (именно велела, а не попросила) позвонить к ним через пару недель на всякий случай. Я сказал, что я работаю с гарантией на год, подобно западным фирмам. Разработанную десятку я пропил с незнакомым пожилым человеком. Рассказал ему о своей Богине.

- Плюнь, - сказал он мне, обнимая меня и искренне сочувствуя моему горю. - Стоит ли из-за бабы так раскисать? Ты же мужик. Наша судьба такая!

- Дело не в ней, - сказал я, - а во мне самом. Хочется видеть что-то светлое и чистое.

- Я прожил жизнь, - сказал он. - Поверь мне, нет в нашей жизни ничего светлого и чистого. Одна грязь и мрак. Только вот эта минута, когда мы с тобой, свята. Только она. А она скоротечна. Она сейчас кончится. Сейчас я буду вдрызг пьян, а пьяный я - самая гнусная тварь. Уходи, пока я еще не..

А ночью я не выдержал, оделся и пошел на улицу, к ее дому. До утра стоял под ее окном. И про себя пел ей мою серенаду.

Дни и годы идут.

Не сосчитать утрат.

Зачем я торчу тут,

Под окном твоим до утра?

Разное нам дано.

Хоть плачь или удавись,

Но я опускаюсь на дно,

А ты устремляешься ввысь.

Холод в моей душе.
Жизни никчемна суть.
Не в силах мыслью уже
Даже пылинку сдуть.
Я просто гороховый шут.
Быть Богом не мой удел.
И вовсе не я вершу
Ходом событий и дел.
Вроде кончать пора,
Нечего ждать мне тут.
Меня, как сор, со двора
Дворники прочь метут.

Учись у учеников своих

- Как Вы думаете, сколько мне лет? - спрашивает мой собеседник. Я разглядываю его молодое, свежее лицо. Я знаю, если человек предлагает угадать его возраст, он выглядит моложе своих лет. "Пятьдесят пять", - неуверенно говорю я.

- Ошибаетесь, молодой человек! - ликует мой моложавый собеседник.

- Семьдесят пять! Не верите? Вот мой паспорт, взгляните!

- Как же это Вы ухитрились так сохраниться? - с восхищением спрашиваю я.

- Все удивляются, - говорит он, - в особенности врачи. Все спрашивают, как это я ухитрился так сохраниться. Только вот слушать никто не хочет. Стоит мне начать объяснять это "как", как у всех пропадает интерес. Все хотят услышать какую-то короткую и простую магическую формулу жизни. Чтобы раз, и готово! Живи до ста лет молоденьким. А никакого эликсира молодости нет. И пилюль никаких нет. И диеты такой нет. И голод не поможет. И йога пресловутая ничего не даст. Быть вечно молодым - это сложная наука и тяжелый труд. Это, можно сказать, особая профессия.

- Я Вам еще не надоел? - спрашивает он. - Обычно у желающих услышать мой ответ на их вопрос "Как?" именно в этом месте пропадает интерес к моему возможному ответу. Продолжать? Что же, Вы - первый, кто отваживается слушать меня. Спасибо Вам за это. Обратите внимание: я даром отдаю Вам мой бесценный жизненный опыт и говорю еще "спасибо" за то, что Вы его соглашаетесь взять! Простите, я не хотел Вас персонально обидеть. Это я вообще. Я понимаю, что мой опыт Вам не нужен. Он никому не нужен. А все-таки странно. Люди же так хотят долго жить и не стареть! Верно, они хотят, чтобы им кто-то даровал вечную молодость. Чтобы без усилий. За деньги. По положению. А долгую молодость никто вам не подарит. Ее не купишь за деньги. И высокое положение тут бесполезно. Конечно, вам могут продлить жизнь. Вон,

наши вожди, как долго живут! Только они живут стариками. Они становятся стариками уже к тридцати годам. Довелось мне однажды попасть в дом отдыха ЦК. Случайно получилось. Все отдыхающие - в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет. А взглянули бы Вы на них! У кого брюхо, кто лысый и обрюзгший, ни у одного мускулов нет.

А пощупайте мои бицепсы! Я плавал, бегал, на спортивных снарядах крутился лучше их всех. А проживут эти люди долго. До восьмидесяти многие дотянут. А что это за жизнь? Проблема не в том, чтобы долго жить, а в том, чтобы долго не стареть.

Адекватность эпохе

Я родился слишком поздно. Америка и электрон уже открыты. Люди уже побывали на Северном Полюсе и на Луне. Я родился слишком рано. Полный коммунизм еще не построен. У меня возникла потребность обновить штаны, но без денег ее пока удовлетворить нельзя. А денег нет. Короче говоря, я родился не во время. Если бы я родился раньше, я мог бы открыть Америку или электрон, в крайнем случае - мог бы замерзнуть в километре от Северного Полюса. Если бы я родился позже, я щеголял бы в новых штанах. А так - ни Америки, ни штанов. Остается одно: теоретизировать на тему об адекватности или неадекватности человека своей эпохе.

- Чудак, - сказала одна моя пациентка, когда я изложил ей свои огорчения. - То, что штанов нет, это еще ничего. Вот когда...

- Ты права, - согласился я, догадавшись, что она имела в виду. - Человек всегда рождается во время. Если бы я родился ранее, человечество никогда не открыло бы Америку и электрон. А если бы я родился позднее, то до полного коммунизма было бы также далеко, как и сейчас. Жизнь прекрасна и в драных штанах. И еще не известно, что лучше - замерзнуть, не дойдя до полюса, или...

- "Или" лучше, - сказала она.

И на сей раз она была тоже права.

- Если бы я родился раньше или позже, - сказал я, - то наши дороги не пересеклись бы. И было бы жаль, если бы это не случилось.

Но она вскоре покинула меня, сказав на прощание, что я на самом деле родился не во время. Она ушла к человеку, который родился в самый раз: у него была кооперативная квартира и заграничные штаны.

Одиночество

Наступила полоса неудач и одиночества. Нет близкой женщины, - вот суть одиночества. И я богохульствую: зачать без мужчины - дело нехитрое, ты попробуй зачать без женщины!

Хаос мыслей

Строить религиозное учение трудно по многим причинам, а главное - по причинам психологического и логического характера. Религия, например, в принципе логически противоречива. Я уверен в том, что Христос метался в противоречиях. "Взявший меч, - говорил он, - от меча и погибнет". И как бы позабыв об этой мысли, он говорил: "Не мир принес я вам, но меч." Проанализируйте все его изречения, и вы найдете в них кучу логически несовместимых мыслей. И это-то как раз естественно для религии. Я иду в этом направлении открыто и сознательно. И иду до логического конца в логической противоречивости.

- Готовься к смерти, - говорю я, - и потому живи полноценной жизнью. Жизнь есть миг, - говорю я, - и потому живи с установкой на вечность. Будь готов умереть в любую минуту, и потому считай, что никакая минута жизни не есть последняя. Будь терпим, потому сопротивляйся всякому насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям, и потому будь один. Если ты человек, ты всегда одинок, а одиночество есть твое отношение к окружающим людям. Имей все, и потому отдай все. Смирись, бунтуй. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который и только через который он и осуществляется. Я думаю, что когда Христос призывал возлюбить врагов своих и подставлять другую щеку, если тебя ударили по одной, он лишь выражал это качество религиозного учения, - его органическую противоречивость.

В религиозном учении есть основные принципы и производные. Но согласование их производится не по правилам логического вывода. Здесь человек не может быть заменен машиной. Связь этих принципов не есть некая формальная (вычислительная) операция. Вот конкретный пример. Допустим, я принимаю основной принцип: допустимы любые средства защиты против противника, который нападает на тебя без твоей вины и превосходит тебя по силам. Пусть мы имеем частный случай нападения. Возникают проблемы, неразрешимые формально: есть это защита с вашей стороны или нет, достаточно ли противник превосходит вас по силам, не являются ли ваши меры защиты чрезмерными? В каких случаях, получив удар по щеке, следует подставить и другую щеку, и в каких следует ответить двойным ударом? Нужна система прецедентов, типичных и характерных случаев такого рода. Для наших сложных жизненных условий это - кропотливая работа, требующая гения более высокого ранга, чем в науке.

Суэта

На сей раз моя задача - вылечить важное лицо от заикания. Из-за этого заикания застопорилась его блестяще начатая карьера. Я велел ему рассказать про случай в его ранней юности, после которого он стал заикаться. Он рассказал, что подглядывал, как его отец совокуплялся с родственницей матери, жившей в их доме, что отец это заметил и основательно побил его, пригрозив кастрировать, если он расскажет матери. Рассказывая, он сильно заикался. Я попросил его рассказать всю историю еще раз, но - более подробно. Он рассказал, причем - заикался меньше. Я попросил повторить историю еще и еще раз. Повторяя историю в десятый раз, он не заикнулся ни разу. Он сам был поражен этим явлением. Я сказал ему: "Отныне Вы не будете больше никогда заикаться."

После извлечения этот человек уверял меня в том, что я сам не знаю цены себе, что мне надо присвоить все высшие ученые степени, дать институт и клинику. Я сказал ему, что мои способности имеют силу только при том условии, что я веду свой нынешний жалкий образ жизни, что получив все то, о чем говорил он, я эти свои способности утрачу немедленно. Будь я профессором из почтенного института, я не смог бы вылечить его. Ведь его лечили многие специалисты, светила, не так ли? А результат? Существо, принимающее ежедневно ванну, спящее на хрустящих простынях и питающееся свежими овощами зимой, не может творить чудеса. Оно может вытворять только пакости.

После этих моих слов партийный чиновник велел гнать меня в шею. Он крикнул вдогонку, что если я попадусь на его пути или он услышит, что я занимаюсь своей антинаучной агитацией, он велит выслать меня из города. Он не заикался при этом. Путь для продолжения его блестящей карьеры был открыт.

Выслушай и поверь

- Я все время полемизирую с собой, - говорит мой собеседник. - На сей раз предметом моей внутренней полемики была причина, которая и привела меня сюда.

- Если бы я рассказал про свою жизнь, никто не поверил бы, что это все было на самом деле, - сказал я себе.

- А ты и не рассказывай, - ответил я опять-таки сам себе, - все равно же не поверят.

- Верно, - сказал я (теперь уже не разберешь, что тут есть утверждение и что возражение), - но все-таки жаль, что так никто и не узнает, как я прожил жизнь. Подохну скоро, и все исчезнет. И будет так, как будто бы ничего и не было. А ведь я прожил жизнь дай Бог всякому, есть о чем рассказать.

- Это тебе самому кажется, что есть о чем рассказать, - усмехнулся я. - А для прочих людей это все суть сущие пустяки. К тому же люди покрупнее тебя исчезали бесследно. А сколько таких было, есть и будет?! И жизнь их наверняка поинтереснее твоей. Да что люди! Целые общества исчезли, не оставив никакой памяти о себе. Целые миры! Звезды! Галактики! А тут какое-то ничтожество, о котором даже не было ни одного упоминания в могучем книжно-журнально-газетном потоке нашего времени.

- Ну и что?! - возмутился я. - Плевать мне на Галактики, звезды и общества. Их много, а я один. Для меня моя жизнь важнее и интереснее, чем, например, эволюция некоей звездной системы за тридевять земель. Вдумайся сам внимательнее в эту проблему! В самом деле, какое тебе дело до того, что за тридевять земель произошел какой-то странный взрыв сверхогромной звездной системы, в которой было два миллиарда планет, населенных секстильонами и квинтильонами живых существ? Ты же не астроном, не философ и не член общества "Знание". Ты на этой мировой катастрофе гроша ломаного не заработаешь. А вот то, что тебя в ближайшее время на пенсию попрут, это - действительно проблема!

- Верно, - согласился я, - проблема.

- А за что, спрашивается? Работаю я не хуже других. И уж во всяком случае не хуже молодых ребят и девчонок, которыми теперь буквально кишит наше учреждение.

- Чудак, - грустно сказал я, - попрут, потому что заведующий на твое место хочет взять молоденькую смазливую блондиночку. Он за обещание устроить ее в наше учреждение уже и взятку получил. И приличная любовница будет. Ненадолго, конечно. Как только она устроится здесь, она найдет себе покровителя посерьезнее. Но это потом. А пока...

- А пока надо меня выпихнуть (выпереть, вытолкнуть, выбросить, списать, - сколько для этого слов есть!) на пенсию. Смешно сказать: даже мое мизерное место кому-то понадобилось. А я оказался неспособным постоять за себя даже на этом примитивном уровне. Почему?

- Вот именно, - торжественно заявил я, - почему? Хотя бы для этого стоит рассказать о своей жизни.

- Но кто тебя будет слушать? - съехидничал я. - Что было в твоей жизни заслуживающего внимания других людей? Тем более, никто же не поверит, ты сам говоришь.

- Не беда, - нашел я выход из затруднения, - можно найти человека, который за плату согласится выслушать меня и поверить. И вот я, как видите, здесь. Много, конечно, я заплатить не могу, - зарплата у меня мизерная. Но по силе возможности... Я понимаю, чем больше платишь, чем внимательнее тебя слушают и больше верят... Но я на многое не претендую. Хотя бы немного выслушайте, хотя бы чуточку поверьте.

И я слушаю очередную печальную и унылую историю человеческой

жизним. И верю в ней каждому слову. Человеку надо верить. Верить людям есть обязанность Бога.

Цинизм

Есть явления, которым я не знаю общего названия, но роль которых познал сполна: это - явления, которые лишают святости человеческие чувства, мысли, намерения, порывы, отношения. Это - цинизм, пошлость, скабрзность, наглость, бесцеремонность и прочее в том же роде. Мы с Антиподом проходили мимо самого шикарного ресторана в городе. Вдруг я через окно увидел Ее в компании мужчин и женщин, судя по виду - артистов. Я замер от неожиданности и от смысла увиденного. Антипод проследил мой взгляд, понял, в чем дело.

- А я ее частенько вижу тут, - сказал он с презрительной усмешкой. - Какой же ты все-таки юнец! Нашел в кого влюбляться! Банальная и посредственная потаскушка, пытающаяся сделать хотя бы малюсенький шагоч в жизненной карьере за счет смазливой мордочки и соблазнительных форм.

- Но она же не виновата, - возразил я.

- Ну да, - сказал он, - ее совратили, развратили, вынудили. Не будь таким наивным. Если человек не захочет сам быть совращенным, его никто не в силах совратить. Можно изнасиловать, но не совратить. Тут совращение добровольное и рассчетливое. Уверен, и родители тут постарались. Они ведь заботились о счастье единственной и любимой дочери. Наверняка они сами пригласили того человека, от которого зависело зачисление ее в труппу театра, и подсунили ему свое свеженькое, испеченное специально для совращения и разврата чадо.

- Пусть так, - говорю я. - Зачем это видеть? Мы же не подглядываем за людьми в туалете. Так зачем нужно заглядывать за кулисы жизни?! Можно ведь смотреть лишь на сцену, причем - издалека.

- Эх ты, - сказал он, пожимая плечами. - А еще Бог. Жизнь есть не спектакль, а сражение. В нем все есть сцена и все есть кулисы. Плюнь на нее. Не стоит она того, чтобы мучиться. Что, тебе других баб мало? Да с твоей внешностью такую красотку можно найти, что...

- На Небесах, - сказал я, - не ищут возлюбленных. Там их предназначают. Она мне...

- Хватит ныть, - сказал он. - Видишь пара девчонок на нас поглядывает? Заткнись и следуй за мной!...

Но из нашей атаки ничего не вышло.

- Пошли вы к черту, - сказала одна из девиц, закуривая сигарету. - Мы своих ребят ждем.

Со мной чуть истерика не случилась от смеха, когда я посмотрел на выражение лица Антипода.

- Вот б...и, - сплюнул он, когда мы отошли немного. - Что творится с народом? Страшно прикоснуться к человеку...

Хаос мыслей

Религия не должна быть скучной и унылой. И не должна быть стадной. Она должна быть индивидуальной и жизнеутверждающей. Она не должна унижать людей. Никакого коленапоклонения и ползания на четвереньках и на пузе! Стоять и ходить прямо, с достоинством! Долой смирение! Да здравствует бунт, отвага, бесшабашность, беззаботность!

О болезнях

Христос ничем не болел. Но я в это не верю. Просто он не успел заболеть, ему было не до болезней, его не обследовали даже в районной поликлинике. Я тоже не болею, если не считать геморроя - признака божественности. Это значит, что я не считаю болезнями то, что считают болезнями другие люди. Поскольку я - человек без постоянной работы, без прописки и без паспорта, я не существую для общества. И не могу пользоваться бесплатным медицинским обслуживанием. Когда я приводил в порядок зубы у частника, я заплатил ему все, что смог приработать за полгода. За мной некому ухаживать во время болезни. И негде отлеживаться, так как я обязан днем покидать помещение, где ночую. Потому я вообще исключил понятие "болеть" из своего лексикона в отношении к себе. И как может болеть сам исцелитель? Однажды я снизил температуру у больного, а у самого температура подскочила до сорока. Ночевать пришлось на скамейке на бульваре, хотя было холодно. После той ночи мне все недомогания кажутся пустяками.

Я и Антипод

- То, что ты болтаешь, забавно. Но извини за грубость, это - шарлатанство.
- Верно. Моя работа - действительно болтовня, т.е. разговор по душам. На Западе эту работу выполняют особые специалисты. Они пользуются уважением и получают большие деньги. На пять процентов их умение идет от науки, на девяносто пять процентов - шарлатанство. У нас таких специалистов официально нет. Их функции выполняют бесчисленные любители и немногие

нелегальные профессионалы вроде меня. Мы тоже шарлатаны, причем - на все сто процентов. Но западное шарлатанство не имеет никакого отношения к душе, тогда как наше целиком и полностью есть дело души. Наше шарлатанство от Бога. Христос ведь тоже был шарлатаном.

- А чем он кончил?!

- А что было потом?!

Богиня

Если бы мне пришлось выбирать одно из двух - мировое признание меня в качестве творца новой религии или хотя бы один час обладания моей Богиней, - я бы выбрал второе.

Проблема номер один

- Теперь, - сказал я Балбесу после того, как он проспал целые сутки, - женщины.

Балбес за эти две недели проникся ко мне таким доверием, любовью и преданностью, что вытянулся по-военному, щелкнул каблуками и сказал "есть". Сначала я прочитал ему короткую вводную лекцию.

- Умение обращаться с бабами, - сказал я, - есть вторая добродетель будущего молодого советского дипломата. Есть разные концепции блядства. Наша советская концепция, базирующаяся на принципах марксизма-ленинизма, исходит из следующих основных постулатов. Нет такой женщины, которую нельзя склонить к совокуплению. Нет таких условий, в которых нельзя было бы совокупляться с женщиной. Приняв решение вступить в половую связь с избранной женщиной, немедленно приводи свой замысел в исполнение. Промедление провалу подобно. Никаких колебаний. Никаких посредствующих звеньев.

Через полчаса Балбес знал нашу теорию блядства назубок, и мы перешли к практической части - к развитию навыков секса в разнообразных условиях и развитию органа секса. Для этой цели я нанял старую подзаборную потаскуху Дуську, ставшую Музой нашей творческой интеллигенции. И какие только штучки она ни вытворяла с Балбесом! Секс у могилы Неизвестного Солдата в тот момент, когда на нее возлагали венок молодожены, был самой невинной среди них. Упражнения для члена я разработал Балбесу сам. Через месяц он удлинился и утолщился у него вдвое. А какой прочности он достиг, говорит такой факт: одним ударом члена он научился раскалывать кирпич пополам.

Овладев теорией и техникой секса в совершенстве, Балбес стал

регулярно применять на практике свои способности. Первым делом он "трахнул" весь педагогический состав школы, что имело следствием резкое возрастание его успеваемости. Потом он принялся за девочек старших классов. В городе о нем стали рассказывать всяческие истории. Когда слухи о распутстве сына достигли уха отца, тот преисполнился гордости за род Гробык и заплатил мне вдвое больше прежнего.

Хаос мыслей

- Будьте совершенны, как Бог, - говорит Христос. Верно говорил. Будьте! Только что это значит - быть совершенным? В этом есть два смысла. Первый смысл: совершенный человек - это идеальный человек (в смысле - очень хороший человек, лучше не бывает). Такой человек обладает одними положительными качествами и не имеет никаких отрицательных. Это - пустая абстракция. Даже Бог в представлении Христа имел минусы: гневался, наказывал, посылал трудные испытания. А реальный человек не может быть идеальным по той простой причине, что положительные качества невозможны без отрицательных, ибо они оба суть проявления одного и того же. Реальный человек, пытающийся приблизиться к идеалу, не может выжить в борьбе за существование, а если и выживает, то на проверку оказывается порядочной сволочью. Самое большее, что возможно на этом пути - это ограничение отрицательных потенций. А тут в нашем обществе принципиальных проблем нет: система воспитания, идеология, пропаганда, искусство, коллектив, общественные организации (партийная, комсомольская), органы власти (милиция, КГБ), коллеги, родственники и знакомые так или иначе сдерживают отрицательные потенции человеческой природы, вынуждают людей быть лучше, чем они могли бы быть, будучи предоставлены сами себе. Функции божественного образца и принуждения к подражанию ему в нашем обществе выполняются всеми от мала до велика. И призыв Учителя Праведности к людям, чтобы они были хорошими, в этих условиях прозвучал бы как банальная, пустая и лживая пошлость. Потому я не призываю вас сдерживать отрицательные проявления вашей природы, - это не моя задача, это задача идеологии, пропаганды, партийной и комсомольской организации и прочих элементов вашей социальной жизни.

Второй смысл совершенства: абсолютно совершенный человек - это существо, которое в потенции обладает всеми мыслимыми качествами, причем - не только хорошими, но и плохими. Совершенный человек в этом смысле способен приспособиться к любой ситуации, выжить в любой ситуации, жить в любых условиях. Такой совершенный человек фактически

реализуется в людях, но в той или иной мере, в среднем, а главное - в их массе. Миллион людей, взятых как некое целое, уже воплощает в себе все мыслимые качества совершенного человека. Совершенное в этом смысле существо есть Бог. Тут я солидарен с Христом: будьте совершенны в этом смысле! Стремитесь индивидуально овладеть всеми потенциями огромной массы человечества! Но не стремитесь все их проявлять. Как распорядиться этим богатством абсолютно совершенного существа, - вот этому и учит моя душелогия, мое учение о жизни.

Богиня

Богиню привез домой далеко за полночь лысый, разодетый во все заграничное, мужчина лет пятидесяти. Он проводил ее до парадного. Обнял. Поцеловал. Она ответила ему тем же.

Взглядом холодным окинь
Нашу чудо-планету.
Нету на ней богинь,
Значит, и Бога нету.
И если уж тут - тоска,
То тысячу лет пространствуй,
Не сможешь их отыскать,
Все перерыв пространство.

Я и Антипод

Мы с Антиподом проходили мимо "Дворца бракосочетаний". Не стоит и говорить о том, какое убогое это зрелище. Даже Антипод не выдержал и плюнул от омерзения.

- А ведь это - реальность твоих "идеологических храмов", - съехидничал я. - Твои "храмы" будут. Но они в реальности будут выглядеть совсем не так, как ты воображаешь. Самые светлые и умные замыслы в нашей системе превращаются в серость, глупость, пошлость, скуку. Самое большое, что они принесут с собой, - это тотальный контроль над душами людей.

- Если тотальный, - усмехнулся он, - то это было бы хорошо. Но, к сожалению, с такими "храмами" души людей не уконтролируешь. Тут пока не храмы, а тюрьмы и концлагеря нужны. Сталин не довел свое дело до конца.

Но не все сказанное нами следует принимать за чистую монету. Много в наших речах говорится "для красного словца", в шутку, из духа противоречия. Часто нам самим не ясно, в чем наши расхождения. Часто мы переходим на противоположные позиции.

Я люблю мои беседы со случайными людьми и пациентами, специально разыскивающими меня. Это и есть моя реальная жизнь, а не призрак жизни. Вот я вошел в дешевое кафе выпить стакан чаю и съесть бутерброд, - все, что я могу позволить себе сегодня. Какой-то незнакомый человек делает мне знак из глубины кафе, зовет к своей стойке. Подхожу. Человек отодвигает грязную посуду, наливает в стакан какой-то красноватой бурды (у нас это считается вином), насаживает на вилку какой-то еды со своей тарелки, делает мне знак пить и закусывать.

- Я сразу заметил, - говорит он, - что ты свой парень! Че-ло-век! Теперь встретить человека трудно. А ты, я вижу, че-ло-век! Ну, дуй! Я "дую". Он говорит, что я - молодец, не брезгую угощением "простого человека". И затем я терпеливо выслушиваю его историю.

- Отец советовал мне выбрать такую профессию, которая гарантировала бы кусок хлеба при всех обстоятельствах, - говорит он. - Совет прост, да не так-то легко ему следовать. Кажется, например, совершенно очевидным, что профессия продавца продовольственного магазина или повара в общественной столовой гарантирует упомянутый кусок хлеба. Но это далеко не так. Гарантия тут кажущаяся. Тут ты имеешь гарантированный кусок лишь тогда, когда все прочие имеют тот же самый кусок или кусок получше и без всяких гарантий. Но случись что серьезное и... У нас в городке, например, когда началась война, высшее начальство первым делом заполонило все питательные точки своими родственниками и холуями, а прежних обладателей этих точек вытурили кого в армию, кого в тюрьму, кого на военные заводы. А почему, вы думаете, нечто подобное не произойдет в случае будущих неприятных событий большого масштаба? Зато плясуны и баянисты, над коими до войны все подшучивали как над бездельниками, а их занятия за профессию вообще не почитали, всю войну провели в теплоте и в сытости. И все уцелели!

- Когда мои практичные и прозорливые родители решали, - продолжал незнакомец, - кем мне быть, вариант с плясками и баяном обсуждался ими неоднократно. Отец был против, упирая на то, что я способен играть только на нервах родителей. Мать же настаивала на том, что баян - не скрипка Студебеккера (она, очевидно, хотела сказать: Страдивари), а пляска - не балет, что свистеть, топать и охать может научиться даже такой бездарный растяпа, как я. Но в музыкальную школу меня не приняли из-за абсолютного отсутствия музыкального слуха. Смешно? Бывает абсолютный музыкальный слух. Очень редко, говорят, бывает. Но еще реже встречается абсолютное отсутствие музыкального слуха. Так вот я принадлежу к числу этих исключительных личностей. Для меня что "до", что "ре", что "соль", - все едино. Я даже "Чижика" одним пальцем не смог научиться играть за целый год. Тоже своеобразный рекорд. Так вот

эта моя уникальная способность и позволила мне стать обладателем самой уникальной профессии в стране: я - специалист по безобразным звукам, с помощью которых можно парализовать животных. И человека тоже. Собственно говоря, это и предназначено для людей. Опыты только проводятся на животных. А я пока единственный человек, способный переносить такие звуки. Не веришь? Я тебе дам адресок. Приходи. Я тебе такое покажу, что глазам... и ушам, конечно,... своим не поверишь. Нажимаешь кнопку, и даже лошади немедленно с копыт долой. Ты только об этом не трепись никому, это секрет. Это, брат, посекретнее атомной бомбы. Хотя, какой это секрет - атомная бомба?

Наш человек

- Ты, Лаптев, в общем и целом наш человек, - сказал мне тогда товарищ Горбань, - но вот мудришь как-то не по-нашему.
- Я мудро именно потому, что я есть наш человек, - сказал я. - А если уж наш человек начинает мудрить, то делает это всегда не по-нашему. Обратитесь к нашей истории, и Вы сами...
Покинув товарища Горбаня, я преисполнился чувством преданности идеалам коммунизма.

Заявляю категорически,
И на этом твердо стою,
Что и я в поход исторический
Пошагаю в общем строю.
Прозвучит команда - настанет срок -
"Становись!", "Равняйся!", "Шагом марш!"
Заиграют оркестры не шейк, не рок,
А забытый походный марш.
В громовом "Ура!" и моя будет часть.
Автомат, а не рюмку сожму рукой.
И в атаке общей убитым пасть
Я смогу, как любой другой.

На пересечении улиц Горького и Робеспьера я столкнулся с Антиподом.
- Что с тобой? - спросил он, - уж не в партию ли вступить собрался?
Услышав это, я несколько сник.

Только дело в том, что атак таких
Не дождешься и тысячу лет.
Потому снесу предыдущий стих
Для практических нужд в туалет.

Я и Антипод

- Каждый человек равен любому другому, - говорю я. - Более того, он равен всему человечеству. Всему космосу. Это - одна из моих исходных предпосылок.

- Прекрасно, - усмехается он. - А младенцы? А старики? А больные? Но ладно, допустим, что люди одинаковы абсолютно во всем, если отвлечься от их общественных отношений, то первое, с чем имеют дело люди в своей социальной жизни, есть неравенство: я имею в виду отношение начальствования и подчинения, без которого невозможно объединение людей в единое общество. Это есть неравенство не только в том смысле, что положение начальника в каком-то отношении предпочтительнее, чем положение подчиненного, но прежде всего в самом факте осознания превосходства одного человека над другим. И заметь, это неравенство всеми признается как нечто справедливое.

- Я не об этом, - говорю я. - Я имею в виду некоторую моральную установку человека по отношению к другим людям и миру вообще. Для человека все бытие разделяется на "я" и "не-я" естественным образом.

- А почему это не на "мы" и "не-мы"? - возражает он. - Что является изначальной личностью - коллектив или отдельный человек, "я" или "мы"? Причем, коллектив достаточно большой и сложный. Исторически "я" есть вторичное по отношению к "мы". А в условиях нашего общества - тем более.

- Я исхожу уже из факта существования "я", - говорю я. - И настаивая на своем постулате, я имею в виду не реальное равенство, которого нет (это я сам знаю), а субъективное состояние "я".

- Любая, - говорит он, - субъективная претензия, не подкрепленная реальными возможностями, вырождается в шизофрению. Ты можешь сколько угодно внушать себе, что ты равен всякому другому человеку, целому обществу и даже человечеству. Но либо это есть мания величия, т.е. предмет внимания для медицины, либо нечто ничего не значащее. Если ты - рядовой солдат, то сознание реальности солдатского положения не может затмить никакая маниакальная претензия быть равным генералу. Лишь делая военную карьеру и стремясь стать генералом, ты можешь реализовать свою идею равенства солдата и генерала в рамках признания реальности своего общества. Есть еще другой путь: вырваться из данной социальной структуры. Если ты при этом покинешь армию общественнопризнанным способом, ты попадешь в другую ситуацию неравенства. Есть лишь один способ сразу уравнивать себя со всеми: исключить себя из общества вообще, например, - дезертировать. Твои призывы на деле суть призывы изолироваться от общества, что на практике означает паразитирование за счет общества.

- Я не изоляции от общества учу, а самообороне, - говорю я. - Ничто

не спасет людей от неумолимых законов природы и общества, если они не откроют в самих себе средств самозащиты от них. Я и учу людей методам самообороны от превосходящих сил природы и истории.

- А я, - отвечает он, - учу их методам нападения путем использования неумолимых сил природы и истории. Как ты думаешь, к кому придут люди?

Суета сует

А вот этот человек - детский вор. Ворует коляски, одежду, игрушки. Детишек заманивает в подъезды и раздевалки. Угоняет коляски с младенцами. Младенцев, конечно, выкидывает. Их не продашь, ха-ха-ха! У него есть помощница, которая до неузнаваемости переделывает украденные вещи и продает. Оба они хорошие специалисты в своем деле. Он с одного взгляда определяет ценность вещей и степень риска. Потому еще ни разу не сидел в тюрьме, хотя работает не один десяток лет. Оба они - жуткие пьяницы, как и следует быть талантливым русским людям. Оба получают мизерную пенсию по инвалидности, хотя в чем состоит их инвалидность, они и сами не могут толком объяснить. Пенсия им нужна лишь для прикрытия. Они регулярно дают нужным лицам взятки, и те организуют им пенсии. Кроме того, они дают взятки милиционерам. В последнее время этого вора начал волновать моральный аспект его профессии. Но отнюдь не в том смысле, что страдают детишки и родители, а в том смысле, что все труднее становится работать и все меньше становятся заработки, а взятки все растут и растут. Это чудовищная несправедливость. Вот он и подумывает сменить профессию и спрашивает моего совета, где он мог бы подвизаться с его богатейшим жизненным и профессиональным опытом. Я посоветовал ему с помощницей устроиться в детский сад. Конечно, на детской манной кашке особенно не разживешься. Но с голоду не умрешь. А главное - они могут удовлетворить с избытком свою профессиональную любовь к детям.

- Гениальная идея! - воскликнул детский вор. - За один заход можно увести полсотни пальтишек, шапочек и прочих вещичек. Этого хватит на полгода безбедной жизни!

Я и Антипод

- Твой призыв к некоей "внутренней свободе", - говорит Антипод, - есть безответственная болтовня. Никакой "внутренней свободы" без свободы "внешней" нет и быть не может. Внутренняя свобода есть лишь субъективное переживание и осознание свободы внешней.

Какой-то мудрец утверждает, что будто бы можно быть внутренне свободным, находясь в концентрационном лагере. Это уже не просто ошибка и не просто ложь. Это - преступный обман. Можно ли быть внутренне свободным, находясь в концлагере? Можно, если ты восстанешь. Но лишь очень короткое время, т.е. с момента твоего восстания и до момента твоей гибели. И лишь потенциально. Твое восстание будет лишь претензией на внутреннюю свободу, но еще не самой свободой.

- Ты прав, - соглашаюсь я, - но внутренняя свобода и есть лишь нечто потенциальное, а не реальное. Она реальна лишь в большой массе людей и в большом промежутке времени.

- Зачем тогда мутить людей? - спрашивает он. - Ведь они все понимают буквально, а не метафорически.

- Но они сами этого хотят! - говорю я. - Человеческая жизнь коротка, а человек стремится ощущать ее масштабами тысячелетий и даже вечности. Что ему наука! Что ему реальность! Внутренняя свобода, о которой я говорю, приобщает человека к вечности. Она есть атрибут вечности.

Услышав это, Антипод рассмеялся и напомнил мне строки из моего "Евангелия":

О, человек! Слезу утри!
Чтоб не было обидно,
Свободен будешь изнутри,
А как извне - не видно.

И всяческая суета

А вот этот человек, наоборот, - защитник слабых и обиженных. Он - высококвалифицированный рабочий. Одинок. Все свое свободное время отдает борьбе за справедливость. Жалуется, что ему при этом попадает больше, чем тем, кого он защищает. Недавно, например, отсидел пятнадцать суток за то, что пытался защитить девушку от хулиганов. Хулиганов было четверо, и они все заявили, что это они защищали девушку от него. А девушка, боясь мести хулиганов, подтвердила их слова. Он спросил девушку, почему она так поступила. А за нее ответила судья: не лезь, мол, не в свои дела! Ишь, Дон Кихот нашелся! И действительно, Дон Кихот.

Только в наше время быть Дон Кихотом куда труднее, чем раньше. Вот сейчас он добивается того, чтобы трещины в их доме заделали. Удивительно, дом новый, а уже капитальный ремонт нужен! Так его грозят из города выселить, если он не перестанет писать свои кляузы. А какие же это кляузы? Холод в квартирах собачий. Стенки мокрые. Так вот, не знаю ли я способ какой-нибудь... вроде гипноза..., чтобы заставить начальство эти трещины заделать? Иначе их ничем не

проймешь. Я должен научить его таким "психицким" приемам. Чтобы он пришел в контору, взглянул на "этих бюрократов", а те перед ним в струнку чтобы вытянулись: будет, мол, сделано!

... Бог, повелевающий мелким чиновникам заделывать старые трещины в новом доме, - видала ли нечто подобное прошлая история?

И томление духа

Я учу людей всему, чему они просят меня научить и чему их никто другой научить не может. В частности, я учу, как видеть желаемые и при этом контролируемые волей (активные) сны. Открыл я в себе эту способность так. Один сравнительно молодой чиновник, делающий успешную карьеру, пожаловался мне на то, что вынужден быть сдержанным в быту, иначе обязательно кто-нибудь настроит донос, и карьера застопорится. А жена ему порядком надоела. Он часто видит во сне потрясающе красивых молодых женщин, но, как это и бывает всегда во сне, у него с ними ничего не получается. Нельзя ли найти какой-то выход из положения? Нельзя ли научиться во сне иметь таких женщин, каких хочется, и удовлетворяться с ними?

- Конечно, можно, - сказал я. - Но этому надо учиться. Упорно и серьезно учиться, - это Вам не Мясо-молочный техникум. Тут халтурить нельзя.

Чиновник согласился перенести любые трудности. И мы начали занятия. Методику я изобрел сам. Начали мы с полудремотного состояния и с реальных действий в таком состоянии. Потом перешли на примитивные волевые действия во сне. Дело сильно продвинулось вперед, когда он сам подошел к нему творчески, - стал выпивать на сон грядущий смесь всех алкогольных напитков, положенных ему по его чину. Когда он первый раз во сне добился того, чего хотел, он ликовал так, будто его в должности повысили сразу на две ступеньки. Потом он вошел во вкус и стал тренироваться совершать во сне дела государственной важности. Мои услуги больше уже не требовались ему, ученик превзошел учителя. Когда мы расставались, он сказал, что прошлой ночью провел реформу сельского хозяйства в области, вследствие которой продуктивность сельского хозяйства возросла втрое.

Я и Антипод

- Твоя чудодейственная сила, - говорит Антипод, - имеет вполне земные основания. Отчасти это - еще не изученные явления организма, условно называемые биотоками мозга. Отчасти - гипноз.

Отчасти - эффект массовой психологии и психологии отчаяния. Вспомни Гитлера, гитлеровских врачей, Распутина... Отчасти - обман, в котором добровольно участвуют целители и исцеляемые. Исцеляемым этот обман нужен как самообман, как самотерапия. Иногда все эти явления фокусируются в одну точку, совпадают. И порождают выдающихся шарлатанов.

- Ты прав, - соглашаюсь я, - но я есть явление иного рода. Я только похож на этих шарлатанов. Имею с ними кое-что общее. Но я никогда не достигну благополучия и признания. Меня никогда не будут изучать беспристрастные ученые. Я даже не стану объектом внимания шарлатанов, работающих на КГБ. Почему? Да все по той же причине, по какой другой выдающийся исцелитель пошел на Голгофу. Для меня исцеление болезней не есть самоцель. Это - мое побочное занятие. Объект моего внимания и воздействия - человеческая душа. Душа, а не тело.

- Душа есть лишь свойство тела, - возражает он.

- Это такое свойство, - говорю я, - которое стоит всего тела. Если душа появилась, отношение тела и души меняется на противоположное. Должно перемениться! Я хочу добиться этого.

Проблема номер один

- Следующим по степени важности для будущего дипломата, - учил я своего на редкость понятливого ученика Балбеса, - является внешность и внешнее поведение. Ты можешь быть чем угодно и кем угодно, но лицо твое должно выражать волю, выдержку, решимость, тайну, снисходительность и прочие качества гордого короля, временно исполняющего обязанности мелкого чиновника министерства иностранных дел. Начни носить очки, они скрывают пустоту души, обнаруживающуюся в глазах. Научись сдвигать брови так, чтобы между ними образовались заметные морщины. А еще лучше - если одна, но глубокая и длинная. Это реже встречается. Уголки губ опускай немного вниз, чтобы образовались резкие морщины от ноздрей вниз ко рту. Губы слегка, вроде бы как недоверчиво поджимай. Ноздри чуть-чуть раздувай. Никогда не раскрывай рот для смеха. Лучше не смейся вообще, лишь иногда слегка усмехайся. Развить мускулы челюстей - пустяк. По сто раз напрягай их утром, днем и вечером. Смотрись ежедневно час в зеркало. Старайся придавать лицу желаемый вид. Лучше избери в качестве образца для подражания известную историческую личность и старайся походить на нее. Только Боже упаси выбрать Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера и им подобных, - засмеют. Лучше рангом поменьше, но внешне поприличнее. Теперь об осанке и движениях... И в этом деле Балбес превзошел мои ожидания. Уже через пару недель все ученики и учителя школы почтительно умолкали и

вытягивались в струнку, когда он появлялся. Директор кидался ему навстречу и открывал ему дверь. Признаться, и мне становилось не по себе, когда он входил в роль. Куда-то исчезла глупая, гнусная, прыщавая, пористая морда и возникал лик некоей значительной личности, владеющей величайшими государственными тайнами и творящей мировую историю. Узрев своего дебильного отпрыска в таком виде, товарищ Гробыко невольно встал, суетливо подтянул спадающие штаны. И ни слова не говоря, отвалил мне сумму, значительно превосходящую прежнюю.

Живи

Но вот кончились дожди. Выглянуло солнце. Иду на бульвар, разваливаюсь на скамейке, наслаждаюсь светом и теплом. Боже, как это хорошо - солнце, птицы, цветы. Рядом присаживаются две молодые, приятные на вид женщины.

- Опять проклятая жара начинается, - говорит одна со вздохом. - Я в жару вся противными пятнами и прыщами покрываюсь. Нет, надо подаваться на юг, в Крым или в Грузию.

- Но там же еще жарче! - восклицает другая.

- Балда! - отвечает первая. - Это же юг, а не наша дыра!

Я блаженно улыбаюсь. Как хорошо, что на свете есть такие ветреные женщины!

- Ты, Лаптев, опять тут ошиваешься? - слышу я знакомый голос. - Я тебя в два счета кое-куда отправлю!

- Поосторожнее на поворотах, старшина, - говорю я ему спокойно. - Я сейчас майорской жене яичники лечу. Я расскажу ей, в каком ты виде вчера...

- С тобой и пошутить нельзя, - лебезит с подленьким смешком старшина и оставляет меня в покое.

Ах, как хорошо, черт возьми! Хорошо, что на свете есть такие сволочи, как этот старшина. Ничего в мире менять не надо. Его надо принять таким, какой он есть, и устроиться в нем поудобнее. Вот так, как я сейчас на скамейке. Руки перекинуть назад, чтобы не свалиться. Голову слегка набок склонить. Прикрыть глаза и...

Уснуть мне, однако, не удалось. Снова появился старшина и велел все же убираться вон. Я бреду в ближайшую забегаловку. Скрипучая, заплеванная, испанная похабными словами и зарисованная непристойными рисунками дверь захлопывается за мною, отделяя от меня ослепительное и щедрое солнце. Боже, как прекрасна жизнь! Зачем загробная жизнь, зачем рай, если лучше, чем эта жизнь, ничего быть не может?

Меняю должность Бога и Вечность на одну минуту заурадного человеческого счастья.

Пусть прекратится суета,
Пусть не тревожит подлость души.

Пусть грязной пошлостью уста
Не оскорбляют больше уши.
Пускай цветами расцветут
Все наши мусорные свалки
И вновь невинность обретут
Все подзаборные давалки.
И соловьиной трелью пусть
Заголосят вороны эти.
И поэтическую грусть
Пропойца вновь в себе отметит.
И в поднебесной высоте
Пусть грянет Глас: О, человеки!
В незамутненной чистоте
Вам жить отныне и навеки!
Что скажем мы на то в ответ?
- Будь добр, - мы скажем, - Инсусе,
Верни обратно грязный свет
И больше в нашу жизнь не суйся.
Пусть нас поглотит суета,
Пусть подлость точит наши души.
И грязной пошлостью уста
Пускай ласкают наши уши.

Суета

На сей раз мой собутыльник - рядовой совлдат. Он доволен жизнью.
- У нас можно отлично прожить, - говорит он с видом мудреца, постигшего глубочайшую истину бытия. - Только надо для этого голову на плечах иметь, а не пустой шарик. Надо находчивость проявлять. Вот, например, идешь ты в самовольную отлучку. Идешь, покуриваешь, встречных женщин осматриваешь на предмет возможности знакомства. Вдруг из-за угла неожиданно патруль выскакивает. Ты, конечно, подтягиваешься, берешь руку под козырек и печатаешь шаг, повернув голову в сторону начальника патруля. Ты уже миновал патруль, но у этого хлюпика-лейтенанта мелькает подозрение. "Товарищ боец, - слышишь ты позади, - подойдите сюда!" Ты четко поворачиваешься и подходишь к лейтенантишке. Не дожидаясь, когда он потребует увольнительную записку, рапортуешь: "Рядовой Иванов такого-то подразделения следует по вызову командира полка в штаб гарнизона." Фамилию, конечно, называешь не свою, а какого-нибудь отличника боевой и политической подготовки, который в это время сидит в "Ленинской комнате" и долбит последнюю речь нашего фюрера. Лейтенантишка при словах "полк" и "гарнизон" вздрагивает и приказывает тебе следовать по высокому вызову. И ты спокойно следуешь до первого поворота. А там - сгинь немедленно. Прыгай через забор, заползай в подворотню, прячься в подъезд первого попавшегося дома. Почему?

Да потому что через несколько секунд патруль сообразит, что дал маху, и бросится за тобой вдогонку. Так оно и происходит. Ты стоишь за дверью чужого дома и слышишь, как ругаются матом и сопят преследователи. На другой день старшина вызывает отличника боевой и политической подготовки Иванова, фамилию которого ты назвал патрулям. "Что же ты, Иванов, роту подводишь, - говорит старшина. - Мы тебя в ефрейторы произвести собирались, а ты такое отмолил!" Иванов хлопает глазами и лепечет, что он не знает, в чем провинился. "Где ты был вчера в такое-то время?" - строго вопрошает старшина. "В "Ленинской комнате", - отвечает Иванов. - Сидоров может подтвердить". Сидоров - это я, то есть. Старшина вызывает меня. "Боец Сидоров, - спрашивает он, - где ты был вчера в такое-то время?" "В "Ленинской комнате", - отвечаю я. "А видал ты там Иванова?" - спрашивает старшина. "Никак нет", - отвечаю я. И судьба Иванова решена: теперь ему по крайней мере еще два месяца придется лизать задницу у всех сержантов и старшин, чтобы выбиться в ефрейторы.

Не успел солдат закончить свой рассказ, как в забегаловку вошли патрули и уволокли его с собою. Очевидно, на гауптвахту. Уходя, он скорчил гримасу: мол, и на старуху бывает проруха!

Проблема номер один

- Все люди разделяются на две группы, - поучал я Балбеса. - К первой группе относятся те, с которыми тебе приходится иметь дело по своей службе. Ко второй - все прочие. Все прочие не заслуживают твоего внимания. Они как бы не существуют для тебя. Первые же разделяются на такие категории: 1) вышестоящие; 2) нижестоящие; 3) являющиеся объектом твоей деятельности. Запомни как аксиому: равных тебе нет. Посчитав кого-то равным себе, ты даешь ему возможность считать тебя нижестоящим. Если человек, занимающий равное тебе положение, имеет шансы обойти тебя, он есть вышестоящий. Если он таких шансов не имеет, он - нижестоящий.

- Как вести себя с нижестоящими, проблемы не представляет, - продолжаю я. - Этому человек научается сам в кратчайшие сроки. И знаешь, почему? Потому что нижестоящие сами вынуждают вышестоящего вести себя с ними определенным образом. Что касается вышестоящих, то тут господствует система предрассудков. Например, считается, что надо подхалимничать перед начальством. Чуть! Это годится лишь для мелких карьеристов и неудачников. Человек, делающий большую карьеру, должен первым делом приучить начальство бояться себя. Есть много приемов для этого. Самый эффективный из них - делать вид, будто ты приставлен к начальству с особой миссией, - осуществлять за ним контроль или выполнять важное государственное задание, неподконтрольное начальству. Распусти слух, будто ты связан с "самыми верхами".

Балбес ловил мои наставления на лету. Вскоре перед ним трепетали

все учителя школы. И даже сам товарищ Гробыко торопливо вскакивал и вел себя как провинившийся школьник, когда сын без стука заходил к нему в кабинет.

Я положил в карман очередную пачку денежных знаков.

Мой путь

Смотрю я на тех, кто воюет против язв нашего общества и выдумывает способы осчастливить человечество, и мне становится жаль как борцов и реформаторов, так и человечество с его язвами. Во-первых, потому что все равно они никого не осчастливят, а голько хуже сделают. Во-вторых, потому что его все равно никогда не осчастливишь. Мне жаль и язвы, ибо без язв человеческой жизни не было, нет и не будет. И я не вижу в этом ничего плохого: без них было бы еще хуже. Вот вам первое житейское противоречие: нет ничего плохого в плохом, ибо без него было бы плохо. Подумайте над ним, и свет мудрости может быть осенит вас.

Итак, смогрю я на борцов и реформаторов и говорю себе: как много усилий и как мало результатов! Придите ко мне, и я укажу вам другой путь, более светлый и результативный! Но они меня не слышат. Не потому, что не слышат. Они-то меня как раз слышали и не раз, но не слышали ни разу. Это - старое изречение, не я открыл его. Взгляните в Новый Завет, и вы найдете там слова: слыша, не слышат, а видя, не видят. Ко мне приходит всякий сброд - жулики, калеки, инфюфренники, неудачники, чиновники, отчаявшиеся, страдающие и, конечно, осведомители. Я знаю, кто они. Но я принимаю их как лучших представителей рода человеческого. Я лечу их и указываю им путь. Они редко излечиваются и еще реже следуют указанным мною путем. Но все же они проявляют хоть какой-то интерес ко мне и моему учению и дают возможность мне существовать и проповедовать. Возможность ничтожную. Но даже самая малая возможность есть возможность. Другие для них суть лишь материал их деятельности.

Эволюция, развитие, прогресс общества вообще не есть цель человечества. Человек рождается, чтобы прожить свою индивидуальную жизнь, ощутить все элементы жизни как целого - пережить детство и юность, любовь, ненависть, успех, поражение, дружбу и предательство, разочарования и надежды... Пережить все общеизвестные и обычные явления нашей жизни. Лишь отдельные представители рода человеческого эксплуатируют совокупный результат отдельных жизней в свою пользу, вовлекая в сферу своего эгоизма и тщеславия других.

Я хочу научить людей не переменам жизни, а самой жизни. Мое учение о жизни отвечает на вопрос "Как жить?". И ответ его прост и абсолютен: "Живи!". И в этом ответе содержится все остальное. Но никто еще не умеет извлечь из него это остальное. Нужны особые правила извлечения. Учение о жизни учит этим правилам.

Следовательно, для него нет проблемы "Быть или не быть?". Для него есть проблема: как поступать на основе принятия принципа "Быть!".

Забота о самосохранении и об улучшении условий существования есть естественное свойство всего живого. И человека в том числе. Есть разные пути для этого: за счет других людей или за счет своих сил, с помощью других или в одиночку, в ущерб другим или без такового, изменять обстоятельства или нет... Я учу вас, как делать это в одиночку, без расчета на других, за счет лишь своих сил, не стремясь изменить общественные условия... Другими словами, я хочу ответить на вопрос: что в вашей жизни зависит исключительно от вас самих?

Я и Антипод

- Все то, что мы считаем положительными явлениями и качествами, - говорит он, - суть лишь отклонения от соответствующих им качеств, которые мы считаем отрицательными и которые на самом деле являются нормой. Красота, ум, доброта, честность, смелость, правдивость и прочие добродетели суть лишь отклонения от нормального безобразия, глупости, злобности, бесчестности, трусости, лживости и прочих пороков. Возьми, например, такое наше качество, которое проявляется в легкости, с какой наш человек капитулирует перед давлением на него окружающих, которое проявляется в двуличности, в склонности к сотрудничеству с властями и доносам, в невыполнении обещаний, в предательстве друзей. Я утверждаю, что оно есть оборотная сторона добродетелей советского человека, - его коллективизма, душевной открытости, способности к сопереживанию и к соучастию в чужих судьбах. Это - неизбежное следствие психологии коллективизма, ее реальность.

- В нашем обществе, - продолжает Антипод, - в подавляющем большинстве случаев судьба человека зависит не от его личных расчетов и расчетов на некое частное лицо, а от коллектива и от отдельных людей как от членов коллектива. Большинство поступков людей здесь таково, что нет надобности самому быть твердым и определенным и требовать того же от других. Наоборот, тут требуется прилаживаться к окружающим. А принципиальная ненадежность друг друга принимается во внимание заранее и существенным образом не влияет на последствия поступков людей. Потому здесь в массе ненадежность окружающих людей не ведет к катастрофическим последствиям и душевным драмам. Ненадежность важнее надежности. Надежность сама по себе есть риск, причем риск неоправданный. Надежность нужна лишь в случае образования неофициальных, главным образом - нелегальных групп, в которых надежность людей по отношению к членам групп оказывается чисто негативным явлением и порицается нормальным обществом.

Надежный человек в обществе ненадежных людей подобен фигуре с острыми углами в массе шариков, катящихся по наклонной плоскости. Рано или поздно он выбрасывается из общего потока. Ненадежность человека в наше время есть явление мозговое, а не сердечное. Мозговая ненадежность есть великое открытие человечества, подобно тому как сердечная надежность была великим открытием прошлого. Не случайно поэтому ушло не одно столетие на то, чтобы интеллектуальная ненадежность стала одним из фактических принципов идеологии.

От этого никуда не денешься. Чтобы взлететь, надо падать. Наши предки, начав терять хвост и шерсть, наверно тоже страдали. Кто знает, может быть из нашей тотальной продажности растет некая высшая форма нравственности.

Я молчу. Наши предки, думаю я, теряли звериные качества, а мы теряем человеческие. И чтобы упасть, надо взлететь. Стремление к полету было противно законам природы.

Богиня

Повторяю и настаиваю: если бы мне пришлось выбирать одно из двух - мировое признание меня в качестве творца новой религии или несколько минут обладания моей Богиней, - я бы выбрал второе.

Проблема номер один

- Теперь, - сказал я Балбесу, - займемся самой неприятной частью твоего обучения - образованием. Но не падай духом. Я за полгода обещаю сделать тебя самым образованным чиновником министерства иностранных дел, если будешь так же, как и раньше, неукоснительно выполнять мои указания. Первым делом забрось все учебники. Они того стоят. А отметки нужные тебе поставят и без них. Я тебе продиктую самую квинтэссенцию культуры, накопленной человечеством за сотни миллионов лет. Не думай, что это очень много. Увы, как раз наоборот. Того, что я тебе продиктую за пару месяцев, тебе в избытке хватит на всю последующую жизнь. Ты думаешь, я не Бог, чтобы знать все? Ошибаешься. Я-то как раз и есть Бог. И я не первый. В "Коране" и в "Библии" тоже содержалась квинтэссенция культуры своего времени. Но я тебя не буду мучить такого рода толстыми и нудными книжками. Я так изложу тебе сокровищницу мировой культуры, что тебе будет занятно и весело. Образование современного талантливой дипломата, - развивал я далее свою мысль, - складывается из следующих элементов: 1) анекдоты; 2) высказывания выдающихся личностей, крылатые выражения, пословицы и поговорки; 3) краткие справочные сведения

о выдающихся исторических событиях и личностях, главным образом - анекдотические и занимательные; 4) перечень имен современных известных личностей; 5) перечень произведений культуры, которые должен знать современный интеллигент, и краткая характеристика их. Объем образования колеблется в довольно широких пределах. Для начала достаточно знать сотню анекдотов, сотню выражений, указанных в пункте два, сотню справок, указанных в пункте три, сотню справок об известных личностях и произведениях культуры. Тем самым будут охвачены все основные логические типы явлений культуры и духовной жизни общества. Под эти шаблоны легко подвести все остальное. Например, заговорили о некоей новой книге неизвестного тебе автора. Есть приемы, с помощью которых ее легко отнести к известному тебе шаблону. Я тебя научу им. И ты по малейшему намеку, даже по интонациям голоса, с какими говорят люди о какой-то книге, сможешь безошибочно определять ее содержание и достоинства. И будешь поражать людей, проводивших в библиотеках десятки лет и перечитавших десятки тысяч томов, своей эрудицией и глубиной суждений. Итак, начнем с анекдотов...

Антипод

Чему я учу своего самого любимого и способного ученика Балбеса? А разве не то же самое проповедует мой Антипод?

- Надо считаться с фактическим положением людей в обществе, - говорит он, - и учить их, как лучше жить в этих условиях. Безнравственно учить людей нравственности в условиях, когда нравственность ухудшает их жизнь. Сама жизнь вынуждает нас на оскорбление отвечать оскорблением, на подлость - подлостью, на измену - изменой. Более того, чтобы уменьшить зло, причиняемое нам другими, мы вынуждаемся опережать их в причинении им зла. Твое учение обречено на провал, ибо оно ослабляет позиции людей в борьбе за выживание и лучшие условия жизни.

- Я вспоминаю твою притчу, - продолжает Антипод, - о чистоте тайников души. Ты сравнивал это с чистотой тела и нижней одежды. Одна из твоих учениц буквально поняла твоё сравнение и стала буквально следовать твоему совету. Единственный случай, выпавший на ее долю, когда она применила на практике твоё учение, - ее раздели жулики. После этого она стала менять нижнее белье так же редко, как и ранее, и перестала посещать твои проповеди. А многие ли твои ученики выдерживают более пяти твоих лекций? Чтобы содержать себя в чистоте, надо иметь условия, в которых это могло бы стать необременительным и устойчивым делом. Но тогда призыв к чистоте теряет нравственный характер. Он переходит в область медицины и психологии.

Я слушаю Антипода и поражаюсь сходству его идей с моими. И все же есть глубокое различие между нами даже тогда, когда мы произносим одну и ту же фразу. Мои советы моим пациентам во многом совпадают с тем, что говорил Антипод. Но они при этом все же имеют противоположное значение. В чем тут дело? Дело не в различии предлагаемых нами средств, а в том, для каких целей мы предлагаем эти средства, кому и как мы их предлагаем, как советуем использовать. Идеология, например, тоже прививает людям идею чистой совести, но как и для чего, - тут наши пути расходятся.

Проблема номер один

- Наконец, последний элемент твоей подготовки, - сказал я Балбесу, - есть ум. Он самый простой и короткий. Он есть следствие всего предшествующего обучения. Человек, одолевший успешно все предыдущие этапы обучения, с необходимостью не только приобретает видимость умного человека, но становится на самом деле умным. Нужно к сделанному добавить лишь сухую малость: решить для самого себя, что ты умнее всех прочих смертных на свете. Итак, знай: ты умен!

Балбес внимательно посмотрел на меня сквозь очки с мощной роговой оправой, слегка усмехнулся уголками губ и сказал, что он, к сожалению, не может ответить мне таким же комплиментом, ибо нужно быть законченным идиотом, чтобы с такими познаниями и способностями прозябать в этой провинциальной дыре.

После этого я счел свою задачу выполненной и расстался со своим самым способным учеником.

Все суета

Ему за шестьдесят. Живет одиноко. Сам обслуживает себя, вплоть до стирки белья. Не курит. Не пьет. Занимается спортом. Соблюдает режим и диету. Хочет прожить как можно дольше.

- Лично для меня, - говорит он, - война была лучшее время в моей жизни. Я почти всю войну провел на фронте. Бывал и в тылу. Мог застрять в тылу и отсидеться в теплом местечке. Но я предпочитал все-таки фронт. Был несколько раз ранен, но легко. И я за ранения-то это не считаю. Почему я стремился на фронт? Не из-за каких-то идейных соображений. И чувства ненависти к врагам у меня никакого не было. Меня тянула сама война как место, где люди убивают друг друга. Я любил воевать. Люди по-разному относятся к участию в боях. Одни дрожат от ужаса, другие каменеют, третьи готовы умереть еще до боя и ждут, чтобы поскорее получить пулю в

лоб или в сердце и успокоиться навеки. Четвертые стремятся любой ценой уклониться от участия в бою. Я же готовился к бою как к светлому празднику. Раздавал все барахло, какое было у меня. Брился, мылся, подшивал чистый подворотничок, до блеска чистил сапоги. Набивал карманы патронами, а вещмешок - гранатами. Кинжал точил так, что бриться им можно было. Даже зимой я ходил в бой без шинели. А во время боя я буквально ликовал и буйствовал. Ты представить себе не можешь, какая безумная радость поднималась во мне, когда я убивал! Я убил не один десяток солдат и даже офицеров. Что это такое? Должно быть, я - прирожденный убийца, и война давала возможность развернуться моей потребности. Вообще-то говоря, все люди прирожденные убийцы в той или иной степени. Только скрывают это. Или другие страсти затемняют эту. Представь себе, когда кончилась война, я плакал. Но не от счастья, что остался жив, а от сожаления, что война кончилась. Что этому человеку нужно от меня? Жизнь уходит. Еще немного - и все исчезнет. А он не хочет исчезать. Он хочет вечно оставаться. Ходит слух, что после смерти от людей отделяются какие-то бессмертные "оболочки". Его знакомый даже книжку об этом читал. Он хочет знать, верно ли это? И как занять такую бессмертную оболочку? Сможет ли его оболочка общаться с оболочками других его знакомых? Интересно было бы встретиться и потолковать с теми, кто уже "отдал концы", особенно - с теми, кого он сам отправил на тот свет. Вот было бы любопытно! Интересно, могут ли они отомстить?

И томление духа

Одну женщину я научил разговаривать с умершей матерью. Она сказала, что мать ее всем довольна, и она этому очень рада. А я пустился в глубокомысленные рассуждения по сему поводу. Что это значит: умершая мать этой женщины всем довольна? Это значит, что все ее потребности удовлетворены, т.е. нет неудовлетворенных потребностей. Но тут возникает двусмысленность. Либо у умершей нет никаких потребностей, либо есть по крайней мере одна, и она удовлетворена. Из того, что у нее нет неудовлетворенных потребностей, не следует, что у нее есть удовлетворенные. В первом случае (если нет потребностей) бессмысленно спрашивать, доволен человек или нет. Во втором случае появляется дополнительная двусмысленность: есть потребность, которая была раз и навсегда удовлетворена, и теперь такой потребности нет, или потребность существует (появляется) постоянно и постоянно удовлетворяется? Жизнь есть не только удовлетворение потребностей, но и их постоянное появление. Смерть есть уничтожение потребностей. Я пытался разъяснить женщине эти проблемы. Она сказала, что

мертвым логика безразлична. И вообще, сказала она, общение с мертвыми нужно живым, а не мертвым. Я был сражен мудростью ее слов. Проблема смерти вообще есть проблема живых, а не мертвых. Мертвые проблем не имеют.

Бог не всемогущ

Мои способности ограничены - даже Бог не может делать абсолютно все. Оставим без внимания старинный парадокс: если Бог всемогущ, то может ли он сделать то, что он не может сделать? Бог неспособен, например, печатать деньги. И даже зарабатывать их в больших количествах.

Считается, что чем крупнее потери или приобретения, тем сильнее человеческие страсти. Пусть так. Не буду спорить. Одно дело - потерять трон, другое дело - потерять перчатки. Но вот передо мною еще нестарая женщина. У нее трое детей. Выпивающий (как и все, т.е. в меру) муж. Она проявляет чудеса изворотливости, чтобы содержать дом на приличном уровне. Два года назад она потеряла (или у нее украли, она точно не знает) сто рублей профсоюзных денег. Пришлось отдать свои. И с тех пор у нее ни минуты покоя. Ночами не спит. Все думает о пропаже. Страдает. Не может забыть. Как быть? Она готова заплатить мне десять рублей, лишь бы я излечил ее от этого наваждения. Вот тут Бог бессильен.

Я и Антипод

- Что есть добро? - говорит Антипод. - В жизни добро есть лишь ограничение зла, есть лишь средство зла и опосредствующее звено в делании зла. Зло надежнее, фундаментальнее, устойчивее. Добро хрупко и мимолетно. Зло есть действие по законам падения, добро есть попытка полета, причем - полет есть форма падения.

- И все же, - отвечаю я, - именно капля добра в океане зла придает людям черты, позволяющие говорить о некоей светлой природе Человека.

- Возможно. Но я не об этом. Я о том, что нет критериев добра и зла вообще. Если ты совершил какой-то значимый поступок, по крайней мере один человек сочтет его злом и по крайней мере один - добром.

- А что же ты предлагаешь? - спрашиваю я.

- Реальную жизнь, а не суррогат и видимость жизни, - говорит он. - Добиваться всех тех жизненных благ, какие изобрело человечество, по законам нормальной жизни людей в обществе и обычными средствами, т.е. по законам и средствами борьбы за существование в условиях современных человеческих джунглей. Побеждает наиболее

ловкий и приспособленный! Пусть неудачник плачет. Я предлагаю драку, деятельность, динамику. Есть нервотрепка застойности, мелочности, скуки, рутины. И есть нервотрепка потеря и приобретений, риска, дерзаний, авантюры, предприимчивости. Я за то, чтобы у нас были стремительные взлеты в карьере, выдающиеся мошенники, ворочающие миллионами, гангстерские банды, террористы, шикарные проститутки... Понимаешь, я ненавижу святость, простоту, чистоту, умеренность. Ненавижу и официальную рутину. Хочу, чтобы жить было не так скучно, как мы живем. Обрати внимание, от чего люди больше всего приходят в возбуждение, когда приходят на работу? Именно от фактов нарушения болотности нашего существования. Такой-то украл десять тысяч из профсоюзных взносов. Сколько по сему поводу переживаний! Поймали преступника, убившего десять человек. Ну, от этого разговоров на год хватит. Пойми! Нормальная жизнь не есть богоугодное заведение. Это - борьба. Монастырь есть уклонение от жизни. Жизнь есть то, от чего некоторые люди бегут в монастырь. Вся твоя система есть уклонение от жизни и оправдание этого уклонения. Бог есть страх жизни и капитуляция перед ее ужасами. Долой Бога! Да здравствует безбожная оргия жизни!

- Пусть так, - говорю я. - Но известно ли тебе, что безбожная оргия жизни является таковой лишь при том условии, что в какой-то форме и в какой-то мере допускается Бог? Если нет Бога, нет и безбожников, - вот в чем загвоздка.

Безбожие не есть отсутствие Бога. Оно есть отрицание Бога, неприятие Бога, борьба против Бога.

Суета

Большинство моих пациентов (или клиентов?) жалуется мне на неурядицы в личной жизни, главным образом - в семье, в отношениях с друзьями и сослуживцами. Это не случайно. Кризис цивилизации углубился до самых ее основ, - до интимных отношений между людьми. Интимность вообще разъедается, разрушается, исчезает.

Вот этот, например, человек образованный, наделенный всяческими добродетелями и лишенный всяческих пороков, отличный семьянин, еще более отличный работник, успешно продвигающийся по служебной лестнице. Карьера его как инженера была настолько успешной, что он уже к сорока годам стал заместителем заведующего группой и был избран в партийное бюро отдела, где ему доверили собирать членские взносы. Его благополучию в быту завидовали многие соседи и сослуживцы. Он имел отдельную комнату на троих человек и стоял одним из первых в очереди на получение отдельной почти двухкомнатной квартиры. В числе немногих счастливых учреждения он получил садово-огородный

участок в сорока километрах от города и начал своими руками созидать сарай для садово-огородного инвентаря, в коем фактически можно было иногда жить как на даче. Короче говоря, не житье, а рай! Живи да радуйся! Но тут внезапно случилась беда: ему изменила жена. Факт в наше время сам по себе малозначительный, можно сказать - общепризнанный и скорее комический, чем трагический.

Порою русские мужики даже испытывают некоторую своеобразную гордость от того, что судьба милостива и к ним, что и они удостоились высокой чести: и их супругой не брезгают прочие строители коммунистического общества, значит, и в этой стерве и замухрышке (или расплывшейся туше, - смотря по обстоятельствам) есть Нечто.

Но этот человек, повторяю, был человеком добродетельным и старомодным. Он был поражен фактом измены жены до глубины души. Сначала он хотел застрелиться. Но Россия - не Запад, застрелиться у нас просто нечем. Потом несчастный хотел утопиться. Опять возникла проблема: для этого надо ехать за сорок километров на свой садово-огородный участок, откуда десять километров топать до ближайшего водоема, таща на себе при этом камень, украденный на соседнем участке. Без камня утонуть нельзя: мелко. Приняв все это во внимание, человек решил отомстить неверной супруге по-нашенски, по-русски: решил сам пуститься в распутство, наплевать на семейные хлопоты и поставить крест на служебной карьере.

- Я ей, стерве, покажу, на что я способен! - в гневе кричал он, устремляясь в ближайшую забегаловку.

Таким образом этот человек и оказался за столом, за которым мы с Антиподом как раз беседовали на высокую тему об основах нравственности.

- А мне, знаете ли, жена изменила, - не то проплакал, не то прохихикал человек, проглотив стакан "вина" и засовывая в рот бутерброд со шпротиной. Шпротина выскочила из рук, словно живая, упала сначала на рубашку, потом на брюки, наконец - на пол.

- Вот гадина, - сказал человек, имея в виду шпротину. Поднял шпротину с пола трясущимися пальцами и сунул в рот. - Никогда еще не было случая, - отметил он общеизвестную закономерность, - чтобы не упала и не оставила пятен на самых видных местах. Вы можете объяснить этот феномен природы? Нет? Я тоже. Почему все-таки так происходит? Чего ей не хватает? Я имею в виду не шпротину, а жену...

- Есть разные способы решения Вашей проблемы, - сказал я не столько с целью врачевания души этого человека, сколько просто для поддержания разговора. - Изменяйте ей сами. Но не заводите постоянную любовницу: хлопот не оберетесь. И не влюбляйтесь больше - это кончится новой драмой. Не можете разойтись, рассматривайте свою жену как чужую женщину, которая с Вами вроде бы изменяет кому-то другому.

Я хотел закончить свое наизидание божественной формулой: предай предателя! Но обманутый муж опередил меня.

- Я все это и без тебя знаю, - раздраженно сказал он. - Легко изменить тому, кто тебе не изменяет. А ты попробуй изменить тому, кто тебе изменил! Ах, эта проклятая шпротина! Жена теперь меня сожрет за эти пятна. На весь квартал будет орать, что я - пропойца, неряха, негодяй.

Он ушел, унеся с собой свое банальное, общеизвестное, но не ставшее от этого легким неизлечимое горе. Бог не лечит человеческое горе, подумал я, глядя ему вслед. Бог лишь разделяет страдания.

Все суета

Этот случай побудил нас к теоретической дискуссии.

- Старые моральные принципы, - сказал Антипод, - нелепы в применении к нашей реальности. К тому же они были изобретены как принудительные средства держать людей в узде и поддерживались силой страха и наказания.

- Нет никакой морали по принуждению, - возразил я. - Если тебя обязывают быть моральным, и ты поступаешь в соответствии с тем, что тебе предписывают, ты не морален. Ты поступаешь хорошо не в силу морали, а в силу принуждения. Мораль свободна. Мораль - это ограничения, которые берет на себя человек, имеющий свободу выбора в своих действиях. Причем, берет добровольно, без принуждения. Возможно, делает он это, подражая каким-то образцам или будучи научен другими. Но подражание образцам и следование наставлениям учителя не есть принуждение.

- Попробуй, уговори людей быть нравственными только в одном этом отношении - в отношении между мужем и женой, - сказал Антипод, - А ведь они поженились по любви, обещали друг другу хранить верность. Что может удержать их от измены? Только одно: страх разоблачения, осуждения, наказания! Только это, и ничто другое. Причем, заметь, как все происходит. Жена изменяет мужу. Он в отместку изменяет ей с чужой женой. И ты, проповедник морали, сам советуешь это как способ преодоления горя. Таким путем образуется океан измен, ураганы измен. Попробуй, останови этот ураган нравственными закликаниями! Ты просто не знаешь того, как фактически утверждалась в обществе мораль: путем жесточайших расправ с теми, кто нарушал правила морали. В основе морали лежит не свободное решение человека быть хорошим, а насилие, наказание, кровь, кровь и кровь! Мораль без страха наказания за отступления от нее - ничего не значащая пустышка. Только страх наказания, причём - в конечном итоге физического, делает из отвратной твари, именуемой человеком, существо нравственное. Основу самого утонченного изобретения людей, т.е морали образует

самое грубое насилие. Введи закон, по которому неверных супругов следует подвергать позорному наказанию, сразу как миленькие станут. Со временем идеология научится держать их в узде. Разумеется, идеология, подкрепленная средствами наказания. Только вот проблема: стоит ли овчинка выделки? Оправданы ли жестокие меры поддержания морали самими выгодами морального поведения? А может быть всеобщая безнравственность лучше, чем нравственность ценой страха наказания? Возьми этого обманутого мужа! Он теперь познает прелести распутной жизни. Повторяю и настаиваю: идеологии предстоит утверждать в обществе нравственность, а не религии. Религия же обречена иметь дело лишь с самими фактами безнравственности.

Суета сует

Этот человек исповедует принцип непротivления злу насилием. Ребятишки залезли в его сад за яблоками. Он выстрелил в них из ружья дробью. Одному выбил глаза, троих слегка ранил. Его судят, а он не может понять, за что. За него вступился коллектив, поскольку он образцовый работник, ударник коммунистического труда, и ему дали всего два года тюрьмы, причем - условно.

А этот вот - "сопротивленец", т.е. настаивает на том, что надо сопротивляться насилию, давать сдачи. На него напал пьяный хулиган. Хулиган был вдвое слабее его, но избил его.

- Что же Вы не сопротивлялись? - спросил я.

- Я хотел, - сказал он, - да не получилось. Хочу нанести удар, а он выходит какой-то ватный.

Из ран врагов должна б потечь

Кровавая река.

Но занести не в силах мечь

Бессильная рука.

И всяческая суета

Меня пригласили на дачу к знаменитому писателю посмотреть его жену и постараться что-то сделать для нее. У нее обнаружили опухоль. Природа опухоли пока не ясна. Она боится, что рак. Я с первого же взгляда вижу, что ее опасения более чем обоснованы - она обречена. И я уже ничем не могу помочь: слишком поздно ко мне обратились. Я мог бы облегчить ее физические и духовные страдания своим присутствием и беседами. Но ее хотят отправить в Москву в Кремлевскую больницу. Формально это выглядит как проявление

заботы. А фактически это есть стремление избавиться от неизбежных хлопот и от зрелища медленного умирания. Люди откупаются от заботы о ближнем. А между тем именно в этот период жена писателя должна была бы быть окружена заботой, вниманием и любовью в кругу самых близких людей. В наше время черствость по отношению к ближнему и эгоизм принимают порою самые изощренные формы, внешне безупречные, а по существу - омерзительные.

Сам писатель - алкоголик и бабник. Но он - талантливый писатель, так что упомянутые пороки считаются извинительными. Он щедр. Любит веселую компанию. Любит быть "душой общества". Кое-что в этой роли идет от него самого, но в большей мере это - плата гостей за гостеприимство. На даче (как и в городской квартире) писателя всегда полно народу. Это - наша интеллектуальная творческая элита. Жрут. Пьют. Спят кто и с кем попало. Идет своего рода соревнование на пошлость, цинизм, грязь.

У писателя есть сын и дочь. Сын - журналист. Готовит статью, разоблачающую "целителей". Сам хорошо осведомлен о традициях целительства в дореволюционной России, о том, что природа этого явления пока не известна, что фактов вполне достаточно, чтобы отнестись к этому явлению серьезно. Короче говоря, он "на этом деле собаку съел", но у него - задание, сейчас кампания такая начинается, и он обязан разоблачать. Он был уже женат. Развелся. Платит алименты. Разумеется, пьет. Мы с ним проговорили до поздней ночи, осушив несколько бутылок вина и выкурив пару пачек сигарет.

- А в общем, - сказал, - живем мы, старик, так, что лучше об этом и не думать. Живем, и все тут! Раз родились, значит должны жить по общим нормам человеческого свинства. Ах, какие статьи я мог бы писать об этом! Я же знаю всю закулисную жизнь, всю кухню, всю подноготную этого города. Все те разоблачительные книги, какие появились в последние годы, - наивные детские сказочки про Бабу Ягу и Кощея Бессмертного в сравнении с тем, что я мог бы рассказать.

Дочь писателя работает в краеведческом музее. Была замужем. Пьет. Курит. Детей иметь не хочет. Иногда "балует" наркотиками, - сама призналась.

- Ты думаешь, я безнравственная? - сказала она мне. - Ты не знаешь нашей реальной жизни. Познакомился бы с чадами Сусликова, Горбаня, Корицова и прочих наших вождей, ты бы счел меня воплощенной невинностью. Вот возьми мать! Она всю жизнь посвятила отцу. А он?... Ты сам видишь, что он такое. А каков итог ее праведности?

И томление духа

Писатель пишет книгу, в которой хочет обосновать духовное превосходство России над Западом. Обо мне он слышал. Интересуется моей "системой". Если я напишу для его личного пользования кое-что, он заплатит. Поскольку в городе началась новая разоблачительная кампания под видом борьбы с туеядцами, писатель на это время может предоставить мне лежанку в сарае и питание. Я, конечно, сразу же согласился.

Мы с писателем отметили начало моей дачной жизни тем, что осушили бутылочку коньяку, потом бутылку не помню чего, штук десять бутылок пива. До сарая я дополз сам, но вползти в него уже не смог. А сам писатель после этого пошел к соседу по даче и там добавил еще столько, потом полстолька и еще четверть столько. На другой день он мне сказал, что я еще слабак по части выпивки, но что способности у меня есть.

Отоспался я на славу. Позавтракал по-царски, разумеется - с водочкой. Потом писатель отвел меня в свой кабинет, усадил за письменный стол, дал бумагу и ручку.

- Пиши, - сказал он, - но на совесть, искренне. Скажи честно, ты сам-то веришь в то, что Бог существует?

- Для меня, - сказал я, - нет проблемы, существует Бог или нет. Верить в Бога и верить в существование Бога - не одно и то же. Я принимаю принцип: живи так, будто некое высшее существо наблюдает каждый твой шаг и помысел.

Он сказал, что не любит, когда за ним подглядывают. Его жена подглядывает, когда он "спит" с другими бабами, и ему это неприятно. Но он - добрый человек. Ей другого ничего не остается. Пусть хоть посмотрит. Они все-таки тридцать с лишком лет вместе прожили.

Лаптизм

Учение Христа записало несколько человек, причем - они были его ученики или последователи. Я же записываю свое учение сам, причем - для человека, который будет использовать мои записки для своих личных целей, а не для прославления меня. Я называю свое учение по имени создателя иванизмом или, лучше, лаптизмом.

Особенность лаптизма состоит в том, что он дает людям определенное мировоззрение, из которого они сами в зависимости от их индивидуальных обстоятельств и характеров выводят правила практического поведения. Потому, например, в лаптизме нет указаний на то, как дышать, как сгибать и разгибать конечности, как питаться, но если человек усвоит принципы лаптизма, он сам быстро выработает свой режим питания, дыхания и движений, - это

получится как бы само собой. Так, если человек руководствуется принципом, согласно которому следует избегать скоплений людей, порождающих неприятные ощущения и злобу, то он будет стремиться передвигаться в основном пешком, лишь в крайнем случае прибегая к общественному транспорту. Стремление избегать зависимости от технических сооружений и приспособлений само собой будет выражаться в том, что человек будет избегать пользоваться лифтом. Короче говоря, задача лаптизма не обучение множеству мелких приемов поведения, а разъяснение немногих общих принципов жизни, определяющих и оправдывающих практические правила поведения. В конечном счете лаптизм мог бы быть сведен к немногим универсальным принципам, из которых получалось бы все остальное. Но люди редко бывают способны выводить даже очевидные следствия из данных предпосылок.

Другая особенность лаптизма состоит в том, что он рассчитан не на людей, уходящих в себя, думающих только о себе и уклоняющихся от нормальной общественной жизни, а на людей, живущих обычной жизнью в нашем обществе, вынужденных или стремящихся ходить на работу, выполнять служебные обязанности, пользоваться общественным транспортом, стоять в очередях, сидеть на собраниях, заводить семью и друзей, короче говоря - погруженных целиком и полностью в трясину жизни. Один из моих учеников определил эту особенность лаптизма в шуточной форме так: как быть святым без отрыва от греховного производства. Но при этом цель лаптизма - научиться жить в трясине нашего общества так, чтобы она в нашем сознании и в наших переживаниях отошла на задний план, а на первый план выступило бы нечто иное, - наш особый мир со своими критериями оценок и ценностей.

Создание такого мира - во власти человека. Если хочешь жить в раю, создай его для себя сам. Многие так и поступают, изобретая свой рай в меру своих возможностей. Лаптизм есть один из способов для этого. От других способов он отличается тем, что при желании им может овладеть всякий, причем - для создания своего рая при этом не требуется ничего другого, кроме внутренних сил самого человека.

Лаптизм охватывает все аспекты жизни человека. Полный эффект он дает лишь при том условии, что человек выполняет весь комплекс ее рекомендаций. Эффект получается и при выполнении отдельных элементов системы, но меньше и не такой устойчивый. Например, есть особые упражнения для улучшения внешнего вида человека. Но в улучшении внешности участвуют не только эти упражнения, но и другие элементы поведения, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к внешности, в частности - отказ от карьеристических и корыстных устремлений.

Наконец, лаптизм можно излагать и изучать в любом порядке, фрагментарно, с перерывами, в любое время и в любой ситуации, - он принципиально бессистемен. И следовать ему можно так же. Это, подчеркиваю, не от недоработанности учения, а из принципа, ибо

мое учение не имеет целью вырвать человека из его привычного образа жизни, а улучшить его жизнь именно в рамках выпавшего на его долю жизненного пути.

Цель лаптизма - дать человеку средства защиты от отрицательных свойств своего общества, - от злобы, жестокости, равнодушия, цинизма, пошлости... Родился лаптизм на самом дне человеческого общества, - в житейской грязи, в житейской помойке. Он фактически лишь облакает в поэтически-литературную форму то, что люди сами знают и делают и без него.

Душа

Я исхожу из факта существования души и не ишу ему научного объяснения. Это - некоторая данность, осознаваемая некоторыми людьми и очевидная им самим. Если человек замечает в себе наличие души, ему не надо объяснять, что это такое. Если же не замечает, ему не понять, что это такое, при любых объяснениях, подобно тому, как слепому невозможно объяснить световые ощущения, а глухому - звуковые. Душа есть нечто подобное шестому чувству.

Если ты ощутил в себе душу, т.е. испытал озарение, знай, что тебе судьбою дан высший дар из всех мыслимых даров бытия. Обладание им и есть высшее счастье. Береги этот дар, храни его в чистоте, упрочивай и обогащай своей последующей подвижнической жизнью. Не меняй этот дар ни на что иное, ибо мена будет неравной для тебя. Все остальное в сравнении с ним есть прах, есть суета сует. Сделай шаг по пути, к которому зовет тебя необыкновенный дар, и ты сам убедишься в этом.

Некоторые считают это психическим заболеванием. Пусть так. Но это - такое заболевание, которое превышает всякого здоровья.

Я отвергаю душу как некую идеальную и недоступную наблюдению субстанцию, считая ее не менее данной реальностью, чем изучаемые наукой объекты. Душа доступна наблюдению. Ее ощущает сам обладающий ею человек, а для других она проявляется в его поведении. Я также отвергаю душу как нечто отделяемое от тела и способное существовать вне его и независимо от него. Душа есть способность тела, есть состояние тела. Я тем самым хочу изменить сам подход к явлениям духовности, навязанной нам традиционной философией с ее бессмысленным противопоставлением материального и идеального. Я утверждаю, что имеется некая интуитивная, данная в опыте душа. Откуда она взялась - не наше дело. Попытки объяснить ее с некоей исторической точки зрения обречены на провал, ибо при этом не обнаруживается ничего по самим правилам историзма. Эта основа сама есть начало пути, не будучи завершением чего-то иного. Она есть абсолютное начало. Она либо есть, либо ее нет.

Смертна ли душа? Тело смертно, но понятия смерти и бессмертия

лишены смысла в отношении души. Душа не есть нечто переживаемое во времени. Это есть некое бескрайнее и нетекущее состояние. Условно это можно считать установкой на вечность. Душа не ориентирована на время и его окончание.

Мое учение есть учение о душе, о душевном здоровье, о душевном поведении. Оно дает определенный взгляд на душу и все, связанное с нею, а также совокупность определенных правил поведения человека во всех мыслимых жизненно важных ситуациях.

Душевность выражается в поступках людей. Существует душевная оценка поступков людей, отличная от других форм оценки. Она осуществляется в терминах добра и зла. С этой точки зрения душевность можно также рассматривать как способность различать добро и зло, стремление делать добро и препятствовать злу, радоваться добру и печалиться злу.

Состояние души (или душевное состояние человека) не есть дело медицины. Душевные болезни не излечиваются лекарствами. Они излечиваются лишь словом и делом, - словом, воплощенном в деле, или делом, выраженном в слове. С этой точки зрения душа есть единство слова и дела.

Бог

Вопрос о существовании Бога не есть проблема для лаптизма. Бог здесь допускается, но не обязательно существование Бога допускается, хотя это и не исключено. Понятие Бога многосторонне и многозначно. Обозначаемое им существо допускается для различных целей. Что это за существо? Это - существо, варьируемое в широких пределах. Верхняя граница допущения - это абсолютное, существующее вечно и независимо от чего бы то ни было, всемогущее и всеведущее существо. Нижняя граница - допускается лишь мысль о нем. Внутри этих границ - разные степени Бога. Тут, например, в число атрибутов Бога могут быть включены существование, способность все видеть, способность помогать и наказывать. Даже самое слабое допущение Бога полезно для человека. Например, человек уже не ощущает себя абсолютно одиноким. Обращаясь к Богу, человек мобилизует свои внутренние силы для преодоления трудностей. Вера в Бога не обязательно есть вера в его существование. Вера есть определенное душевное состояние человека. Возможна такая ситуация, что человек верит в то, что Кто-то поможет ему в трудную минуту, но не верит в то, что этот Кто-то существует на самом деле. Вера в Бога есть способность человека приводить свою душу, а через нее - и свое тело в состояние, наиболее подходящее для данной обстановки. Вера не нуждается ни в объяснении, ни в подтверждении, ни в обещании, ни в наказании, ни в страхе, - ни в чем. Вера не имеет никаких оснований вообще. Кто-то

выдвинул формулу: верую, ибо это абсурдно! Он был близок к истине, но еще не был в самой истине. Я иду до конца. Я говорю: верую без всяких "ибо".

Форма обращения к Богу

Вы обращаетесь к Кому-то и просите дать силы нести свой крест. Ни в коем случае не просите Его избавить вас от этого креста, - избавить вас от трудностей и сделать ваш путь легким и приятным: все равно вам в этом никто не поможет. Никто. И вам "Кто-то" не поможет тоже. Но сейчас меня интересует другой вопрос: почему надо обращаться к кому-то вне вас, а не сосредоточиваться на самих себе? Вопрос принципиальный. Суть дела тут в том, что мы все-таки европейцы, а не азиаты. Мы - продукт западной, христианской цивилизации, - цивилизации, исходящей из молчаливого допущения в каждом человеке некоей субстанции "Я", которую иногда называют душой (что ошибочно). Мы с вами суть "Я" от рождения и в ряде поколений. Нам нет необходимости сосредоточиваться на себе, производя на время некое подобие "Я" (как это делают на Востоке), - оно в нас и без этого есть. Оно само прет из нас во вне. Нам нужны внешние опоры, дабы образумить свое внутреннее "Я". В обращении к внешнему существу для нас имеются многие преимущества в сравнении с самососредоточением. Например - фактор времени и условия. Для самососредоточения нужна спокойная, сравнительно комфортабельная обстановка и долгие часы времени. Для внешнего обращения бывает достаточно считанных минут. И делать это вы можете в любом месте, в любых условиях. Стоите вы, например, в длинной очереди. Ноги от усталости подкашиваются. Черное отупение и безысходное отчаяние овладевает всем вашим существом. Кажется, больше нет мочи вынести это. Вспомните про ту самую просьбу и произнесите ее про себя раз пять: "Боже, дай мне силы выстоять в этой проклятой очереди до конца!". Уверяю вас, поможет. У вас даже появится чувство юмора к своему в общем-то (с точки зрения мировой истории) комичному состоянию. Или сидите вы на занудном, нескончаемом партийном собрании... Один из моих пациентов - лектор общества "Знание", специалист по антирелигиозной пропаганде - читая свои одуряюще скучные лекции, каждые пять минут твердит (по моему совету): "Боже, дай мне силы дочитать эту галиматью до конца и не свалиться с трибуны!". Молитва действует безотказно вот уже три года подряд.

Атрибуты Бога

Бог обладает такими свойствами, которые мы сами ему приписываем, принимая неявное определение слова "Бог", и которые можно логически вывести из этих дефинитивных свойств. Если мы, например, допускаем Бога как существо, которому становятся известными все наши поступки и помыслы, то Бог согласно этому неявному определению слова "Бог" является всеведущим в отношении нас. Если мы допускаем Бога как существо, карающее за зло и награждающее за добродетель, то Бог обладает именно такими способностями. Люди, как правило, не понимают логическую природу таких операций и принимают Бога как существо, обладающее некоторыми свойствами независимо от самих людей.

Поясно логическую природу языковых выражений, употребляемых в отношении к Богу. Например, говорят: все в воле Божией, все во власти Бога. И понимают эти выражения обычно буквально: будто Бог обладает волей наподобие человека и имеет власть наподобие начальников, генералов, вождей, диктаторов, царей. Бог никого не принуждает к тем или иным поступкам и вообще не имеет власти над людьми и силами природы. Употребляя упомянутые выражения, люди фактически описывают тем самым свое понимание сложившейся ситуации и свое отношение к ней. Это, например, может быть такое положение, когда ход событий не зависит от самих людей, люди бессильны изменить его, отчаялись изменить его в желаемом направлении. При этом они выражают некоторую веру в то и надежду на то, что кто-то все-таки поможет им, что-то изменится в их пользу. И так обстоит дело с прочими случаями.

Из сказанного никак не следует, что сами феномены, обозначаемые такими языковыми выражениями, лишены смысла. С употреблением их связана вера и надежда, которые облегчают людям страдания и мобилизуют их силы на преодоление и переживание трудностей, неприятностей, бедствий. Очевидно, что вера в силы Бога (религиозность) помогает человеку в решении таких и только таких его проблем, решение которых зависит целиком и полностью от самого данного человека. Например, если вас осудили на казнь, лаптизм не поможет вам избежать ее, если вас ведут на казнь. Он может вам помочь лишь мужественно, достойно званя человека встретить ее. А это не так уж мало.

Рассматриваемая вера (лаптизм как религиозность) предполагает, что человек не эксплуатирует при решении своей проблемы других людей, все делает сам. Например, если вам представился случай подsunуть вместо себя для казни другого человека, это будет не лаптистски-религиозное решение вашей проблемы. Лаптизм (религиозность) помогает человеку лишь при условии абсолютной нравственности его поведения при решении его проблемы, - вот что тут главное! Можно обмануть друзей, врагов, коллег,

власть, общество. Но нельзя преднамеренно обмануть самого себя, - имейте это в виду. Можно впасть в самообман. Но это - другое. Самообман - нечто независимое от человека. Преднамеренный обман самого себя означает, что человек отдает себе отчет в своих поступках и знает им цену. Механизм религиозности устроен сам по себе так, что всякое отступление от нравственности убивает его. Ему нужно верить себя с абсолютной искренностью, беззаветно, целиком и полностью. Когда хранители христианской религии говорят, что Бога обмануть нельзя, они в такой форме выражают то, что наш естественный механизм религиозности работает лишь при условии абсолютной искренности и нравственности.

Что такое "Я"

Мы на ничтожно краткое мгновение возникаем к жизни из Небытия и навечно исчезаем в него. И самое поразительное в этом чуде нашего кратковременного Бытия есть наше "Я".

Философы и ученые исходят из допущения, что в людях существует некое природное или социальное "Я", существует объективно, т.е. в том же смысле, в каком существуют горы, моря, планеты, деревья, животные... Не в смысле материального бытия, а именно объективно. Философы и ученые стремятся познать это "Я" по тем же правилам, по каким они стремятся открыть строение атомов, молекул, хромосом. Независимо от них якобы существует "Я", и задача их - изучать его как данность. Они видят задачу свою лишь в том, чтобы познать некоего данного "Человека", "человеческую натуру", "человеческую психологию (или психику)". На самом деле в природе и обществе не существует никакого объективного "Я", ибо "Я" есть то, что каждый из нас изобретает по своей воле и в силу своих способностей. А некое более или менее общее (типичное) "Я" есть лишь результат того, что условия изобретения "Я" у различных людей сходны.

То, что считается психологией (психикой) человека, не открывается как нечто изначально данное, а изобретается. Открывается лишь биология, лишь физиология. Психология есть явление культуры, а не природы. Проблема человеческого "Я" в таком понимании совпадает с проблемой "Как жить?". Как ты живешь, таково и твое "Я". Ты можешь хорошо жить и иметь хорошее "Я". Ты можешь плохо жить и иметь плохое "Я". Но не бывает так, что человек плохо живет, но имеет хорошее "Я", или хорошо живет, но имеет плохое "Я". Ты можешь стремиться иметь хорошее "Я", но не умея достичь его, совершивши ошибки и плохие деяния. И тогда твое "Я" будет уродом с отдельными хорошими чертами. Короче говоря, учение об "Я" есть учение о житии.

А раз законы человеческой психологии (законы "Я") не открываются

в природе, а изобретаются самими людьми, то открывается возможность изобрести такую психологию, чтобы мир выглядел для тебя иначе, распространить ее среди людей (научить людей изобретать в себе такое "Я") и сделать иную жизнь бессмысленной. Если мы не можем изменить обстоятельства, то мы можем изменить самих себя так, что обстоятельства потеряют смысл и окажутся за пределами нашего человеческого бытия, - вот коренная моя идея.

Но чтобы различные общие элементы человеческого "Я" образовали нечто целое в тебе самом и стали твоим индивидуальным (неповторимым) "Я", чтобы ты обрел власть над этим "Я" и смог творить его по своему идеалу, для этого-то и требуется то неуловимое и не определимое по правилам образования понятий начало, которое я именую Душой. Одно дело - осознавать себя в качестве определенного "Я", на что способны все нормальные люди, и другое дело - владеть своим "Я" и творить его, на что способны немногие.

Итак, то, что называют психологией человека, есть явление историческое, а не извечно и на века присущее человеку. Я не хочу этим сказать, что в человеке раньше не происходило ничего похожего на эту "психологию" и не будет происходить потом (уже не происходит для многих сейчас). Я хочу лишь сказать, что в человеке есть нечто такое, что лишь в определенных исторических условиях приняло форму психологии. Это нечто присуще разным людям и в разные времена в различной степени. И в то время, когда оно приняло форму психологии, это происходило не для всех и не одинаково для тех, с кем это происходило. Что из себя представляет это нечто, в каких именно условиях оно приняло форму психологии и в чем заключается эта психологическая его форма, - вот задача для размышлений. Ответьте на эти вопросы, и вы поймете многие явления в современной жизни и культуре, в том числе - увлечение масс людей спортивными зрелищами, джазовой музыкой, приключенческой и детективной литературой, порнографией. В том числе вы поймете и феномен массовых репрессий и убийств недавнего прошлого, бесчисленные случаи терроризма и насилия наших дней.

То, что наука свалила в одну кучу и рассматривает как некую психологию, следует расчленить по крайней мере на такие элементы: 1) социальный расчет и связанные с ним переживания (желание успеха, ожидание результата, страх потери, зависть и прочее); 2) условия, в рамках которых указанное в первом пункте переживается в системе социальных запретов и ограничений (т.е. в условиях действия религии, морали, общественного мнения, правового самосознания). Субъективное переживание всего того, что связано с социальным расчетом, в условиях табу, изобретенных цивилизацией, и породило то, что стало восприниматься как некая от природы присущая людям психология. В нашем обществе рухнули все табу цивилизации. В результате вообще исчезла человеческая

психология в строгом смысле слова, осталось лишь физиологическое переживание ситуаций социального расчета. Так что задача состоит не столько в том, чтобы изменить психологию людей, сколько в том, чтобы изобрести ограничения, в которых она может возникнуть.

- Во всем, - говорит Антипод, - есть свои объективные закономерности. Даже в исключениях - есть законы исключений и законы, по которым они случаются. Даже в хаосе есть объективные законы. Возьми большое число явлений и определи, что ты будешь называть хаотическим состоянием для них. И я тебе докажу, что нужно следовать определенным законам, чтобы такое хаотическое состояние получить. Есть всеобщие законы, которые распространяются и на явления человеческой жизни, в том числе - на психологические и духовные. Вот тебе несколько примеров. Если один человек причиняет зло другому человеку (например, обманывает его), то по закону психологической самозащиты он вырабатывает в себе негативные эмоции по отношению к своей жертве, ищет дефекты в ее поведении, чтобы обвинить жертву и оправдать себя. Если человеку причинил зло другой человек, то, чтобы обегчить свои страдания, он стремится отплатить этому другому человеку той же монетой. Хватит?

- Хватит, - говорю я. - Но ты уверен в том, что эти твои "объективные законы" не являются изобретениями человека? Действуют ли они в животном мире?

- Есть факты, - отвечает он, - которые...

- Верно, - соглашаюсь я, - но ведь и современные культурные растения выведены человеком из диких видов, что не отвергает того, что они изобретены людьми. То же с законами психологии. К тому все изобретенное человеком тоже объективно. Ты просто переводишь разговор в другой план, а не опровергаешь мои утверждения.

- Пойми, - говорит он, - в реальном человеке одновременно сочетается все. Он любит, ненавидит, любя. Предает, давая клятву верности. Отзывчив и непроницаем в том же самом чувстве. Способен на самопожертвование, но способен и на жертвование другими. Подл и благороден...

- Но что делает людей хорошими или плохими, подлыми или благородными, добрыми или злыми? - спрашиваю я. - Не идеология же. Идеология как раз оправдывает и развивает в людях эту гибкость, как ты сам выражаешься.

- Верно, - говорит он, - в мире все усложняется. Усложняется и духовный мир человека. Лишь идеология способна упорядочить внутренний сложный и хаотичный мир человека.

- Усложняется внешний мир человека, - говорю я, - его взаимоотношения с людьми. Но внутренне человек опустошается. Он избавляется от сложных внутренних механизмов духовности, дабы лучше эксплуатировать свою социальную среду.

И в таком духе мы спорим часами, не приходя ни к какому соглашению и ни к какой ясности. Совершенно неожиданно меня поддержал Писатель.

Мысль Писателя

- Я перечитываю Толстого, - говорит Писатель. - Удивительное дело: старый мужчина очень тонко и точно описывает психологию молоденькой девочки, зрелой светской женщины, проститутки. А секрет-то прост: никакой принципиальной разницы между молоденькой девочкой, светской дамой, проституткой и старым мужчиной нет. Люди все в общем и целом одинаковы. По крайней мере потенциально. Различия есть, конечно. Но не они определяют их психологию, вернее - они влияют на психологию, но не непосредственно. Эти различия влияют на те социальные роли, которые навязываются людям или которые избираются людьми. И вот эти роли определяют психологию. Каждому типу роли соответствует свой тип психологии. Так называемые гениальные писатели чаще бессознательно и редко сознательно описывают именно логически возможные социальные роли, описывая психологию, соответствующую им. Описание психологии становится литературным приемом описания социальной роли, которую в принципе может сыграть любой человек, если отвлечься от его физических особенностей. Вот почему "гениальный" писатель способен "реинкарнировать" во что угодно, - в грудного младенца, в лошадь, в собаку, в проститутку, в солдата, в клопа.

Мечта и реальность

Разговариваю с дочерью Писателя, а мечтаю о Богине. Вторая - светлая мечта, первая - мрачная реальность. Намерения Дочери в отношении меня не оставляют сомнений. И я сам, кажется, готов упасть в эту яму, - воплощением добродетели по законам реальной жизни становится порок. Антипод, выходит, прав.

Дочь - существо образованное и утонченно интеллигентное. Начинает она свою атаку на меня издалека. Она задала мне тот же вопрос, что и отец. Я ответил так же. И ее реакция была такой же: "Не люблю, когда подглядывают за мной, - сказала она. - Выходит, твой Бог будет подглядывать, что я делаю в постели? И на работе тоже? Избави Боже! Тогда житья не будет."

Хаос мыслей

Но ведь можно рассуждать и так. Психологи объясняют конфликты в группах некоей психологической несовместимостью. Но такого явления просто не существует. Подберите самых казалось бы психологически совместимых людей и наблюдайте за ними:

конфликты все равно возникнут. Ибо дело не в психологии, а в социологии, вернее - в социальной психологии. Уже в группе из двух человек действуют социальные законы. Причем, в силу недостаточности людей для нормального коллектива, эти законы могут сработать особенно остро. Тут порою самые различные социальные отношения спрессовываются в одно, и люди сами не отдают отчета в том, что творят. Между прочим, требуется достаточно большое число людей в коллективе, чтобы можно было осуществить "психологическую" совместимость хотя бы двух индивидов. Увеличение размеров группы необходимо для решения социально-психологических проблем. Но это увеличение группы порождает чисто социальные явления (сложная структура группы, разделение функций, неравенство), - неопровержимый показатель того, что социальная психология есть лишь "спрессованная" социальность.

А что такое "социальность"? Почему люди не властны над своими же социальными законами? Да потому, что это - такие правила поведения и переживания людей, которые обеспечивают им наилучшее приспособление к социальным условиям существования, без соблюдения которых людям хуже, плохо или они погибают совсем. Люди стремятся сами соблюдать эти правила. Эти законы неподвластны людям лишь постольку, поскольку люди не хотят над ними властвовать, хотят, наоборот, подчиняться им. Таким образом, круг замыкается, и сама социальность находит основу в своих, казалось бы, следствиях.

Человеческое

В психологии масс людей есть нечто, неподвластное их воле, и есть нечто, исходящее из самих людей - из их воли и сознания. Тут человек свободен выбирать и принимать решения. Человеческие проблемы суть проблемы в рамках свободы выбора и свободы решений. Надо установить, в чем мы свободны и в чем нет. За рамками нашей свободы лежат проблемы биологические, социальные, политические и прочие. Таким образом, установив рамки нашей свободы, мы установим, в чем именно мы суть люди, а не просто социо-биологические существа. И в этих рамках мы должны искать решение волнующих нас проблем.

Есть общезначимые предпосылки для рассуждений на эту тему. Вот, к примеру, некоторые из них. Число человеческих проблем ограничено и не очень-то велико. Их можно все пересчитать. Причем, это число, а также степень важности проблем, не зависит от того, состоит общество из двух, десяти, ста или нескольких сот миллионов человек. Причем, эта независимость сохраняется в определенных пределах. Если число людей в обществе превысит некоторый

максимум или снизится ниже некоторого минимума, человеческие проблемы немедленно исчезают и их место занимают проблемы иного рода, - биологические или механико-социологические.

Число и тип личностей в обществе ограничены числом и типом упомянутых проблем. Оно одинаково для общества в десять миллионов и в миллиард. Увеличение числа людей снижает ценность отдельного человека, но не увеличивает число различных типов личностей и их значительность. По крайней мере не увеличивает. А возможно и сокращает. Мир знает множество примеров, когда главы великих держав являются ничтожествами, а культура этих держав представлена пигмеями. Прогресс науки, техники, медицины и прочих явлений цивилизации не влияет существенным образом на прогресс отношений человека к себе, к другим людям, к обществу. Человек в массе имеет дело с продуктами современного общества (автомашинами, самолетами, холодильниками, телевизорами и т.п.) как с естественной средой бытия.

Масштабы человеческих проблем не зависят от внешних качеств людей. Низкорослые страдают и радуются так же, как высокие. Трагедия любви одинакова как для Отелло и Деждемоны, так и для Ваньки и Катьки с соседнего двора, - Ванька убил Катьку из ревности обыкновенной отверткой.

Что это за человеческие проблемы, конкретнее говоря? Это - проблемы средств самозащиты людей от самих себя, от других людей, от групп и организаций, причем - в рамках свободы человеческих поступков. А средства самозащиты зависят от того, от кого и от чего надо защищаться. Взгляните на себя! Поразитесь тому, какие опасные и отвратительные чудовища вы суть на самом деле, причем - без принуждения, а по доброй воле и по желанию. Признайтесь себе в этом и подумайте о самообороне. И знайте: ничто и никто не способен защитить человека от человека, кроме самого человека. Пока ты сам не примешь решения обуздать сидящую в тебе самом гнусную тварь, не ищи вокруг себя ангелов.

О смысле жизни

Сколько было сказано слов о смысле жизни! И все они лишены какого бы то ни было смысла. Почему? По очень простой причине: многие говорили о смысле жизни, но никто не определял само понятие "смысл жизни". А как можно исследовать обозначаемое данным выражением явление, если не известно, что именно обозначает это выражение?! Как можно рассуждать о смысле жизни, если рассуждающие не знают, каков смысл самого выражения "смысл жизни", что именно обозначает это выражение?!

Подчеркиваю: чтобы разрешить некую проблему смысла жизни, надо сначала установить смысл (значение) самого выражения "смысл

жизни". И тогда может быть отпадет сама проблема как банальная или пустая. А может быть окажется неразрешимой. Кто знает? Вот и займемся сначала выяснением смысла выражения "смысл жизни". Вот предпосылки для этого. Имеется в виду жизнь человека. А жизнь человека есть совокупность действий или поступков, которые он совершает в то или иное время и в той или иной области пространства. А всякое действие (поступок) характеризуется определенными результатами, последствиями, целями, желаниями, мотивами, причинами. Вот по этим свойствам действий людей люди сами приписывают человеческой жизни определенную ценность, дают ей определенную оценку. Исторически в каждой человеческой общности вырабатываются более или менее определенные критерии такой оценки человеческой жизни, критерии приписывания ей той или иной ценности. Эти критерии в той или иной мере и форме сообщаются новым поколениям в процессе их воспитания и образования. Происходит это как сложный исторический процесс, с конфликтами, с крушениями, переворотами. Но общество все же тяготеет к выработке более или менее устойчивых критериев оценки человеческой жизни. И такие критерии принимаются людьми во внимание заранее, еще в начале жизненного пути, во всяком случае - еще до того, как жизнь закончена, и еще есть какой-то резерв сил и времени. Выражение "смысл жизни" и обозначает это отношение людей к их собственной жизни и к жизни других людей, оценку человеческой жизни по некоторым общественно значимым критериям.

Проблема смысла жизни не есть нечто однозначное. Есть индивидуальная проблема оценки человеком своей собственной жизни и намерений. И есть общая проблема, - проблема критериев оценки и отношения к ним, отрицания или принятия их, замены одних критериев другими. Несмотря на огромное число различных случаев возникновения и решения таких проблем, все они имеют некоторые общие основания. Вот в отыскании и описании этих оснований и скрыта суть дела, которая так или иначе волнует людей, но о которой они не хотят или не могут по тем или иным причинам говорить откровенно.

Что же это за основания? Есть общеизвестные и общечеловеческие жизненные блага, - средства и условия существования, средства развлечения, здоровья, защиты, есть гарантии всего этого. Стремление людей к лучшим условиям и способам существования, стремление занять в обществе наилучшее положение для этого, - в массе людей это нормальное явление, это есть условие человеческой жизни вообще. Но есть также общественно значимые способы, какими люди добывают жизненные блага в общественной среде, какими они приобретают для себя доступный по их силам, способностям и положению кусок этих благ. Эта опосредованность отношения людей к жизненным благам способом их добывания и порождает проблемы, над которыми ломает голову и страдает

столько людей. Для них этот посредник приобретает самодовлеющее значение, становится доминирующим, затемняет собою то, что он опосредует. Потому и получается так, что, например, музыка и сочинение стихов субъективно становятся самоцелью для отдельных людей, хотя объективно они суть лишь средства добывания жизненных благ и занятия наивыгоднейшей жизненной позиции. Если бы ковыряние в носу приобрело такую же престижную ценность, как игра в шахматы, игра на скрипке или занятие теоретической физикой, то и тут появились бы индивиды, считающие делом своей жизни развитие техники ковыряния в носу и предающиеся этой творческой деятельности с самозабвением.

Перед человеком открываются два пути, практически решающие его проблему смысла жизни: либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы. Есть разные способы уклонения. Не все они равноценны. Наибольшее значение имеют такие, которые приносят удовлетворение и дают оправдание вашему уклонению от борьбы. К их числу относится учение, которое я проповедаю вам.

Мечта и реальность

Я не мог уснуть. Тосковал о моей Богине. Говорил ей вслух прекрасные слова. Я умолял ее явиться мне хотя бы во сне.

- Я здесь наяву, - услышал я голос Дочери. - Подвинься!

И я забыл про Богиню.

Тела, как смертные враги,

Сцепились в иступленье.

И кажется ночной угар

Как клятвопреступленье.

Отношение к жизни

Главное в жизни - не воспоминание о прошлом и не ожидание будущего, а данная минута, - актуальное ощущение жизни в данный момент. Прошлое есть лишь постольку, поскольку есть данный момент. Будущее есть лишь воображаемое настоящее и применение к себе чужого жизненного опыта. Живи сейчас, каждую данную минуту. Учись ценить настоящее. Почаще вспоминай о том, что ты живешь именно в эту минуту. Вспомнив о том, что ты сейчас жив, удивись самому факту жизни, оглянись вокруг и удивись чуду бытия. Это очень просто: опомнись вдруг, скажи себе, что ты - жив, и что это - чудо, что ты - человек, а не червяк, что ты осознаешь свое "я". Чем

чаще ты это будешь делать, тем длиннее будет твоя жизнь. Чем дольше ты будешь удерживать в себе это состояние осознания факта жизни и удивлению бытию, тем глубже и богаче будет твоя жизнь. Длина ощущения жизни зависит не от количества прожитых лет, а от доли продолжительности моментов ощущения настоящего в физической протяженности времени. Богатство ощущения жизни зависит не от обилия и разнообразия событий, а от силы моментов переживания любого настоящего момента жизни, и в том числе - бессобытийного. Но такому отношению к жизни надо учиться. Его надо постоянно поддерживать в себе, нужно постоянно тренироваться в нем. Такое отношение к жизни есть признак высокого развития духовности (или душевности) человека, а все высокоорганизованное нуждается в усилении и заботе. Наполнение жизни внешними событиями, воспоминания прошлого и планы на будущее суть показатели низкого уровня организации духовности человека. Это все входит в людей само собой, без усилий. Не нужно проявлять никакую заботу, чтобы сберечь это. Это есть естественное падение вниз, тогда как отношение к жизни, о котором я говорил вначале, есть карабканье вверх, есть стремление к полету. Оно труднее. Но и награда за него выше.

О материальном благополучии

Я отвергаю стремление к материальному благополучию, но я не настаиваю на отказе от него. Современное общество в изобилии рождает соблазны. Но оно одновременно создает возможности довольствоваться малым. Оно создает возможность иметь все, не имея ничего.

Лучше не иметь, чем терять. Надо суметь жизнь построить так, чтобы иметь, не имея. Значит, надо установить, обладание чем означает одновременно отсутствие его. Надо установить, в чем можно свести потребности к минимуму и в чем развить до максимума. Причем, с минимальными затратами и максимальным успехом. Учись терять. Учись оправдывать свою потерю и находить ей компенсацию. Не приобретай того, без чего можно обойтись.

Этот раздел моего учения пользуется особым успехом, ибо я излагаю его не в общей форме, а на конкретных фактах жизни людей, с которыми я имею дело. Этот раздел очень практичен. Я хожу со своими учениками по магазинам и учу их самым обычным вещам. Человек, например, хочет купить шкаф за двести рублей. Я его убеждаю купить за сто. Причем человек сам убеждается, что более дешевый шкаф красивее выглядит в его квартире и удобнее в эксплуатации. Я советую покупать одни книги и не покупать другие, смотреть одни фильмы и не смотреть другие. Я учу, как очищать от ненужного хлама жилища от старой ненужной мебели, неносимой

одежды, нечитаемых книг. Я учу, как минимизировать свой гардероб, как дешевле всего и здоровее всего питаться в наших условиях. Однажды у меня даже образовалась целая группа из двадцати домашних хозяек, и я им преподавал двухнедельный курс наиболее разумного домоводства в наших условиях. Об этой группе узнали власти. Группу запретили, а курсы домоводства создали официально при нескольких клубах. Но они не имели успеха и вскоре перестали существовать. Со мной встретился человек, руководивший этим делом. Пытался узнать мои "секреты". Я сказал ему, что секрет очень прост: моя система домоводства есть лишь кусочек моей общей системы жития.

- Ясно, - сказал сей чиновник. - Вы опасный человек!

О славе

Тот памятник при жизни требует по чину,

А я, наоборот, вступаю с этим в спор.

Дорогу новому почину

Я предлагаю с неких пор.

Я так живу, чтобы когда закрою веки,

Осталось все, как будто я не жил.

Пусть в память людям врежется навеки

Тот факт, что я забвенью заслужил.

Об успехе

- Всякий успех в делах, - сказал Екклезиаст, - производит взаимную между людьми зависть.

Еще о благополучии

Я не против сытости и благополучия. Я - за. Но я знаю, что для массы людей это достижимо лишь на короткое время. А когда это становится привычным образом жизни, то наступает деградация человека в качестве Человека. Сытость - величайшая опасность для человечества. Постоянная сытость есть пресыщение. Человек должен иногда насыщаться, но не быть постоянно в состоянии сытости. Сытость (благополучие вообще) должна быть праздником для человека.

То же самое имеет силу для страны в целом. Не постоянное благополучие, а периоды трудностей, сменяемые короткими

периодами благополучия, - вот нормальное состояние общества.
Сытый человек - страшное существо, а пресытившийся - кошмарное.

Мечта и реальность

Теперь мои ночи делятся на две части: первые пять минут я думаю о Богине, вторые семь часов окунаюсь в любовный кошмар с Дочерью. В перерывах мы ведем умные разговоры.

- Ладно, - говорит она, - пусть я стану добродетельной. А какая награда за это?

- Добродетель, - говорю я, - сама по себе есть награда за себя.

- Чушь, - говорит она, - награда за что-то всегда должна отличаться от того, за что ее дают. Подай лучше бутылку!...

- Ладно, - говорит она в следующем перерыве, - пусть я порочна. Но мои пороки всеобща. Формально я - хороший работник, примерная комсомолка. В партию вступать буду. Кто и как меня накажет за мои пороки?

- Порок, - говорю я, - сам по себе есть наказание за самого себя.

- Чушь, - говорит она, - наказание за что-то всегда есть нечто, отличное от того, за что следует наказывать. Подай лучше бутылку!...

- Главное, - говорит она, - получать от всего удовольствие.

- Чушь, - говорю я. - Период удовольствия краток. Разочарование после него продолжительно. И знай: кто может наслаждаться без Него?! Это не мои слова, а Екклезиаста.

- Кто он? - спросила она.

- Ты имеешь в виду Екклезиаста? - переспросил я.

- Нет, - сказала она, - я имею в виду именно Его.

Я не ответил на ее коренной вопрос: я забыл, кто Он.

Удовольствия

Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Она подобна алкоголизму и наркомании. Если человек встал на этот путь и прошел по нему хотя бы небольшой отрезок, излечить его практически уже невозможно. Причем, в наше время это стремление принимает уродливые, извращенные формы - людям навязывается в качестве наслаждения то, что противоречит их натуре, т.е. ложное наслаждение. Это - мощное средство манипулирования людьми. Сумей устоять против этой эпидемии, и ты поймешь, в чем состоит истинное наслаждение жизнью, - в самом факте жизни. А для этого нужна простота, ясность, умеренность, душевное здоровье, короче говоря - самые простые, но

теперь самые труднодоступные феномены жизни. Для подавляющего большинства нашего населения убогий быт и дефицит всего того, что приносит удовольствия, даны на века. Надо думать о том, как к этому приспособиться, чем это компенсировать. Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, - развить религиозное отношение к реальности, развить духовный мир и культуру духовного общения. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Счастье есть плата за самоограничение, есть результат самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое "я" в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой.

Ты и другие

Сохраняй личное достоинство. Держи людей на дистанции. Сохраняй независимость поведения. Относись ко всем с уважением. Будь терпим к чужим убеждениям и слабостям. Не унижайся, не хольуйствуй, не подхалимничай, чего бы это ни стоило. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение. Воздай каждому должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Не возвеличивай ничтожество. С карьеристами, интриганам, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Из общества плохих людей уйди. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если не спрашивают, не отвечай. Не отвечай больше того, что спрашивают. Не привлекай к себе внимание. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Не заводи слишком интимных отношений с людьми. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай. Не хитри. Не интригуй. Не поучай. Не злорадствуй. В борьбе предоставь противнику все преимущества. Не насилуй других. Насилие над другими не есть признак воли. Лишь насиле над собой есть воля. Но не позволяй другим насиловать тебя. Спротивляйся превосходящей силе любыми доступными средствами. Вيني во всем себя. Если у тебя выросли жестокосердные дети, - ты воспитал их такими. Если тебя предал друг, - ты виноват, что доверился ему. Если тебе изменила жена, - ты виноват, что дал ей возможность измены. Если тебя угнетает власть, - ты виноват, что

внес свою долю в ее мощь.

Не действуй от имени и во имя других. Думай о последствиях своих действий для других, - ты за них (за последствия) в ответе. Благие намерения не оправдывают плохие последствия твоих действий, хорошие последствия не оправдывают дурные намерения.

Тело съедают незримые бактерии. Душу съедают мелкие заботы и переживания. Не допускай, чтобы мелочи жизни овладели твоей душой.

Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно, - такой "объективной" оценки вообще нет. То, что мы считаем объективной оценкой, есть то, как нам самим хотелось бы, чтобы люди оценили наши поступки. Мотивы твоих поступков не совпадают с тем, какие мотивы припишут им другие. Твои мотивы сами меняются со временем, а часто многосторонни и противоречивы. Ты сам невольно ищешь подходящие обоснования своим поступкам и даже оправдания их. Люди смотрят на твое поведение с точки зрения своих интересов и в системе своего миропонимания. Люди различны. Один и тот же поступок есть зло для одних и добро для других. Более того, при оценке поступков людей даже истина фактов достижима лишь иногда и лишь частично. Ты живешь, непонятый другими, и умрешь непонятым. Это - общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живет достойно человека. Смерть и забвение исправляют все "несправедливости" в этом отношении. Добавь ко всему прочему умышленную ложь и клевету, а также стремление людей идеализировать избранные личности. Помни: ты есть единственный и высший "объективный" судья своего поведения, ибо оно есть твое поведение, и ты волен судить его по своему усмотрению.

Об обмане

"Ври, да знай меру", гласит народная мудрость. "Не пойман - не вор". Все это верно. Но человеческую душу разрушают не столько явные, сколько тайные и скрытые проступки. "Все тайное становится явным" - это не следует понимать буквально. Это надо понимать: тайное зло так или иначе, рано или поздно отплатит за себя. Поступки, в которых не раскаиваются, убивают душу. Не случайно люди в свое время выдумали исповедь и покаяние. Конечно, можно прожить и без этого. Но качество жизни будет иное. Где лучше купаться - в чистом и ясном источнике или в грязной и вонючей луже? Верно, кое-кто предпочитает второе. Свиньи, например.

Мечта и реальность

На сей раз мы обсуждали достоинства и недостатки моногамии и промискуитета (полигамии). Она сказала, что пару раз принимала участие в групповом сексе, и предложила мне принять участие в таком деле вместе с ней.

- А почему ты сейчас туда не ходишь? - спросил я.

- Очень уж противно, - сказала она. - Хочется любить одного. Хочется быть любимой кем-то и быть для него единственной, неповторимой, незаменимой, - Богиней для него хочется быть. Хочешь, я буду твоей Богиней?

- Это место уже занято, - ответил я.

- У тебя в городе любовница? - спросила она.

- Нет, - сказал я, - Богиня не может быть любовницей, а любовница не может быть Богиней. Я с ней ни разу не разговаривал даже.

- Как это ску-у-учно! - сказала она. - Подай лучше бутылку! А то от тоски повеситься можно.

Отношение к врагу

Тебя в лицо ударил враг?

Не трать в сомнение время даром.

Ответь ему двойным ударом.

Иначе будешь сам дурак.

Так было сказано в "Евангелии для Ивана" об отношении к врагу. Но этот постулат не выражает всего богатства лаптизма в этом отношении. Вот некоторые его другие аспекты.

- Возлюби врага своего, - учил Христос.

- Цени врага своего, - говорю я, ибо с исчезновением врага твоего наступает душевная пустота. Твоя победа над врагом есть и твое поражение. Цени минуту, когда у тебя есть враг и когда он еще не способен победить тебя или ты его. Если у тебя есть враг, ты есть хотя бы немного человек, личность. Чем больше врагов у тебя, тем крупнее ты как личность. Если у тебя нет врагов, ты - ничто. Но... презирай врагов своих. Делай вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их, - они не достойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их, - этого они тем более недостойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами? А гнилостные бактерии и черви?... А они ведь уничтожают тебя! Отнесись к врагам как к комарам и мухам, как к гнилостным бактериям и могильным червям.

Ты и общество

Будь добросовестным работником. Будь во всем профессионалом. Будь на высоте культуры своего времени. Это дает какую-то защиту и внутреннее ощущение правоты. Что касается прочих объединений и коллективных действий - уклоняйся. Не вступай в партии, секты, союзы. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям. Если участие в них неизбежно, участвуй в них как автономная единица, не поддавайся настроениям и идеологии толпы, действуй в силу личных убеждений. Делай это как свое личное дело, а не как дело других.

И одновременно я проповедую идеи, которые для примера уже приводил в "Евангелии". Как это совместить? Оказывается, можно. Я лично был хорошим учеником, хорошим студентом, хорошим специалистом. Меня выгнали с работы за другое. Я и в качестве шарлатана (т.е. Учителя Праведности и Бога) стараюсь быть добросовестным. Важно не то, как ты трудишься, а то, как ты относишься к своему труду.

Ты и власть

Не совершай ничего противозаконного. Не участвуй во власти. Не участвуй в спектаклях власти. Игнорируй все официальное. Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но и не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть.

Ты и идеология

Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее.

Братство и организация

Не к единению тел, а единению душ призываю я. Душа человека не может долго существовать вне единства многих душ. Душа с этой точки зрения есть форма коллективного восприятия мира и коллективное сопереживание. Но единение единению рознь. Есть организация людей. И есть братство.

В нашем обществе всякая организация людей в группы дает социальные учреждения со всеми их атрибутами. Церковная организация в том числе. Моя религия есть средство защиты от сил социальности. Она отвергает организацию. Она признает лишь

единство, или братство людей, думающих, чувствующих и поступающих одинаково. Это - религия одиночек, рассеянных в нормальном обществе, но не образующих своего общества.

Знать или понимать

"Во многой мудрости много печали, - говорил царь и сын царя Екклезиаст. - Кто умножает познания, умножает скорбь."

"Много будешь знать - скоро состаришься", гласит старая поговорка. А наше советское время добавляет: "... а неученых - тьма".

Прав был Екклезиаст. Правы были наши темные и невежественные деды. Чрезмерное знание порождает заблуждение, умственный хаос и в конечном счете опустошение. Часто лучше не знать, чем знать. Лучше учиться понимать, чем копить знания. Знать надо необходимый минимум, понимать же надо максимально много. Знание пассивно. Понимание активно. Знание - то, что добыто другими. Понимание - то, что ты добываешь сам. Знание есть обладание, понимание - созидание. Понимание есть способность приобретать знания в случае надобности и освобождать голову от них после использования их.

О старости

Я еще молод и еще не испытал, что такое старость. Но я отвергаю старость как состояние души. Лаптизм учит, как сохранить молодость души до самой последней секунды жизни. Что касается биологической старости, то можно жизнь построить так, что старение придет как нечто естественное, не вызывая ужаса старости и смерти. Для этого лаптизм имеет целую систему технических приемов тренировки.

О продолжительности жизни

Долгая жизнь имеет смысл лишь при том условии, что она переживается как долгая. Для этого нужно иметь память и воображение, а значит - большой мозг. Наш мозг рассчитан на то, чтобы 70 - 80 лет переживались как максимально долгая жизнь. А дольше уже безразлично. Даже наоборот, происходит сокращение субъективного ощущения долготы жизни. Чтобы ощущать 200 лет жизни именно как 200 лет, нужен мозг раз в 10 больше нашего. А

чтобы жить 1000 лет и переживать их именно как 1000 лет, нужен мозг размером с нашу планету.

Кроме того, чтобы продлить жизнь людей в среднем за 100 лет в условиях нашей цивилизации, нужно значительно увеличить мозг (контролировать процессы) в организме. Так что упомянутые величины надо еще умножить.

Проблема решается просто: надо продлить ощущение жизни, а не биологическое ее существование.

Быть и слыть

Нет проблемы "Как быть красивым?". Есть проблема "Как не чувствовать себя некрасивым и как не выглядеть некрасивым для других?". Нет абсолютного совершенства, т.е. совершенства без недостатков. Чем совершеннее, тем мертвее. Живое совершенство невозможно без недостатков. Я не могу смотреть на лица без морщин и прыщей. Лишь морщины и прыщи, распухшие суставы и выпавшие зубы суть признаки живого совершенства. Только Душа есть совершенство без морщин и прыщей, без распухших суставов и гнилых зубов.

О болезнях

Не болей. Лечись сам. Помни: геморрой есть болезнь богов и заведующих. Старость есть капитуляция. Хочешь вечно жить, сопротивляйся старости. Если хочешь сохранить молодым свое тело, позаботься о молодости духа. Вечная молодость есть не возраст, а состояние духа.

Эта часть моей системы пользуется, пожалуй, наибольшим успехом. Все хотят быть молодыми, здоровыми и красивыми. Но мало кто понимает, что абстрактная часть моего учения есть абсолютно необходимое условие для этого, ибо лишь она настраивает твое "я" на определенное отношение ко всему. Прочее же есть лишь тренировка в реализации абстрактного. И все же положительные последствия тех тренировок, которым я обучал моих пациентов, сказываются очень быстро. Это вызывает бешеную злобу у моих конкурентов.

Одиночество

“Человек одинокий, - сказал Екклезиаст, - и другого нет”. Екклезиаст прав, но... Но... Хотя я еще молод, я в этом деле одиночества опытный специалист. Быть одиноким - моя судьба и мое призвание. Но бороться против одиночества есть тоже мое призвание. Но не судьба, к сожалению.

В одиночестве есть свои плюсы и свои минусы. Но не в них дело. Суть одиночества в другом. Твой жизненный путь протекает так, что ты лишь внешне и случайно соприкасаешься с другими людьми, причем - без взаимного проникновения душ. Это - самое мучительное состояние человека. Можно вынести любые страдания, кроме одиночества. Одиночество - главная причина смерти. И выход из одиночества есть лишь смерть. Для обычных людей - самоубийство есть хорошее средство. Для богов же - лишь путь на Голгофу. Христос мог избежать Голгофы. Но он не стал уклоняться от нее, - он был одинок, и он понимал, что иного выхода из одиночества у него не было.

Против одиночества нет лекарств и нет упражнений, как преодолеть его.

От одиночества нет спасения.

Бог одинок. Ужас его положения - он бессмертен.

Снова об одиночестве

Хотя наше общество коллективистское, проблема одиночества и для нас актуальна. Есть много людей, страдающих от одиночества всю жизнь, и еще больше - с годами, особенно - в старости. Есть много причин для этого, среди них - причины природные (человек рождается с такими задатками), но и социальные имеют силу (например, выпадение человека из коллектива, противопоставление человека окружению).

Считается, что проблема одиночества - чисто западная. Это на Западе, мол, трудно проникнуть в души других людей. А у нас, мол, наоборот, трудно защититься от вторжения других людей в твою душу. Конечно, доля истины в этом есть. Но различие тут не абсолютно. Различие лишь в пропорциях. У нас доминирует коллективизм и вмешательство сограждан в души друг друга (“душевная открытость”). Но - лишь доминирует как норма, как обыденность. Если даже рассматривать состояние одиночества как болезнь, то надо констатировать, что болезнь эта встречается очень часто. Я знаю это по опыту. Чуть ли не половина моих пациентов жалуется на одиночество, особенно - женщины. Причем, обычно это женщины средних лет, образованные. Иногда - довольно привлекательные. Странно, не правда ли? Но есть такое явление, как

ощущение неадекватности внешнего положения человека его самосознанию и внутренним возможностям.

Есть разные формы одиночества. Прежде всего я выделяю вынужденное одиночество. В этом случае изменение обстоятельств жизни избавляет и от одиночества. Пример такого одиночества - человек попадает в неадекватную среду. Я был направлен на работу в глушь вместе с другим выпускником института. Он страдал там от одиночества так сильно, что хотел повеситься. Но потом ему удалось перевестись в областной город, и состояние одиночества исчезло. От вынужденного одиночества я не лечу, - оно банально. Оно во власти людей, а не Бога. Гораздо более серьезным является другая форма одиночества. Это - состояние, когда человек окружен людьми, ни от кого не отделен, свободен в выборе знакомств, но при этом не имеет близких себе людей. Это - одиночество человека в любом коллективе, среди людей. Такое одиночество ужасно. Человек постоянно живет в состоянии обреченности, в ожидании конца. Никакой надежды, никакого просвета. Часто такие люди кончают жизнь самоубийством. Один из моих пациентов говорил мне, что за один день жизни без ощущения одиночества он готов отдать всю оставшуюся часть жизни.

Антипод утверждает, что единственный способ преодолеть такое одиночество - это разделить судьбу людей, участвовать в их хлопотах и заботах, причем - не формально, а от души. Иначе говоря, стать нормальным членом какого-то коллектива и постепенно выработать коллективистское самосознание. Он прав. Но это - абстрактное теоретическое утверждение, а не практический совет конкретным, живым людям, страдающим от одиночества даже в таких ситуациях, когда они являются нормальными членами коллектива. Моя система жизни содержит правила, как избежать состояния одиночества со временем, - как жить, чтобы не оказаться со временем одиноким. Это - профилактика от одиночества, точнее - подготовка к одиночеству как к неизбежному итогу жизни. Лаптизм учит, как встретить одиночество во всеоружии, - как норму, как неизбежное, как состояние, имеющее свои неоспоримые достоинства: независимость, беззаботность, созерцательность, презрение к потерям, готовность к смерти.

Проблема преодоления одиночества не есть особая проблема лаптизма. Это - составная часть всех прочих проблем его.

Расплата

Что ждет нас: Рай или Ад? Послушайте ответ:
Свет есть огонь, огонь есть свет.

Не играет роли, что ждет нас в конце, - наказание или награда.

Наказание и награды, полученные в конце, суть одно и то же, ибо они получены в конце. Конец их уравнивает. Конец, как сострил мой Антипод, сводит концы. Награда есть прожитое тобой, а не будущее. Старайся жизнь закончить так, чтобы после тебя ничего не осталось. Малое наследство вызывает насмешки и презрение. Большое наследство порождает злобу и вражду наследников. Любое наследство оставляет людям хлопоты. Старайся уйти так, чтобы никто не обратил внимания на твой уход и чтобы люди не злились на то, что после тебя остался мусор, и нужно очистить мир от твоего пребывания. Ты явился в мир незванным и уйдешь неоплаканным. Не завидуй остающимся: их ждет та же участь. В конце концов мы уйдем все, и никто и никогда не узнает о том, что мы были.

Отношение к смерти

Смерть есть прекращение жизни, есть отсутствие жизни. Так что жизнь после смерти есть логический нонсенс согласно самому определению понятия "смерть". Аналогично рождение есть начало жизни, и по определению понятия "рождение" жизнь до рождения есть тоже логический нонсенс. Я берусь чисто логически доказать, что данному конкретному человеку невозможно снова родиться после смерти, а значит и в прошлом у живущего человека не могло быть других рождений и смертей. Живет человек лишь один раз. И процесс его жизни непрерывен, т.е. от рождения и до смерти идет непрерывная жизнь. Жизнь вообще есть то, что заключено между рождением и смертью.

Если вы сумеете в умершем теле снова воспроизвести живое существо, это будет уже другое, а не прежнее "я". Если вы перенесете мозг данного человека в другое тело, вы опять-таки получите другое "я". Есть пределы заменимости частей человеческого тела, за которыми исчезает данное "я" и возникает другое.

Смерть естественна. Почему же человек протестует против нее? Почему страх смерти есть самый сильный страх для подавляющего большинства людей? Только ли в инстинкте самосохранения тут дело и в нем ли вообще? Дело в том, что человек исторически сформировался с установкой на вечную жизнь. В его организме не заложено никакого механизма, вызывающего ощущение и предчувствие неизбежности смерти. Умирая, человек не воспринимает это как исчезновение навечно. Он воспринимает это как нечто временное. Вернее, от относится к моменту времени, когда он умрет, не как к независимому от него и лежащему вне его жизненной линии, а как к пределу, который лежит на его жизненной линии и к которому он будет приближаться бесконечно долго (сравните это с парадоксом "Ахиллес и череп аха"). Инстинктивный страх смерти не содержит в себе идеи бессмертия. Так что идея

смерти в ее беспощадном смысле есть продукт цивилизации. Это - открытие, сделанное человеком уже с помощью мышления.

Вечная жизнь - страстная мечта смертных. Будь мы бессмертны, мы мечтали бы о смерти. Но что такое вечность? Вечность есть время как таковое, чистое время. Вечно существующее не ощущает хода времени. А жизнь без такого ощущения немислима. Жить - значит ощущать ход времени, т.е. умирать. Не умирать - значит не жить. Только Ничто вечно.

Кроме того, смерть милосердна. Вечная жизнь есть абстракция, имеющая смысл при том допущении, что вечно живущее существо никто посторонний не убивает, что оно ничем не болеет, не стареет. Ну, а если бессмертному существу отрезали голову?! Потеря жизни при условии, что другие будут жить вечно, - потеря кошмарная. Если бы люди принимали во внимание это обстоятельство, никакого исторического прогресса не было бы. Прогресс человечества есть отбор в ряде поколений. Смерть есть условие эволюции. Я уж не говорю о том, что для миллионов людей смерть есть единственный и наилучший способ решения их проблем. Как сказано:

В конце пути постигнешь высшее ученье:

Жизнь есть тоска проблем, а смерть есть их решенье.

Главное в проблеме смерти - проблема жизни. Вопрос "Как достойно человека умереть?" есть вопрос "Как достойно человека жить?". Загробная жизнь есть лишь абстрактная экстраполяция жизни до гроба. "Вечная жизнь" после смерти есть лишь абстрактная возможность вечной длительности прожитой жизни.

Помните! Именно эта переживаемая сейчас минута вашей жизни есть миг вечности. Именно этот ваш совершаемый сейчас поступок есть ваш вклад в бессмертие. Что посеешь, то пожнешь. Проблема смерти для человека есть проблема его прошлого, а не будущего. Смерть есть награда всему и наказание всему. От тебя зависит, в каком обликии принять ее.

Лучше умереть в драке или в какой-то катастрофе. Постарайся дойти до могилы на своих двоих, не причиняя другим хлопот. Лучше умереть здоровым, чем больным. Слабые цепляются за жизнь. Сильные готовы с большей легкостью расстаться с нею. Лучше умереть, не ведая того и внезапно, чем глядя в лицо смерти и медленно. Счастливы убитые в спину и из-за угла.

Мечта и реальность

Постепенно я стал привязываться к Дочери. У меня появилась радужная надежда. В сущности, Дочь по натуре хороший человек. Мы поженимся. Появятся дети. Будет хорошая семья. И она

переменится. А я заброшу свои дурацкие занятия, вернусь к научной работе, срею бороду... И тут она мне нанесла удар. - Хватит, - сказала она, - поиграли, и хватит. Ты хороший парень, но очень уж скучный. Ты мне надоел. Удар был для меня столь неожиданным и сильным, что я всерьез задумался о самоубийстве.

О самоубийстве

Человек вправе распоряжаться своей жизнью, но при условии, что у него нет никаких личных обязанностей перед другими людьми оставаться в живых. Если у человека есть, например, маленькие дети или больная жена, он не имеет морального права кончать жизнь самоубийством. Если от человека зависит судьба товарищей, он точно также не имеет права по своей воле уходить из жизни. Аморально самоубийство как месть другим людям, как проявление трусости, как стремление уйти от трудностей или от расплаты за преступления. Человек имеет моральное право покончить жизнь самоубийством, если выполнено упомянутое в начале условие, и если самоубийство приносит людям облегчение, а самого человека избавляет от ненужных страданий. Например, человек, больной неизлечимой болезнью, причиняющей страдания, может покончить с собой. Человек, не желающий быть обузой другим, с опустошенной душой и потерявший интерес к жизни - тоже. В таких случаях аморально удерживать человека от самоубийства и возвращать к жизни в случае неудачной попытки покончить с собой. Наоборот, надо таким людям предоставить возможность покончить с собой наилучшим образом. Спокойно, без шума, без театральности.

Как следовать лаптизму

Лаптизм прежде всего есть генеральная жизненная установка и стратегия жизни. Это означает, что ему не нужно следовать педантично, с однообразием автомата. Лаптизм рассчитан на людей, у которых естественным образом бывают периоды взлета и упадка, энтузиазма и равнодушия, эйфории и депрессии, обольщения и разочарования. Временами о лаптизме можно забывать совсем и жить даже вопреки его принципам. И даже наоборот. Главное в следовании лаптизму - он должен все равно где-то в глубинах человеческих механизмов поведения определять жизненную линию. Прямо или косвенно. Сознательно или бессознательно. Вынужденно или по доброй воле. Лаптизм, строго определяя стратегию жизни, предоставляет человеку полную свободу тактики жизни. Разумеется,

в пределах, очерчиваемых общими принципами лаптизма. Возьмите к примеру меня самого - творца лаптизма. Я вроде бы веду образ жизни, не соответствующий ему. Я призываю, например, избегать сильных привязанностей к другим людям, а сам схожу с ума по моей Богине. Я призываю избегать крайностей в житейских удовольствиях, а сам порою становлюсь участником отвратных оргий. Я призываю одолеть в себе тщеславие, а сам несу в себе самую честолюбивую претензию - претензию быть Богом. Конечно, я могу найти самооправдание: я - Бог, и я сам волен следовать или не следовать своим заветам. Но это - самообман. Не словесные заклинания, а лишь конкретный пример определенным образом прожитой жизни может лечь в основание новой системы жития. Так что весь мой лаптизм есть вроде бы лишь мое личное смятение и растерянность в условиях нашей жизни и отчаянная попытка выстоять в них.

И все-таки я неукоснительно следую стратегии лаптизма. Просто моя амплитуда колебания в его пределах является предельной. Я могу пожертвовать ради Богини своим лаптизмом. Но я в такой же мере могу пожертвовать Богиней ради лаптизма. Я претендую на роль Бога. Но я тут же могу отказаться от нее, опустившись в своем самосознании до уровня самой ничтожной твари во Вселенной.

Лаптизму надо следовать прежде всего в целом, в тенденции и в общем итоге жизни. Лаптизм позволяет видеть сумму и итог жизни с самого начала и принимать это во внимание в каждом шаге жизни, вроде бы уклоняющемся от вообразяемой, но потому во сто крат более реальной главной дороги.

Резюме лаптизма

Я долго их учил, как жить
Согласно правилам морали.
И вот решил: а не пора ли
Эффектной фразой завершить?
Я в лица их уставил взор.
И я увидел в них такое!...
- Оставьте, - молвил я, - в покое
Весь выше сказанный мной вздор.

Богиня

И ко всему прочему: если бы мне предложили выбирать одно из двух - мировое признание в качестве творца новой религии или хотя бы несколько секунд обладания моей Богиней, - я бы выбрал второе. Хотя бы лишь взять ее за руку, посмотреть в ее глаза и чтобы она

ответила мне взглядом и пожатием руки. И все! Я бы сказал: я достиг вершины жизненного блаженства.

Путь к совершенству

В моей целительной деятельности наступил резкий спад - следствие прошедших кампаний.

- Число твоих почитателей сокращается, - говорит Антипод, - а отношение их к тебе становится все более насмешливым. Еще немного, и...

- ... я достигну совершенства, - говорю я. - Послушай притчу по сему поводу.

Появился однажды человек с чудным голосом. Он сам об этом сначала не знал. Случайно он спел что-то в компании друзей, и те были потрясены красотой и силой его дарования.

- Ты великий певец! - вскричали они. - Пой!

И он стал петь. Он сам почувствовал свой дар. Но он почувствовал и другое: чтобы сохранить и усилить его, надо его усовершенствовать. Надо трудиться и идти вперед. Дар обязывает к стремлению к совершенству. Но произошло нечто, поразившее его: чем лучше он пел, тем меньше становилось поклонников, а оставшиеся все хуже относились к нему.

- Что с тобой?! - возмущались они. - Пой, как раньше. К чему ты мудришь? Ты деградируешь!

А он знал, что он с каждым днем поет лучше. И уже не мог остановить свой путь к совершенству. Наконец он остался совсем один. Свои лучшие песни он спел в полном одиночестве.

- А ведь он когда-то подавал надежды, - говорили о нем люди, вспоминая изредка его яркое появление. - Теперь совсем потерял голос. Его совсем не слышно...

Вот так и я. Остановив я на уровне лечения от головной боли, заикания и импотенции, я может быть прогремел бы на всю страну и сделал бы карьеру не хуже той грузинской целительницы, которая в сравнении со мной - жалкий примитив. Но для меня это было только пробуждение. Я хочу большего: совершенства. Я иду к основам той чудодейственной силы, которая вначале проявила себя в моих пальцах, но которая лежит глубже, - в душе. И потому стала редеть толпа моих почитателей. Все нетерпимее становятся власти. Все агрессивнее становятся конкуренты. Люди перестают верить в меня, и к ним возвращаются их болезни. И они злобятся на меня, убеждая себя в том, что я шарлатан. Они забывают о том, что только при условии веры в мою исцеляющую силу я приношу исцеление.

- Ты достигнешь своего совершенства, - сказал Антипод, - оказавшись в полном одиночестве. Причем, ты при этом не сможешь понять, что достиг совершенства: у тебя нет для этого внутренних

критериев. Критерии вообще всегда суть нечто внешнее измеряемому. Они вне тебя. Они - у твоих судей. И как один из них я утверждаю: твоя система есть лишь идеологическое сектантство. Ты - кустарь-одиночка. Ты изобретаешь велосипед в век космических полетов.

- На космической ракете не пойдешь за продуктами в магазин, - сказал я, - не будешь стоять в очереди, не полетишь на работу, не будешь сидеть на партсобрании, не будешь писать заявления в жилищные комиссии... И не велосипед я изобретаю, а способ обходиться даже без велосипеда. Я - кустарь-одиночка, верно. Но все великое начинается с ничтожных одиночек и с кустарных, примитивных форм. А какими были первые проекты реактивных двигателей?... А есть ли это благо - космические полеты?

Крик души

Меняю должность Бога и Вечность на одну минуту заурядного человеческого счастья. Кто согласен на эту мену?... Молчание.

Конкурент

- Идея расплаты за земные грехи была великим открытием человечества, - говорит мой случайный собутыльник. - Только расплачивается человек не на небе, а на земле, причем - еще при жизни. Человек за все платит, причем - платит сам. Можно, конечно, ускользнуть, не успев расплатиться, - уйти от расплаты. Но смерть в этом случае тоже есть расплата. Если человек делает зло другому, ему так или иначе кто-то причинит зло. Люди не знают этого закона жизни и живут, как попало. Посмотрите, что происходит. Людей - миллионы. Их жизнь - океан или, болото порока и греха. Люди страдают от этого. Ищут какой-то наилучший для себя вариант жизни. На какое-то время находят что-то такое, что вроде бы устраивает их. Но лишь отчасти и лишь на короткое время. И иногда. Но в общем и целом люди такой наилучший вариант жизни не находят, хотя ищут миллионы, хотя опыт поисков необъятен. Почему не находят? Объяснение очень простое. Каждый человек по отдельности имеет ограниченную жизнь и ограниченный опыт поисков. Результат этих поисков - опустошение, разочарование, отчаяние. Люди находят искомую систему жизни лишь в массе, а не для каждого представителя массы по отдельности. Образ жизни массы людей не есть образ жизни отдельного человека. Отдельному человеку достается лишь определенная доля, за которую он платит в

силу общего закона эквивалентности обмена. И в массе же людей складывается общепринятое оправдание этой ситуации. Мол, все так живут, никуда не денешься. Люди берут пример друг с друга, стремятся наверстать упущенное. Живут по принципу: как бы не упустить, я не хуже других, надо и мне попробовать. И пробуют. И наверстывают. И спешат урвать кусок жизни. И получают в качестве расплаты страдание. И все это - суета сует и всяческая суета и томление духа.

Наилучший вариант (система, образ, способ) жизни должен быть открыт или изобретен выдающимися одиночками, - говорит он. - Такой первооткрыватель должен успеть проверить его на самом себе, как-то зафиксировать, передать его ученикам. Такой способ жизни должен стать образцом для подражания, должен очевидным образом доказывать свои преимущества. Нужно время, чтобы число последователей Первооткрывателя возросло и чтобы они стали оказывать заметное влияние на окружающих. Нужно, чтобы этот образец выжил в борьбе с окружением, чтобы его не задавила в зародыше среда. А среда - миллионы людей, жестоких и беспощадных ко всему, что нарушает их привычный образ жизни, особенно к тому, что обнаруживает убожество его и предлагает нечто лучшее. Масса ненавидит всякие улучшения образа жизни, если они воплощаются в отдельных исключениях.

- Я признаюсь тебе: я изобрел такую наилучшую систему жизни, - продолжал он дальше. - Я следовал ей всю жизнь. И был счастлив. Надеялся прожить по ней до конца. Но... Но однажды в мою жизнь вторгся другой человек - женщина. Я не устоял, женился. Полюбил свою жену беззаветно, всеми силами своей души, которые сберег в себе благодаря своей системе. Я доверился ей, как дитя. И поверил в нее. И это была моя роковая ошибка. Через эту женщину внешний мир вломился в мою идеально организованную жизнь и разрушил мою систему до основания. В мою жизнь вторглись обманы и измены, лицемерие и ханжество, злоба и ненависть... Я ее боготворил, а она оказалась ничтожеством. И меня она низвела до уровня ничтожества. Сам видишь, что со мной стало. Один заурядный человечешко способен разрушить творение Бога! Так что уж говорить о способности миллионов на это. Берегись другого человека, если хочешь следовать своей системе!

- Я потерпел крах, - говорил он. - А ведь такие первооткрыватели, как я, появляются раз в сто лет, а то и еще реже. Я может быть был таким одиночкой в наш век. И может быть другого не будет долго-долго. А может быть вообще другого не будет. А жаль...

Я не стал говорить этому человеку, что другой первооткрыватель уже есть, так как во мне самом появился страх катастрофы. Меня может спасти лишь то, что я никогда не женюсь на моей Богине. Но ведь мир велик, и людей в нем много.

Богиня

В газете появилась большая статья о советской балетной школе и о нашем городском балете. В центре статьи - большая фотография моей Богини. Я вырезал ее из газеты и с тех пор постоянно ношу с собой. Говорят, ее уже включили в труппу театра, и она уже выступает. Пойти в театр я не могу - слишком дорого. Да и не так-то просто: билет можно купить только у спекулянтов. Я караулю ее у дома, но за ней теперь приезжают на машине. И привозят обратно поздно ночью на машине. Иногда - под утро. Я целыми ночами хожу под ее окнами в надежде увидеть хотя бы ее тень в окне. Я твержу давно забытые слова из старинных русских романсов. Пытаюсь сам сочинить что-нибудь. Но у меня ничего не получается. У меня лишь шемит сердце. И от безысходной тоски я не знаю, что делать. И снова меня стала настойчиво посещать мысль о самоубийстве. Наступила осень. Ей дали новую квартиру. Она уехала в район для привилегированных персон нашего города.

Неизлечимая болезнь

Для меня главной стала проблема: как суметь не любить женщину, а если любовь возникла, как ее заглушить и задушить совсем? Я давал советы другим людям на эту тему, попавшим в беду и желающим избавиться от мучительных переживаний, связанных с любовью к женщине. Не знаю, насколько мои советы были эффективны. Но я знаю зато вполне определенно, что я сам не могу справиться с этой страшной болезнью - любовью. Мне понятно, почему это чувство превращается в болезнь. Но я не знаю, как лечить эту болезнь. Я перепробовал все средства - безнадежно. Чем упорнее я борюсь с нею, тем мучительнее она становится. Тогда я решаю отдаться ей, капитулировать. Но она начинает мучить с удвоенной силой. Где выход? Выхода нет. Никакой компенсации и замены для оскорбленной, обиженной, обманутой, преданной, неразделенной любви в природе нет. Человек, не радуясь, ощутив в себе любовь! Вместе с нею приходит неизлечимое страдание. Неужели Антипод прав?! Неужели лишь идеологически обработанный человек может выработать иммунитет против этой болезни?! Тогда мир не стоит того, чтобы жить и чтобы ради него изобретать бессильную и никому ненужную религию. Бог слишком слаб для современного мира безумия, подлости, жестокости, разврата. Боже, дай мне силы дойти до предназначенного мне конца. Я капитулирую.

Отъезд Антипода

Антипод закончил свой труд по идеологии и хочет везти его в Москву, в ЦК Партии.

- Идеи, родившиеся в провинции, - сказал он на прощание, - должны двигаться в столицу, чтобы стать социально значимым фактом. Мой труд породит такой рывок в идеологии, по сравнению с которым померкнет сталинская идеологическая революция.

- Но тебя там уничтожат, - сказал я. - Усовершенствование идеологии есть прерогатива высшей власти.

- Я верю в прекрасное будущее коммунизма, - сказал он, - и потому готов пойти на любую жертву.

- К счастью, - сказал я, - твоя прекрасная коммунистическая утопия неосуществима.

- Почему же к счастью? - удивился он.

- Если она осуществится, жизнь людей превратится в нестерпимый рай, - резюмировал я нашу последнюю дискуссию.

Сомнения

Как бы выглядела библейская легенда изгнания из рая, если бы первые люди были русские? Примерно так. Эти первые люди были бы Иван и Марья. Рай был бы не в саду, а в винно-водочном складе. Бог разрешил бы Ивану и Марье пить все алкогольные напитки, кроме одного - кроме водки. Змей явился бы соблазнять не Марью, а Ивана, причем - со стаканом водки.

Изобрети любой обман,
Хоть тресни, вылезь хоть из кожи,
Но бог по имени Иван
Душонки наши не встревожит.

Возвращение

Прошло несколько месяцев. Жизнь вошла в прежнюю колею. Об Антипode не было ни слуху, ни духу. Я опять начал понемногу лечить язвы, запоры, импотенцию, заикание и прочие недуги.

Силы прогресса

Он был начинающий пьяница. Скоро он станет неисправимым алкоголиком - я это предвидел с полной очевидностью. Я таких

десятки встречал. Но он себя тогда так не воспринимал. Для себя он был студент университета, бывший вундеркинд и отличник, критически относящийся к реальности и жаждущий ее улучшить. К нам он спустился с высот культуры, дабы познать народ и найти в нем силы, на которые он мог бы опереться в своей будущей реформаторской (если не революционной) деятельности.

- Дальше так жить нельзя! - орал он сразу же после первой стопки водки, нарушая наши неписанные законы: после первой стопки полагається некоторое время помолчать, как перед дальней дорогой, затем скромно выразить восторг по поводу прелести бытия и сразу же переходить ко второй стопке.

- Надо же что-то делать! - не унимался сей новичок. Мы с недоумением смотрели на него. Почему дальше так жить нельзя? Можно! Как раз наоборот: именно так и надо жить. И по-другому нельзя. А что делать, это ясно без слов: повторить!

Прошло всего несколько месяцев. Он куда-то исчез, и я уж было решил, что ошибся в своих прогнозах, что наше общество получило нового отважного борца за справедливость, за прогресс, за лучшие условия жизни и прочее. Но вот как-то под вечер я одиноко брел в самом грязном и алкогольном районе города. Путь мне преградило типичное для этих мест существо и предложило "скинуться"... Это был он.

- Я, - сказал он, - с головой окунулся в изучение всех мыслимых вариантов программ преобразований. Вывод, к которому я пришел, ошеломил меня. Оказывается, наши власти стремятся осуществить самые наилучшие проекты улучшения жизни людей, но даже у них ничего не получается. Так что же могут сделать одиночки-идеалисты вроде меня? На все нужно время. Даже на ничтожный шаг вперед в эволюции нашего общества требуется целая эпоха. И жертвы, жертвы, жертвы. Так стоит ли игра свеч? Все суета, все суета сует и томление духа, - вот мой окончательный вывод.

- Мы, - продолжал он, - суть всего лишь форма материи на самом деле, и вся наша тоска по некоему смыслу жизни и целям есть лишь праздное томление духа, и ничего более. Что такое цель жизни и смысл жизни? Всего лишь одно из средств распределения людей по уровням, ролям, ячейкам, органам общественного организма и одно из средств распределения жизненных благ. В людей вселяют эти штучки в процессе воспитания и образования, и они благодаря этим штучкам сами делают все то, что необходимо для целостности общества и его существования как целого. А ничего другого для вашего "что-то" нет. Ничего святого нет и не будет. Ты говоришь - Бог, религия (это - ко мне). Богу в нашей жизни места нету. Где ты его поместишь? В этой заплеванной забегаловке? В советских конторах? На заводах?

- В душе, - робко заикнулся я.

Он промолчал, допил свою долю, плюнул и ушел.

Душа - что это? Это то, куда все стараются плюнуть, что все

стараятся растоптать. Это - открытая рана, каждое прикосновение к которой причиняет боль.

- Кончай свою божественную миссию, - сказал я себе, оставшись один. - Бог есть тоже суета суета, и всяческая суета, и томление духа. Плюнь на все, как это делают все, и жди конца. И все!

Богиня

- Хватит терзать себя, - говорю я себе решительно. - Что она на самом деле такое? Примитивная девчонка. Начинаящая потаскушка. В перспективе - жадная, злобная и завистливая ведьма с жилистой шеей и мощными, как у кенгуру, ногами. И ко всему прочему ты ей не пара, хоть ты и Бог. Ей нужно нечто более полезное, на худой конец - заведующий комиссионным меховым магазином. Кстати сказать, он - один из богатейших людей в городе. Уже пять раз женился. Разводясь, оставляет бывшим женам квартиры, дачи и машины.

Итак, с этой минуты я вычеркиваю Ее из своего сознания и сердца, начинаю спокойно спать по ночам и проявлять здоровый интерес к другим женщинам.

И всяческая суета

Он - известный в городе артист. Красавец-мужчина... был когда-то. Но сейчас он - преждевременно постаревший развратник. Но жалуется он не на потерю сил и не на внешние признаки старости, а на потерю памяти. Сколько тысяч раз ему аплодировали! А он не может вспомнить ни одного случая конкретно. Баб у него перебывало - поди, сосчитай! А воспроизвести в воображении хотя бы одну встречу в деталях никак не может. А ведь он артист! Сколько съедено, выпито, видано! И как будто ничего не было. Пусто. В чем дело?! Он готов заплатить большие деньги, лишь бы я вернул ему способность воспроизводить в памяти прожитые удовольствия. Иначе зачем все это было? Пил, жрал, гулял, бедокурил для того, чтобы вспомнить было что. А вспомнить-то, оказывается, нечего. Что это - его личная болезнь или общее правило? Если болезнь - лечи! Он платит. Если общее правило, почему он не знал раньше, почему ему никто не говорил об этом?

Этот человек - не единственный в моей практике, дающий повод и материал для размышлений на тему об отношении памяти и реальности. Оказывается, и тут есть свои законы, неподвластные людям. И тут есть своя мера. Если мера нарушена, за это приходится расплачиваться. Есть, например, нижняя граница удовольствий и

верхняя. Если нарушена верхняя граница, то начинает действовать такой закон: чем больше имеешь, тем меньше запомнится, тем бледнее и абстрактнее воспоминания, тем меньше удовольствия от припоминания. Упомянутый выше артист - характерный пример этому. Вылечить его невозможно. Он обречен на состояние внутренней опустошенности и озлобленности, на стремление иметь еще больше. Но возможности его сокращаются. Хронический алкоголизм и наркотики - вот что его ждет. Впрочем, уже не ждет, он уже катится по этой дорожке. Через год, максимум - через два он "загнется". Я это прочел в его взгляде.

Притча о мудрости

Он вошел в храм, и ученики обступили Его.

- О, Учитель! - воскликнули они. - Скажи, как нам быть? Мы сожрали и выпили по тридцать рублей, а собрали наличными всего трешку. Нас ведь в милицию заберут, это чревато последствиями.

- О, дети мои, - сказал он. - Из любого положения есть выход. Идите в туалет. Там в коридоре слева есть окно. Через него вы можете избежать опасности.

И ученики вняли Его словам. И покинули храм, сохранив трешку. И явилась разъяренная официантка.

- А кто будет расплачиваться? - возопила она. Потом явился директор храма.

- А кто будет расплачиваться? - возопил он. Наконец, явился милиционер.

- Кто-то должен расплачиваться, - спокойно, но строго сказал он. - Придется тебе, Лаптев, платить. Больше никому. Сейчас вот составим протокольчик, и...

- Я его знаю, - сказал разочарованный директор. - У него нет ни гроша. Дай ему пару раз по морде, чтобы неповадно было, и вышвырни вон.

- Хватит и одной оплеухи, - сказала подобревшая официантка. - Он же не при чем, он же только что пришел.

Послание Богине

Любить тебя,
Пусть не любимым быть тобою, -
Вот мой теперь
Единственный завет.
Все остальное -
Суета сует.
Все остальное я сдаю без бою.

Бог и церковь

В нашем городе всего одна действующая церковь, а число людей, обслуживающих ее и живущих за ее счет, не меньше, чем до революции, когда в городе было больше двадцати церквей. Действующих, разумеется, - тогда недействующих церквей не было. Есть даже епископ, чего не было до революции. Этот факт говорит о том, что в советских условиях даже церковь существует как типичное советское учреждение, - по тем же общим социальным правилам. Среди моих пациентов попадают верующие люди и даже церковные деятели (включая попов и самого епископа). Любопытно, советские церковные начальники страдают теми же болезнями, что и советские партийные и государственные чиновники, а также прочие лица, занимающие более или менее высокие или выгодные посты (заведующие магазинами, например). Одного из высших лиц местной церковной иерархии я лечил от импотенции (зачем ему сексуальные способности?!), а другого - от хронического алкоголизма.

Но не это самое интересное в моих наблюдениях. Большинство моих пациентов - атеисты в традиционном смысле. Они не признают существование Бога, не посещают церковь, не соблюдают религиозные обряды. Но в моем смысле они часто веруют сильнее, чем традиционно верующие. Они переживают состояние веры. Правда, временно, порою - лишь на время, пока идет сеанс лечения. Это я их привожу в состояние веры. Они при этом верят в меня как в Бога. Верующие в традиционном смысле поддаются этому моему воздействию с трудом, с гораздо меньшей силой или совсем не поддаются. У них состояние веры привычное, но слабое. Именно потому что привычное и постоянное. Мое открытие в этой связи состоит в следующем. Современный человек, атеист по убеждениям, может развить в себе способность приходить под влиянием таких людей, как я, или сам приводить себя в состояние веры, причем - более сильное, чем традиционно верующие люди. Лишь немногие религиозные фанатики прошлого могли достигать очень высокого уровня состояния веры (одержимости). Я уверен в том, что очень многие люди нашего времени, особенно - высокообразованные и с тонким интеллектом, могут при желании достигать этого уровня. В моей практике встречались случаи, когда даже партийные работники высокого ранга приходили в состояние испугленной веры. Если бы можно было заснять на киноплёнку и записать на магнитофон то, что творилось с самим Сусликовым, когда я лечил его от официально неизлечимой болезни, вы бы не поверили в реальность этого. Мне приходилось даже сдерживать его. Он, например, хотел тайно окреститься. И мне стоило труда отговорить его от этого.

С одним высокопоставленным попом у меня состоялся такой разговор после сеанса. Он спросил меня, почему я, человек глубоко религиозный (он в этом уверен), не посещаю их церковь. Если я хочу,

сказал он далее, он мог бы мне устроить встречу с самим епископом.
- Вы, конечно, читаете газеты и слушаете заграничные радиостанции,
- сказал я. - И знаете, что наш Генсек, посетив одну европейскую
страну, отказался встретиться с руководителем компартии этой
страны. "Левые" на Западе возмущались. А напрасно. Негоже главе
великого государства посещать главу малюсенькой западной
компартии, которая сходна с нашей компартией лишь по названию.
Я - творец новой великой религии, и негоже мне делать визиты к
деятелям религии, лишь словесно сходной с моей.
Поп сказал, что я - шизофреник или параноик. Я пожал плечами.
- Ты, сын мой, - сказал я, уходя, - здоров. А кто есть я - не твоего ума
дело.

Искушение

Бесконечная осень наводит тоску.
Дождь и снег. И не видно просвета.
Убежать бы, как деда, бывало, в Москву,
Чтоб погреться лучами прошедшего лета.

Однажды пригласили меня в одну компанию рассказать о моей
системе жизни. Среди собравшихся был серый (таким было мое
восприятие его) человечек. Слушал он меня очень внимательно.
После моей лекции он спросил разрешения проводить меня.
- Ты, парень, - сказал он, - цены себе не знаешь. Да с такими
способностями, как у тебя, деньги лопатой загребать можно. Только
не в этой провинциальной дыре. Тут дураков не так много осталось.
Надо в столицу подаваться. А там!...
Я сказал, что мне о столице и думать нечего, что я каждую минуту
могу быть изгнан и из этой "провинциальной дыры" куда-нибудь в
еще большую глушь, что у меня нет прописки, да и паспорта нет.
- Вот и хорошо, - сказал он. - Паспорт твой мы выкупим, прописку
организуем, это пустяки. И командировку в столицу устроим. С
научными целями. Не придерешься. В столице устроим временную
прописку. Если не в самой столице, так около нее. Это, конечно,
недешево и непросто. Но нет таких крепостей, которые большевики
не могли бы взять. Ты пока погуляй тут. А я наведу справки,
прощупаю почву. И потом дам тебе знать. Будь готов в любую
минуту.
Предложение Серого привело меня в смятение. Христос ведь тоже
появился в провинции. Лишь в конце своего пути он подался в
столицу - в Иерусалим. Он знал, чем это для него кончится. Но не
уклонился от своей судьбы. Неужели и мне суждено то же?! А если то
же, уклонюсь ли я от этого пути? Не насилуй судьбу - таково мое
правило. Но у меня есть и другое: не уклоняйся от своей судьбы!

Ясно, если Серый появится, и его предложение окажется реальным, я поеду в Москву. Только там мое учение может пробиться к свету. А здесь, в нашем провинциальном болоте, оно обречено на прозябание, насмешки и забвение. Здесь я начинаю тупеть.

Хотел бы я знать, что думал и переживал Христос, принимая решение двигаться в Иерусалим. Впрочем, ему было проще. Он уже имел за собою долгую историческую традицию. Он следовал пророчествам Старого Завета, сознательно направляя свою жизнь по этому руслу: ему нужно было, чтобы эти пророчества сбылись. А я? Ничего аналогичного Старому Завету у меня за спиной нет. Никаких пророчеств, на которые я мог бы опереться психологически. Никаких прецедентов, никаких образцов для подражания. Я сам должен все изобретать заново.

Хотя о чем ты говоришь!? А разве Христос не есть для тебя образец для подражания?! Разве твоя судьба не есть повторение его судьбы?! И разве ты не знаешь заранее, чем кончится для тебя Москва?!

При встрече я рассказал Серому о моих сомнениях. Он рассмеялся.

- Не берусь судить насчет пророчеств, ибо я книжки вообще не читаю, - сказал он. - Но что касается образцов для подражания и предшественников, то тут ты глубоко заблуждаешься. Если бы ты узнал, сколько всякого рода жуликов ежедневно вливается в Москву (в том числе - учителей праведности вроде тебя), ты бы немедленно отсекся от всех своих притязаний. К счастью, ты наивен и невинен, как младенец. Приедем в Москву, я тебя повожу по судам. Ты увидишь, что каждую неделю там судят по крайней мере одного исцелителя, чудотворца, наставника.

- Если так, - сказал я, - зачем же нам лезть на рожон?

- Я же говорю, что ты наивен, - сказал Серый. - Все зависит от организации дела. Если дело хорошо организовать, вероятность провала сводится почти к нулю. Эти провалившиеся чудотворцы - дилетанты, не знающие законов бизнеса в советских условиях. Всякое дело надо делать на профессиональном уровне, и тогда все будет о'кей. Понял?

Я ничего не понял. Но спорить не стал. Хотя Бог - явление провинциальное, но лишь в столице он может быть отвергнут и наказан, т.е. признан. Я согласился.

Мысль о переезде лишила меня сна и покоя. Я метался по городу в ужасе от того, что мне... не с чем и не с кем прощаться! Все знакомое. И все чужое!! Пока я тут - я нужен многим. Но если меня не будет - я не буду нужен никому. Бог должен быть тут, чтобы быть нужным. И если в нем не нуждаются, значит его здесь нет.

Устав от проблем небесных, я переключился на проблемы земные. Я только теперь заметил, как здорово изменился наш город за последнее время. Сколько автобусов! Сколько машин! Какие дома выросли! И люди одеваются!... Раньше так только по праздникам одевались. Все-таки цивилизация есть благо!

Прощание с Назаретом

Лишь только открываю рот,
Как уж предвижу наперед
Я ваше возраженье.
А мне на это наплевать,
Ведь все вравно околевать,
Будь или нет решенье.
Я тут ничем не дорожу,
От вас совсем я ухожу.
Прощай же, Галилея!
Я вам серьезно говорю:
Пусть в одночасье там сгорю,
Чем здесь истлею.
Эй, барабаны! Громче дробь!
Пусть всех тут хватит оторопь!
Гремите, трубы!
Я чуть прищурю лишь глаза,
Чтоб не видна была слеза,
Да стисну зубы.
Мне ваши улицы узки.
Мои горячие мозги
Кипят идеей.
Я ваши рамки перерос.
И разрешу я свой вопрос
Лишь только в Иудее.
Пускай на верную беду
Я ни за что - про что иду.
Пусть против тело.
Мне ваши болезни лечить,
Мне вас банальностям учить
Осточертело.
Я про себя "Благодарю!"
Шепчу Небесному Царю,
Егове, Саваофу.
Благодарю, что он мой путь
Направил не куда-нибудь,
А прямо на Голгофу.
Прости-прощай, моя мечта,
Тебе, я знаю, не чета.
Случайная помеха.
Скажи последнее "Прости!"
Тому, кто избран крест нести,
Хоть ради смеха.
Тебе я предан до конца.
Пусть без златого ты венца.
Пусть даже не княгиня.

Пусть я не дон, а просто шут,
Пока иду, пока дышу,
Будь мне Богиня!
Хоть я - отпетый шарлатан,
Но не такой уж я чурбан,
Сам знаю - Бога нету.
Приемлют только питухи
Мои шуточные стихи
За чистую монету.
Не верят даже старики,
Что я природе вопреки,
Как некогда Иисусе,
Земному подведя итог,
В Небесный свой златой чертог
Из праха вознесуся.
Нет за душою ни шиша.
Глядите, вот моя душа,
В ней нет просвета.
В ней нет замка. В ней нет ключа.
В нее заходят, не стуча,
Уходят без привета.
Итак, я затыкаю рот.
Теперь у вас, наоборот,
Не будет возраженья.
К чему излишние слова?
От них лишь пухнет голова.
Даешь сраженья!

Въезд в Иерусалим

Въехал в столицу я не на осле, как Христос, а на скором поезде. Впрочем, историческая аналогия до некоторой степени была выдержана. Осел в этом событии все же присутствовал: это был я сам. Покинуть привычные места и расстаться с привычным образом жизни! А ради чего? Ради одной лишь исторической аналогии? Мне было очень тоскливо, когда мы с Серым брели по переполненным людьми улицам Москвы, толкались в метро, ждали в очереди в кафе. В моем родном городе я был примелькавшейся фигурой. Меня многие знали лично. Мой библейский вид был там все-таки большой редкостью. Мои конкуренты были либо лысы, либо низкорослы, либо имели жиденькие бороденки и гнилые зубы. То, что они - жулики и шарлатаны, было видно за версту. И все они были малограмотны, косноязычны, алчны, злы и завистливы. Когда я совершал свое очередное турне по своим владениям, я привлекал к себе всеобщее внимание. Хотя меня одни принимали за собравшегося

эмигрировать еврея, другие - за цыгана, третьи - за загримировавшегося известного актера, но никто - за того, кто я был на самом деле, т.е. за Бога, - все равно это было внимание. А в Москве таких красавцев оказалось пруд пруди. Даже уборщицы в забегаловках к ним привыкли и не бросают вслед презрительное и шипящее "Шляются тут всякие!". Правда, я был вполне на столичном уровне, а может быть и превосходил столичных конкурентов, но не настолько, чтобы выглядеть выдающейся исключительностью. Я сник, скис, завял, поблек...

Серый поселил меня не в самой Москве, а в ста километрах от нее, в маленьком поселке.

- Это даже лучше, - сказал он. - Дешевле и проще. На работу будешь ездить в Москву. Так многие тут делают. Причем, каждый день ездят. А ты будешь ездить лишь пару раз в неделю, как профессор. Поселил он меня в малюсенькой комнатухе в домике одинокой вдовы средних лет.

- Придется иногда на эту старую кашу потратиться, - предупредил он. - Тут уж ничего не поделаешь. Хочешь быть святым - терпи. Впрочем, она не такая уж и старая. А наши бабы сексом не избалованы. Так что она может оказаться куда лучше многих молодых девочек, познавших разврат с малолетства. К тому же это тебе нужно для тренировки. Я ведь тоже когда-то учился. Помнишь: если какой-то орган тела не упражняется, он отмирает? Ну, обживай новое место. Через пару дней я приеду.

Серый по всей вероятности был троечником в школе или второгодником. Неупражняемый орган действительно отмирает. Но это происходит в ряде поколений. На это нужны десятки и сотни тысяч лет. А много ли лет у меня в запасе? И произведу ли я на свет другое поколение?

После ухода Серого ко мне вошла хозяйка, вихляя мощными формами и сияя железно-золотыми зубами. Все-таки прогресс, подумал я, имея в виду железные и золотые зубы. У наших предков зубы просто выгнивали. Или их выбивали им собратья и начальники. Любопытно! На всех старых портретах люди изображены с закрытыми ртами. Почему? Скорее всего потому, что зубы были испорчены. Думаю, что многие красотки прошлого ходили с гнилыми зубами, и целоваться с ними было не очень-то приятно.

- Снял хотя бы ботинки, - сказала Хозяйка беззлбно (я одетый валялся на койке). - Да и штаны тоже. Зачем зря мять костюм?

Я промолчал. А про себя подумал, что первый шаг в нашей любви с первого взгляда сделан. Потом Хозяйка осудила "нынешнюю молодежь" - ребят за длинные волосы и бороды, а девчат - за короткие волосы и брюки. Потом она все-таки согласилась, что некоторым бороды идут. И брюки тоже идут стройненьким девочкам.

- На мою задницу, - призналась она, втайне гордясь ею, - брюки ни в какой Европе и Америке не сыщешь. Там таких задниц нет. Там все

бабы костлявые.

Хозяйка еще что-то бормотала, а я уже уснул. "Столица, - подумал я, - а такой дремучий провинциализм".

Под утро мне приснился Антипод.

- Меня, - сказал он, - изолировали, как только моя рукопись попала в ЦК. Но я не ощущаю себя побежденным. Сам тот факт, что сначала изолировали меня, а не тебя, говорит о том, что я опаснее. Значит, будущее за мною.

- Согласен, - ответил я. - А что такое будущее? Никакого будущего реально нет. Будущее есть безнадежная мечта неудачников, знай это!

Розовый

Серый появился через пару дней, как и обещал. Надо отдать ему должное, он точен и правдив. У меня зародилось доверие к нему. Мы поехали в Москву, поговорить с "одним дельным человеком". Дельный человек оказался мне, в отличие от Серого, розовым. Между Серым и Розовым состоялся такой разговор.

- Сейчас вся интеллигенция свихнулась на йоге. Кое-кто на этом неплохо зарабатывает. А этот вот тип (кивок в мою сторону) свою собственную йогу изобрел. Нашу, советскую. И, между прочим, получше заграничной. А разбазаривает свою систему всем, кому не лень. И задаром.

- И ему верят?

- Нет, конечно. Потому что бесплатно. И организации никакой. А если организовать дело как следует и денюжки брать, поверят. За свои деньги во что угодно поверишь. Нужен основной капитал. Снять помещение. Взятки - надо же официальное разрешение получить. Лекции отпечатывать. Литературу закупить для впечатления. А она у спекулянтов сумасшедших денег стоит. Кое-какой спортивный инвентарь. Наглядные пособия. Этого кретина... не обижайся, друг, это я люблю... надо быть кретином, чтобы такие мысли всякой шантрапе задаром отдавать!... Его надо в божеский вид привести. Тылы обеспечить. Да и штат кое-какой потребуются.

- Что же, замысел стоящий. Есть встречное предложение. Сейчас модно голодать для здоровья и красоты. В нынешних условиях продовольственных затруднений идея голода как могучего средства прогресса во всех отношениях пришлась весьма по душе властям. Во всех газетах статьи на эту тему. Институты и больницы специальные создали. Теории выдумывали. Голод есть путь к изобилию! Голод есть путь к долголетию! Голод есть залог здоровья!! Каково? Под этим соусом и нам надо повернуть нашу школу замороженной рязанской йоги. Это будет в духе времени и партийной установки. Разрешение получить легче. А тебе, Учитель, партийное поручение: в две недели выдумать марксистскую теорию голода. Стукачей вам не

избежать, так что в каждой лекции должен быть кусок из этой теории! Понял? Ну что же, считайте, что договорились. Выпьем за первую отечественную школу сойгоги!

Буддизм и мы

Советуешь ты нашей русской рвани
В буддизм податься и застыть в нирване.
Но мы не йоги, а, увы, Ивановы.
Нам дорасти бы до обычной ванны.

Я признаю, что в буддизме есть кое-что верное и полезное. Но в общем и целом я его отвергаю, и главным образом потому, что буддизм отвергает существование "я" или призывает уничтожить его на том основании, что его нет. Моя система исходит из "я", предназначена для "я", защищает "я" и развивает его до предела. Она, увы, совсем не йога, а скорее антийога.

Учись у учеников своих

Я сказал Серому, что такой поворот дела мне не очень-то нравится. - А ты думаешь, нам нравится возиться с твоими идеями? - спросил он. - Чего ты хочешь? Проповедывать свое учение. Мы тебе предоставляем эту возможность. Но не ради твоих дурацких идей (у нас своих идей в избытке), а ради денег. Мы и не скрываем этого. Так что все вроде бы по-честному. Имеешь ты другую возможность публично проповедывать? Нет, конечно. Так что у тебя другого выхода нет: только участвуя в мошеннической проделке, ты можешь нести миру Свет и Чистоту. Только через Грех лежит путь к Святости. Уверяю тебя, если бы ты узнал всю правду об условиях деятельности Христа, ты нас счел бы непорочными ангелами. Одним словом, хватит ныть. За дело! Вот тебе деньги. Купи приличную одежду. Отмойся как следует. Белье поменяй. Волосы и бороду подправь. И мой их иногда - эффективнее будешь выглядеть. Чем красивее Учитель, тем успешнее проповедь. Христос наверняка был красивый мужик. Не зря же его бабы любили. Ты должен на высоте держать марку нашей фирмы. Понял? Большинство твоих учеников будут, как и у Христа, бабы. Многие из них (если не все) захотят переспать с тобой. Не рыпайся, это естественно. Не подкачай! Для этого ты должен хорошо питаться. Я знаю подоплеку сборищ такого рода: секс, секс и еще раз секс. Ничего страшного в этом нет. Уверен, что Христос этим путем гораздо больше влиял на людей, чем во

время благопристойных лекций. Как у тебя по части секса? Я тебе дам кое-что почитать. Фотографии посмотреть дам. Это дело, брат, серьезное. Бабы в таких случаях рассчитывают на высокий уровень квалификации. Хотя, не мне тебя учить этому делу. Ты же лечишь от импотенции. Слух был, что ты все партийное руководство области обучил современным западным методам секса. Верно? В лекциях этот аспект учения постарайся тоже осветить. Свяжи это с голоданием. Секс голодающих, - чем плохая тема для лекции? После такой лекции число учеников удвоится, пари держу!...

Сговор

Серый встретил меня на вокзале с молодым парнем, который представился как сотрудник нового научно-исследовательского института Академии медицинских наук, созданного специально для изучения явлений, которые еще не так давно отвергались совсем или критиковались как проявления буржуазной идеологии. В институте есть специальная лаборатория лечения голодом. Заведует лабораторией кандидат наук, который готовит докторскую диссертацию. Парень - его ассистент. Мы отправились в ближайший ресторан. Заказывал Серый. И расплачивался он же. Ассистент предложил нам сотрудничество. Лаборатория дает нам документы, необходимые для официального разрешения на открытие "школы" или "курсов", аренду помещения, приобретения оборудования и найма сотрудников. Мы же со своей стороны работаем под контролем лаборатории. Не пугайтесь, контроль - чистая фикция. Делайте, что хотите. Это - необходимая формальность. И, конечно, плата за услугу. Просто несколько сотрудников лаборатории (заведующий, он - Ассистент, кое-кто еще) будут числиться у нас на полставки, получая формально чисто условную мизерную плату. Для отчетов. Ну, сами понимаете, плата фактическая... Допустим, пятьсот рублей заведующему в месяц, двести пятьдесят - Ассистенту, двести пятьдесят "кое-кому" еще. Кроме того, Ассистент будет посещать иногда мои занятия... Это нужно для диссертации заведующего. Само собой разумеется, если мои лекции будут отпечатаны, они получают их в первую очередь. Перед печатаньем они будут просматривать. Не исключено, что заведующий будет фигурировать в них как научный консультант. Или... Но это - потом, в рабочем порядке решим.

Упившись, Ассистент рассказал нам, что из себя представляет их "шарашкина контора". Сплошное жульничество. На этом фоне то, что создавали мы, выглядело чистойшей, честнейшей и высочайшей наукой.

- Но, - сказал Ассистент, - и у нас есть кое-что заслуживающее внимания. Только это - между нами. Есть секретная лаборатория.

Специально для высших лиц. Там такие штучки вытворяют, что лучше об этом не говорить. Этот "кое-кто" - оттуда. Будьте с ним осторожны. Нет, доносить не будет, это не его дело. Стукачей у вас будет и без него достаточно. Его задача - установить, чем можно попользоваться в их лаборатории. Предупреждаю! Если заметит что-то стоящее, пишете - пропало. Так что, ребята, занимайтесь шарлатанством, задуряйте голову, мистифицируйте, хохмите. Но чтобы ничего серьезного. Поняли?

После этого разговора настроение у меня совсем упало. Ничего серьезного!... А как это сделать? Жульничать и притворяться я не умею. Я могу действовать только искренне, честно и серьезно. Я же - Бог, а Бог не умеет обманывать и мошенничать.

- Не унывай, - сказал мне Серый. - Эту сторону дела я беру на себя. Тут я профессионал. Твое дело - лечи, учи, спасай, помогай. Без всякой подделки! Мошенничество лишь тогда приносит успех, когда оно основывается на прочном базисе серьезности, честности, правды. Понял? Это, брат, аксиома всякой крупной общественной деятельности.

Я слушал все это и спрашивал себя: кто тут Бог? Кто Учитель? Кто сопливый недоучка, наивный щенок, жалкий провинциал? Попади Христос в лапы таких "учеников", не было бы западной цивилизации.

Ученики

- А где мы найдем учеников? - спросил я Серого после того, как были выполнены все формальности с арендой помещения (актовый зал в школе) и приобретены самые необходимые пособия. - Не давать же объявление в газете и по телевидению!

- В этом нет надобности, - сказал он. - Через неделю у нас отбоя от учеников не будет. Главное - найти первых энтузиастов. А они развоняют о нашей школе на всю Москву лучше всякой рекламы, - неоспоримое преимущество нашего образа жизни перед западным. Несколько учеников нам поставит Ассистент. У меня есть знакомые, работающие в различных учреждениях Москвы. Я уже дал им нужную информацию. В ближайшую субботу должны сказаться результаты. Через пару недель человек тридцать наберется. А через месяц будет по крайней мере триста желающих. Проверено на опыте предшественников!

Серый оказался прав. Через десять дней набралось пятьдесят человек для первой группы.

- Превосходно, - констатировал Серый первый успех. - Через месяц мы покроем все расходы по организации фирмы и начнем качать чистую прибыль.

Программа школы и штаты

Полный курс Школы должен состоять из теоретических занятий (лекций), практических занятий (показ упражнений), индивидуальных консультаций и сеансов. Для теоретических занятий я получил двух ассистентов (младших научных сотрудников одного научно-исследовательского института Академии Наук). Задача их - запись и перепечатка моих лекций, составление списка рекомендуемой литературы, консультации по моим лекциям и также по литературе, а также ассистирование мне во время частных консультаций и сеансов. Для практических занятий мы наняли двух студентов циркового училища (парня и девушку) и двух студентов театрального института (тоже парня и девушку). Занятия строились так. Раз в неделю я должен читать теоретическую лекцию. Затем проводить практические занятия, упомянутые студенты по моим указаниям будут показывать ученикам нужные упражнения и учить делать их самим. Раз в неделю я буду приезжать для личных консультаций и сеансов. В зависимости от особенностей пациентов (а это будут не только ученики, но и просто случайные люди, услышавшие что-то о Школе) мне будут помогать все упомянутые ассистенты, которых я должен инструктировать специально. Школа еще не начала функционировать, а штат сотрудников достиг двенадцати человек.

- Хватит, - сказал я Серому. - Цифра символическая. Помните, что уже среди двенадцати верных апостолов Христа один оказался предателем.

- Чудак, - засмеялся он, - теперь не те времена. Не успеет отзвенеть будильник, как все твои ученики без исключения предадут тебя. Но не бойся! Предательство в нашем обществе тоже имеет свои законы. Мы еще имеем достаточно времени, чтобы взять то, что предназначено не Богу, а Кесарю.

Как меняются времена! В те времена мои ученики предали бы меня до петушиного крика. А тут - звон будильника! Чувствуете разницу? Петух - от Бога, а будильник - от Дьявола. Как видите, и тут мое положение много хуже, чем у Христа.

Начало школы

К первой лекции меня тщательно подготовили. Серый привел меня в какую-то московскую квартиру, где я принял ванну, сменил белье, надел новый костюм. Потом он повел меня к самому модному парикмахеру, и тот из моей всклокоченной бороды и гривы перепутанных волос сделал чудо красоты.

- Если бы я был кинорежиссером, - сказал парикмахер, любуясь своей работой, - я бы специально для тебя написал сценарий и поставил бы

фильм о Христе. Уверяю тебя, ты сразу стал бы одним из самых знаменитых актеров в мире. Миллионером!!...

Серый сказал, что это неожиданное мое превращение в голливудского красавца-Христа может нам здорово повредить. Надо уровень красоты несколько снизить. Впрочем, это произойдет само собой. Такую красоту надо беречь и холить. Не будешь же ты каждый день мыть и расчесывать свои локоны?!

После парикмахера мы пообедали в ресторане. Потом часок погуляли (пищу переварить и нервы успокоить). К Школе мы подъехали на машине, хотя пешком можно было дойти за десять минут, - Серый сказал, что Великий Учитель должен въезжать в свой Иерусалим на своем автомобиле. Автомобиль был чужой, Серый нанял частника привозить меня в Школу и отвозить из нее. Я знал это, но утешал себя тем, что ведь и Христос въехал в Иерусалим не на собственном, а фактически на украденном осле. Мы по крайней мере не украли автомобиль, а наняли. Интересно, вернул потом Христос осла обратно хозяину или нет? Боюсь, что нет. Но я его не осуждаю.

- Ну, с Богом, - сказал Серый, открывая дверь актового зала, где уже собрались ученики, и втолкнул меня туда.

Зал был набит битком. Мой вид, очевидно, ошеломил собравшихся. Наступила мертвая тишина. Все встали. Десятки немигающих глаз уставились на меня. И я ощутил в себе силу, светлость и радость необыкновенную.

Первая проповедь в столице

- Посмотрите на меня, - сказал я. - Видите, я строен, красив, у меня стальные мускулы. Посмотрите на мои волосы. Часто ли вам приходится видеть такие? Я круглый год, в любую погоду хожу без головного убора. У меня вообще нет никакой зимней одежды. Могу много дней обходиться без пищи, не испытывая голода. И могу в день съесть пять обедов, не испытывая пресыщения. Я могу мгновенно уснуть в любом положении, даже стоя, и спать ровно столько, сколько прикажу себе. Но могу несколько суток обходиться без сна, не испытывая сонливости. Я ничем не болю. А если замечаю возможность болезни, предупреждаю ее усилием воли. У меня всегда прекрасное расположение духа. Я подавляю отрицательные эмоции. Я умею наслаждаться всем, видимым, слышимым и осязаемым мною. Если я одинок, я испытываю радость одиночества. Если я среди людей, я испытываю радость общения. Я... Я... Мне... Меня... Я... Я... Я не был рожден таким. Я не был воспитан таким семьей, школой, университетом, учреждением, пропагандой... Я сделал себя таким сам по доброй воле, изобретя для этого свою собственную систему жизни, неукоснительно следуя ей, тренируясь на это

постоянно и превратив принципы своей системы в свою привычную натуру. Я научился счастливо жить в обществе нищеты, пошлости, подлости, грязи, насилия, зависти, стяжательства, скуки, злобы, серости, зависти и убожества. Я создал свой взгляд на мир и тем самым создал свой мир. Этот мир прекрасен. Я научу вас стать такими, как я сам, научу вас строить свой прекрасный мир и жить в нем счастливо, каким бы ни был тот мир, из которого вы пришли сюда. Я научу вас этому по-своему. Я говорю вам: если вы хотите стать такими и войти в этот мир, входите в него и идите рядом со мною...

Одиночество

Я в эту проповедь вложил столько сил, что по окончании ее почти потерял сознание. Восторженные, неистовавшие ученики бросились было ко мне, но Серый остановил их: Учителю нужен отдых. Он увел меня в соседний пустой класс, усадил за парту, обнял, как любимое дитя.

- Ты, старик, молоток, - сказал он. - Ты цены себе не знаешь. Ты же - золотая жила. Ты один - целый Клондайк. Нет, ты алмазная россыпь размером с угольный бассейн. Ты... Ты... Ну, сейчас мы отметим успешное начало в самом шикарном ресторане. Заказывай, что душа пожелает! А потом - к девочкам. У нас, старик, штук десять приглашений! Успех! Феноменальный успех!

Я сказал, что мне ничего не надо, что мне надо побыть одному, сосредоточиться и восстановить духовные силы. С черного ход. я незаметно выскользнул на улицу и пошел, куда глаза глядят. Я превратился в дряхлого старика. Плечи мои обвисли, мускулы одрябли и исчезли совсем. Волосы слиплись в жирные пряди. Угроза и страх бессонницы овладели моим сознанием. Вокруг суетились люди, - десятки, сотни, тысячи людей. Одиночки, пары, толпы. Но они не видели меня. Я для них не существовал. На меня накатился ужас безнадежного и бесконечного одиночества. Мне некуда было идти. Мне негде и не с кем было остановиться.

- Боже, - шептал я в отчаянии, - что происходит со мной? Научи меня тому, от чего хотят избавиться и что хотят одолеть эти люди! Дай мне хотя бы самую малость человеческого счастья, - дай мне хотя бы крупицу пошлости, подлости, злобы, зависти, корысти, лжи, предательства, скуки... Дай мне все то, чем живы люди! Верни меня в этот ужасный, но прекрасный человеческий мир.

Мои апостолы

Мои апостолы оказались способными помощниками, с удовольствием включились в игру, много выдумывали от себя, так что их приходилось сдерживать. Через пару месяцев они так насобачились подражать мне, что любой из них мог открывать свою собственную школу. Я им постоянно твердил, чтобы они не торопились воображать себя способными на то, что делаю я. Легко усвоить внешние формы поведения. Но глубинные секреты мастерства постигаются годами. Главные мои методы будут доступны им по крайней мере через год, да и то в минимальной степени. Но, увы, ученики редко слушаются учителей в таких случаях и сами стремятся как можно скорее стать учителями.

Вскоре, однако, обнаружился другой аспект деятельности моих помощников, объяснивший их энтузиазм и успехи в первом, упомянутом выше аспекте: корысть. Они развернули "левую" деятельность за мой счет (консультации якобы от моего имени) и стали брать с учеников и пациентов взятки по каждому поводу, главным образом - за прием "без очереди", за "секретную литературу", за "новейшие методы лечения", короче говоря - за все. Одна женщина, приходившая ко мне лечиться от рака матки, заплатила моему "секретарю" (Серому) двести рублей за один прием и сто рублей одному из моих ассистентов якобы за блат. Это превратилось в систему. Я сказал Серому, что нам нужны специальные люди для надзора за жуликами, иначе они совсем дискредитируют нашу Школу и привлекут внимание милиции. Серый сказал, что от этого будет еще хуже, ибо надсмотрщики будут мошенничать вместе с апостолами. Мы теперь работаем по общим законам советского общества, и избежать таких явлений в принципе не сможем. Но сократить или по крайней мере ввести их в терпимые рамки можно, пользуясь обычными советскими методами коммунистического воспитания и контроля общественности. Необходимо провести общее собрание!

На собрании с докладом об итогах работы Школы в прошедшем полугодии выступил Серый. В разделе о недостатках нашей работы он рассказал и о случаях нарушения социалистической законности. Он предупредил, что если такие случаи будут продолжаться, придется ставить в известность милицию, а это, сами понимаете, пахнет плохими последствиями.

После собрания апостолы некоторое время вели себя прилично. Но потом снова распоясались и с удвоенной силой стали обирать учеников и пациентов. Кое-кто стал принимать пациентов у себя дома. Студентка театрального института устроила что-то вроде своей школы красоты. Узнав об этом, Серый уволил ее. Через месяц, однако, ее Школа красоты прогорела, и она пришла снова к нам "доучиваться". Но место ее уже было занято,- Серый устроил на это место свою любовницу, которая деньги брала, но не работала.

Переселение

В связи с тем, что возросло число желающих пройти полный курс в Школе и число людей, жаждущих получить у нас консультацию по самым различным вопросам, пришлось удвоить число моих приездов в Москву, и моя жизнь за городом стала обременительной. Тем более моя Хозяйка буквально измучила меня своей похотливостью. Я все чаще оставался ночевать в городе, главным образом - у моих учениц и пациенток, что точно также подтачивало мои силы. Я взбунтовался и потребовал от Серого снять мне комнату в Москве. Он согласился, но почему-то неохотно. Я не стал выяснять причину этой неохоты, - это его дело. Мне было важно одно - возможность отдохнуть после тяжелых занятий в Школе и уединиться для размышлений. К занятиям, между прочим, надо было готовиться. Я делал это в поезде. Но это было терпимо пару раз в неделю, а не четыре. К тому же занятия пришлось сместить так, что мои поездки выпадали на часы, когда поезда были набиты сверх меры.

Наконец, Серый нашел мне хорошую комнату на окраине города, в чистой и тихой квартире. Хозяева - одинокие старики, чему я обрадовался особенно. И добрые. Они сразу проявили ко мне что-то вроде родительских чувств и стали за мной ухаживать, - подкармливать, стирать и чинить белье. Я сомневался, что Серый оплачивал это, и отдавал им часть своих "карманных" денег. Они настолько вошли в роль родителей, что не ложились ночью спать до тех пор, пока я не приходил домой, и очень сердились, если я не приходил совсем. Мне такая жизнь пришлась по душе. И я начал подумывать о том, чтобы покончить со Школой, найти какую-нибудь работенку и пожить нормальной семейной жизнью хотя бы несколько лет. Я же впервые попал в семейную обстановку!

Соблазны и намерения

С первых же дней работы в школе на меня обрушились соблазны. Первым делом меня попытались вовлечь в некую религиозную секту. Потом было несколько поползновений со стороны гомосексуалистов, несколько попыток старых баб с квартирами и хорошей зарплатой женить на себе, несколько предложений позировать художникам и даже сниматься в кино. Я действительно являл собою зрелище живописное. Работал я до изнеможения - лекции, уроки, консультации, визиты... Отощал. Глаза стали огромными и горящими. Начали сесть волосы и борода. Когда я шел по улицам, меня принимали за индийского йога, приехавшего работать в Советский Союз - помогать создавать советскую школу йоги. Парень из института, о котором говорил Ассистент и который аккуратно посещал все мои занятия, предложил устроить меня на

постоянную работу в их секретную лабораторию. Он соблазнял меня отдельной квартирой, высокой зарплатой и кандидатской степенью через три года.

- Ты себе цены не знаешь, - говорил он. - Ты же такие чудеса мог бы творить в нашей лаборатории! Ты бы сразу поднялся до самых высших лиц! До Самого! Наверняка тебя бы сразу включили в Его Личную группу. Соглашайся добровольно. А то ведь все равно рано или поздно вашу лавочку прикроют, а тебя передадут нам. Только уже без тех благ, какие ты можешь иметь сейчас.

Я отсекал все эти соблазны. Я хотел одного - выложиться до конца, как можно больше отдать людям из того, чем я обладал. Не может быть, думал я, чтобы все пропало впустую. Что-то останется в людях от меня, что-то сохранится и даст ростки. Задача Бога - посеять свои семена в душах людей. Посеять как можно больше, ибо лишь немногое может сохраниться и дать жизнь.

Прошло три месяца без особых изменений. Я работал, как одержимый. Я чувствовал необычайный подъем. Чувствовал, что люди слушают меня и хотят слушать. Во время моих лекций нами всеми владело состояние, которое я бы назвал священным трепетом за неимением более сильных выражений. Может быть слово "экстаз" здесь подойдет. Антипод называл это коллективным психозом.

Тот парень, о котором я упоминал, снова имел со мной разговор.

- Решайся, - сказал он, - остались считанные дни. Этой лавочке скоро конец.

Я сообщил о разговоре Серому. Тот не на шутку встревожился.

- Кажется, дело идет к развязке, - сказал он. - Пора сворачиваться. Объявим новый расширенный набор учеников!

Желающих на сей раз оказалось более тысячи. И все внесли месячную плату в качестве аванса.

Конец Школы

Серый сам приехал ко мне.

- Обстоятельства сложились так, - сказал он, - что нашу лавочку придется закрыть раньше, чем мы предполагали. Вот тебе паспорт на имя..., билет на самолет в Н, адрес и деньги. Этим денег тебе хватит месяца на три. Отдыхай, загорай, отсыпайся. В Школу больше не появляйся - она уже не существует. Вернее, она уже в ведении КГБ. Мне было жаль мою Школу - я к ней привык. И не изложил еще и половины своих идей. Но делать было нечего. В Н я решил не лететь: что мне там делать? Билет и новый паспорт выбросил. Решил, что мой старый лучше, хотя временная прописка кончилась, а возобновить без Серого я не смогу. Мои старики ни за что не хотели меня отпускать, решив усыновить меня и добиться постоянной прописки.

Что было

Ночью ко мне пришел сам Христос, и мы с ним поговорили с полной откровенностью.

- Скажи честно, - спросил я его в конце беседы, - был ты на самом деле или нет?

- Был, - ответил он.

- Ты на самом деле сын Божий?

- Не говори глупостей! Никакого Бога нет. Мои родители - обычные люди.

- Кто был ты?

- Целитель, проповедник, или учитель. Таких, как я, было много.

- Но ты был крупнее всех?

- Вряд ли. Сравнить невозможно.

- Но почему же?...

- Потому что меня казнили.

- За что?

- Слишком много развелось учителей вроде меня. Это обеспокоило римские власти. Они решили покончить с нами. Для назидания прочим выбрали меня и казнили.

- Почему тебя?

- Мою кандидатуру им предложили еврейские священники. Они не любили меня за то, что я становился популярен как целитель.

- Ты не воскресал?

- Нет, конечно. Тот, "воскресший", был самозванец.

- А учение?

- Кое-что из того, что сохранилось, проповедывал я сам. Кое-что мне приписали от других. Но главное содержание моего учения не сохранилось.

- Что именно не сохранилось?

- Все то, чему учил ты.

- Как?! Неужели и тогда?!...

- Эти истины вечны. Пройдет время, и их снова откроет кто-нибудь. В нашем деле авторство сохранить невозможно. Да оно и не играет роли.

- Что будет со мной?

- Ничего.

- Как так?! Я же!...

- Именно поэтому.

Поцелуй Иуды

Блаженствовал я всего три месяца. Смешно, мои старики добивались для меня постоянной прописки и затеяли дело об усыновлении, я ходил с ними по всяким учреждениям, в том числе - в милицию, где

затребовали справки из моего города и получили их, а в это время был объявлен всесоюзный розыск меня как важного государственного преступника. Я узнал об этом потом. Если бы я сбрил бороду и укоротил кудри, меня бы так и не нашли. И зажил бы я счастливой жизнью единственного и любимого сына в тихой семье. Но от судьбы не уйдешь. Меня случайно встретил на улице один из бывших учеников и вызвал милицию. И тут аналогия с Христом. Очевидно, тут тоже есть некое общее правило.

Преображение

Первым делом мне остригли голову и сбрили усы и бороду. Из-под моей волосатости показался тощий мальчишка с растерянными глазами, - жалкое зрелище для Бога. Увидев меня в таком виде, следователь схватился за голову.

- Боже мой, - вырвалось у него, - с кем мы воюем?! А что делать? Я бы тебя, парень, отпустил домой. Но я - не Бог. Слишком много развелось всяческих "святых", "целителей", "учителей", "пророков". Есть директива свыше покончить с ними и провести показательный процесс. Твое дело сочли наиболее подходящим. Дело миллионное. Пахнет высшей мерой. В назидание прочим. Понял, в какую грязную историю ты вляпался?

Выбор

Мне предложили на выбор: либо я признаюсь, что я - мошенник, раскаяюсь и призову прочих жуликов такого рода последовать моему примеру, и тогда мне дадут небольшой срок, либо я упорствую, и тогда... Как быть? Я сравнил свое положение с таковым Христа.

Я тоже невиновен, как и Христос. Но он не был ничьим сообщником и орудием, а я был орудием и сообщником преступников. Он был беспределно одержим ролью Бога, а у меня дважды возникало желание отказаться от своей претензии быть Богом. Если бы меня не схватили, то не исключено, что я сделал бы это. Мне надоело быть Богом. Исход суда не зависел от поведения Христа, он не вынуждался к сотрудничеству с судьями, у него не было выбора. Потому он был пассивен. Он не раскаялся в содеянном. Меня же принуждают к сотрудничеству с судьями. И если я помогу им разоблачить меня самого и мне подобных, мне сохранят жизнь. Мне искренне захотелось помочь судьям.

- Где же твоя религия сопротивления и бунтарства? - послышался мне ехидный голос Антипода. - Ты скатился ниже самого Христа в его рабско-холуйской установке на непротивление злу. На Христа

насильно взвалили крест, на котором его распяли. А ты?... Я презираю тебя. Тебя выручает только одно: из того материала, какой собрало следствие, при всех комбинациях и ухищрениях следует то, что ты - единственный, кого не за что судить. К тому же и у тебя фактически нет выбора. Судьба твоя все равно предreshена, признаешь ты себя преступником или будешь настаивать на своей невинности. Тебя все равно осудят на казнь в назидание другим. Это уже решено на самом "верху".

И я избрал путь Христа: безразличия к суду. Я решил молчать. В начале лаптизма, как христианства, должна быть невинная и беззвучная жертва.

Адекватность эпохе

Я в доказательство показывал вам раны.

И все же вами я остался неопознан.

Я понял это слишком поздно,

Что я вернулся слишком рано.

Или, скорее, понял рано,

Что возвращаться уже поздно.

Суд

Суд устроили показательный, в зале какого-то клуба, с представителями трудящихся, с прессой. Но задуманный спектакль не получился. Первый элемент неожиданности в ход процесса внес я сам: я отказался от защитника, заявив, что буду защищать себя сам согласно своему принципу: никакой защиты! Невинный не нуждается в защите. Самая мощная защита невинного - полная беззащитность. Мой отказ от государственного защитника и его мотивировка вызвали оживление в зале и замешательство суда.

Второе оживление в зале наступило в связи с выступлениями экспертов. А их было довольно много - врачи, ученые, философы и даже поп! Последний выступал как эксперт по проблемам религии. Он был преподавателем в Духовной Семинарии в Загорске. Другой эксперт по тем же проблемам был профессором в Институте атеизма при Академии общественных наук. В зале начался смех, когда объявили, что экспертами по проблемам религии выступают представители столь противоположных организаций. Выступления обоих экспертов сопровождалось смехом и аплодисментами, причем нельзя было понять, являются аплодисменты одобряющими или порицающими. Философ уличал меня в том, что я претендую на роль Бога, тогда как, согласно марксизму-ленинизму, никакого Бога

нет, Бог - опиум для народа, поповская выдумка. Представитель же православной церкви уличал меня в том, что мое учение ложно, но уже согласно христианской религии.

Настоящая комедия началась, когда стали давать показания свидетели. Вот несколько примеров.

Свидетельница - огромная полная женщина килограмм на сто пятьдесят, ярко накрашенная, увешанная драгоценностями.

Судья: С какой целью Вы обращались за "консультацией" к обвиняемому?

Свидетельница: С целью похудения (в зале смех).

Судья: Ну и похудели?

Свидетельница: Пока посещала Школу, похудела на пятьдесят килограмм (смех в зале).

Судья: А потом?

Свидетельница: Поправилась на шестьдесят (гомерический хохот в зале).

Судья: И сколько Вы за это заплатили?

Свидетельница: Тысячу рублей (крики негодования в зале).

Судья: Выходит, по двадцать рублей за килограмм. Дороговатое мясо (в зале аплодисменты, смех). На рынке и то дешевле (аплодисменты, смех).

Свидетель - крупный мужчина кавказского типа. Говорит с акцентом. Жестикулирует.

Судья: С какой целью Вы обращались к обвиняемому?

Свидетель: С целью для импотенции (смех в зале).

Судья: От импотенции или для импотенции (хохот в зале).

Свидетель: Я не понимаю, чего ты хочешь. Говорю тебе русским языком: чтобы член стоял, понял?! (в зале гомерический хохот)

Судья: Где не понять?! Ну и как, помогло?

Свидетель: Да еще как!! (смех) Пока посещал школу. Потом опять.

Судья: Что опять?

Свидетель: Не работает! (смех).

Судья: И сколько же Вы отвалили за то, чтобы... работал? (смех)

Свидетель: Десять.

Судья: Рублей?

Свидетель: Десять тысяч. (Гневные выкрики)

Судья: И сколько раз он у Вас работал за эти десять тысяч?

Свидетель: Десять раз! (Смех. Крики: "Все-го-то!")

Судья: А не дороговато?

Свидетель: Если бы я имел миллион, я бы и его не пожалел для такого дела! (Смех, аплодисменты)

Судья: Деньги вручили лично обвиняемому?

Свидетель: Нет, его секретарю.

Судья: А почему не лично?

Свидетель: Секретарь сказал, что Учитель никогда не осквернит своих рук прикосновением к деньгам.(Смех)

Свидетельница - женщина лет пятидесяти, изможденная, рано постаревшая. На вопрос судьи, с какой целью обращалась к обвиняемому, ответила: с целью омоложения.

Судья: Помолодели?

Свидетельница: Нет.

Судья: Почему?

Свидетельница: Не успела. (Гомерический хохот в зале)

Судья: Сколько заплатили?

Свидетельница: Пять тысяч. (Крики)

Судья: Как же Вы попались на это?

Свидетельница: Секретарь учителя познакомил меня с двумя женщинами, которым по документам было за сорок, а выглядели они моложе тридцати. Они и сказали, что прошли курс омоложения у Учителя.

Судья: Вы не узнаете этих омолодившихся среди обвиняемых?

Свидетельница: Узнаю. Вон те...

Судья: На самом деле одной из них двадцать три, другой - двадцать пять. В чем же состоял курс омоложения?

Свидетельница: Секретарь сказал, что Учитель обладает необычайно мощной сексуальностью. Каждый сеанс омолаживает на год.

Судья: Ну и как?

Свидетельница: Ничего особенного. (Смех)

Судья: Значит, Вы разочарованы?

Свидетельница: Нет. (Смех) Просто у него таких омолаживающихся, небось, сотни.(Гомерический хохот)

Свидетель - тощий мужчина с очень некрасивым лицом, распухший нос, под глазом синяк. Цель занятий с Учителем - улучшение внешнего вида (лица и фигуры). После этих слов свидетеля в зале творилось нечто невероятное. Минут двадцать успокаивали. Свидетель, показывая на нос и синяк, сказал, что это его в милиции разрисовали. Судья сказал, что правильно сделали (аплодисменты). В следующий раз за сопротивление властям получит срок. Кому платил деньги и сколько, не помнит, поскольку был всегда пьян. Улучшилась ли его внешность? А ему наплевать на внешность. (Смех). Бывает и хуже.(Смех, аплодисменты). Ему было приятно провести время в хорошей компании, поговорить с умными людьми. Баб было полно. (Смех). Правда, в основном - толстые, старые и страшные. (Гомерический хохот). Зато не жмоты.(Смех).

Свидетель - молодой мужчина, сильно заикается. Лечился от

заикания. Перестал заикаться. Полгода говорил нормально. А когда узнал, что "Учитель" - жулик и шарлатан, почему-то снова стал заикаться. Смех в зале остановить не удалось. Пришлось сделать перерыв.

На другой день суд продолжался уже не в большом зале клуба, а в небольшом помещении Народного Суда.

Убедительной картины моей преступной деятельности из судебного спектакля не получилось. Но прокурор все равно потребовал высшей меры. Мне предоставили последнее слово. Я не выдержал роли молчаливника. Я сказал, что слагаю с себя полномочия Бога. Если кто из людей захочет стать Богом, пусть будет им. Место освободилось. И это очень просто, стать Богом: иди на Голгофу! Но это очень трудно быть Богом: надо идти все-таки на Голгофу!

В зале раздались крики возмущения. Потребовали разъяснить, что это такое - "Голгофа". Прокурор сказал, что это - гора в Израиле, на которой согласно религиозной легенде был распят Христос, которого на самом деле не было, которого идеологи господствующих классов выдумали с целью... Снова раздались крики с требованием выгнать меня в Израиль, "поставить к стенке", сослать в урановые рудники!... Суд удалился на совещание. Я опустил на скамью и оцепенел в ожидании.

Ожидание

Я встречал людей, приговоренных к казни, но уцелевших волею случая. И никто из них не мог ничего рассказать о промежутке жизни между приговором и казнью.

- В это время просто ничего не было, - сказал человек, один раз неудачно расстрелянный немцами, а другой раз - столь же неудачно своими. - Оказался бы ты сам в таком положении, то ты понял бы, что тут нечего понимать.

Теперь я понимаю этих людей. Тут действительно нечего понимать, ибо тут пусто. Мне не дают еды, а я не ощущаю голода. Мне не дают воды, а я не ощущаю жажды. Я не ощущаю хода времени. Сколько я здесь? Неделью? Месяц? И я не сплю. Я оцепенел в ожидании, и все. Болван! Ты забыл о главном деле твоей жизни, - о Боге! Вспомни о Нем, и ты вновь ощутишь полет времени, тесноту пространства, жажду, голод, боль в теле. Ощувив страдания, моли у Него силы достойно человека перенести их. Иначе - пустота и оцепенение.

В памяти возникла Богиня.

- Как ты живешь? - спросил я.

- Как все, - сказала она. - Сейчас сплю по очереди с хореографом и директором. Прима-балерина принуждает сожительствовать с ней, иначе она не допустит меня на хорошую роль. Придется соглашаться.

- Ты права, - покорно говорю я. - От той роли, какую уготовили тебе люди, уклониться нельзя. Пошлость есть неизбежный спутник гения. Богиня исчезла. Исчезла как ложная идея, - насовсем и бесследно. И возник Антипод. Возник как абсолютная истина, как приговор, не подлежащий обжалованию.

Приговор Антипода

- Ты много раз призывал людей идти на Голгофу, - сказал он. - Дурак! В России нет Голгофы. В России есть "Лубянка". Сибирь. Колыма. Магадан. А Голгофы нет. И со словами "иди" у нас ассоциируют совсем иное слово - русское слово из трех букв, обозначающее все, что угодно, за исключением Голгофы. И в ответ на твой призыв "Иди на Голгофу!" наш русский человек ответит тебе "А иди-ка ты на...!". И правильно сделает, ибо Голгофы у нас нет и быть не может.

- Вторая слабость твоей позиции, - продолжал Антипод, - тебя зовут Иваном. Иваном Лаптевым. Бог по имени Иван, да еще Лаптев, - согласись, это звучит смешно. Зевс, Юпитер, Будда, Христос - это звучит красиво и возвышенно. А Иван Лаптев - хоть тресни, хоть превзойди их всех вместе взятых, все равно смешно. Все равно не поверят. Люди могут принять любого бога по имени Ганс, Жорж, Джон, Абрам, Иосиф, Карл... Но ни в коем случае - по имени Иван. Иванианство, иванство, иванизм, лаптизм, лаптианство, - этого нам только не хватало, воскликнут люди. Не допустим! Только через наш труп! Вопль насчет трупа я вставил для красного словца. Через труп мы перешагнем. Но не ради иванизма. Мы сами его ни в коем случае не допустим. Чтобы наш брат Иван породил целое иванианство? Не бывать этому! Лучше худой марксизм, чем хороший иванизм! Хотя от марксизма нас с души воротит, он все-таки заграничная штучка, а не наше домотканное барахло.

- Третья слабость твоей позиции, - продолжает Антипод, - уже не наша национальная обреченность, а некая общечеловеческая закономерность. Многие смертные претендовали на статус Бога. Одни - буруеваемые маниакальным тщеславием и властолюбием, другие - маниакальным стремлением спасти человечество. К числу последних принадлежал, по всей вероятности, человек, который вошел в историю под именем Христа. Он не был исключением. Такие люди появлялись до него и после него. Они появляются и в наше время. И будут появляться в будущем, ибо претензия быть Богом есть естественная социальная функция Человека, - вот в чем дело! Конечно, в самих людях есть что-то такое, что находит воплощение в появлении особого рода личностей, вынуждаемых людьми исполнять эту функцию. Конечно тут есть и элемент добровольности, вернее - предрасположенности этих личностей к

такой роли. Но я подчеркиваю социальную природу и принудительность ее, поскольку этого не видят или не хотят видеть. Видят то, что Христос сам взял на себя роль Бога. Но не видят того, что он смог это сделать лишь постольку, поскольку общество нуждалось в этой роли и заставило его сыграть ее, что люди воплотили в Христе частицу своего существа. Бог есть отчужденная общечеловеческая функция, и ничего больше! Ты воспринимаешь свою роль как Волю Небес. А фактически тебя вовлекли в нечто неподконтрольное тебе, в нечто такое, что есть переплетение махинаций авантюристов, чайний шизофреников, политических расчетов, людских несчастий и многого другого.

Мало того, особенности нашего времени наложили свою печать на твою жалкую судьбу. Теперь людей, претендующих на роль Бога и выталкиваемых на нее, появляется слишком много. Теперь уж никого не удивишь явлением Бога как феноменом социальным, подобно тому, как никого не удивишь радиоприемником, самолетом, автомобилем. Подобно тому, как античные и шекспировские трагедии приобрели статус банальных склок любого достаточно большого и целостного человеческого коллектива. Бог утратил былую индивидуальность и исключительность. И потому в отличие от Будды, Христа и Магомета ты не войдешь в историю. Твоя известность и твое влияние ограничится рамками местной устной молвы, отделений милиции и КГБ. Причем, она скоро будет забыта. И никаких следов твоего пребывания в мире не останется вообще.

Многие смертные, повторяю, претендовали и претендуют до сих пор на статус Бога. Когда эту претензию заявляют цари, короли, императоры, диктаторы и вожди, это ни у кого не вызывает раздражения. Это - норма. Даже Сусликов может претендовать на это, - он есть власть, указующая пути человечеству. Но не ты, жалкое существо, находящееся на самом дне человеческой помойки. По условиям нашего времени ты не можешь практически вознестись на уровень своей претензии даже в случае успеха твоей миссии, ибо не сможешь сделать даже одного шага вверх в современной социальной иерархии. В наше время даже Бог должен делать карьеру по законам делания карьеры.

Хотя богов появилось много, само техническое овладение ролью Бога и исполнение ее не стало от этого легче и проще. Ведь не упрощается же автомобиль и радиоприемник, становясь банальным предметом домашнего обихода?! Чтобы выделиться из множества богов в качестве самого великого или в качестве объединяющего Бога, теперь нужна вся мощь современной науки, техники, культуры вообще, вся материальная мощь государства. Это не под силу одному человеку, каким бы сверхгением он ни был. Вспомни, ведь и Будда, Христос и Магомет вознеслись не в одиночку и не только за счет своих личных способностей.

А наш век несет идеологию вместо религии. Он отдает предпочтение Дьяволу, а не Богу.

Вспомни, как шло следствие по твоему делу и как совершался суд над тобой. Сравни это с кипением страстей при решении судьбы Христа. В твоём случае много грязи, подлости, пошлости и прочих низких явлений человеческого бытия. Но никаких страстей. Немного нездорового любопытства. Сугубо формальная кампания. Апатия. Вялость. Расправа беспощадная. Наказание жестокое. Но никакой трагической и даже драматической окраски. Красок вообще нет. Серость с некоторой долей насмешки и раздражения. Чтобы человек стал Богом, общество должно внести в его осуждение и наказание за такую дерзость огромную страсть, соразмерную дерзанию. Наше общество бесстрастно. Оно не способно испытать страха за свою судьбу от чьей-то маниакальной претензии быть Богом.

Осудившие тебя не питают к тебе лично злобы. Они даже симпатизируют тебе. Они все понимают, что ты - жалкое и несчастное существо, игрушка в чужих руках, гений, которому не дали проявить свой чудный дар. Они лишь выполнили свои рутинные обязанности, не вызывающие высоких мыслей и эмоций. Ты безразличен им как личность.

Почему же все-таки тебя судили? В чём состоит твоя опасность для общества? Обман доверчивых граждан и вымогательство денег? Это - заурядное дело, которым занимаются многие тысячи мошенников всякого рода и обычных граждан. В сравнении с ними мы - капля в море. Государству тут никакого ущерба не наносится. Ущерб медицине и науке? Наоборот, такие люди стимулируют развитие новых отраслей науки и медицины. Ущерб государственной идеологии? Ничуть. Ваши пути даже не пересекаются. Более того, вы даете идеологам материал для насмешек и самомнения, оправдание их существованию. Единственно, кому вы наносите ущерб, это - старая религия и церковь. Но ведь это - в интересах государства и государственной идеологии. Так в чём же дело?

Дело в возможности появления на арене истории совершенно нового, непредвиденного никем явления, отличного от науки, идеологии и старой религии, причем - не в одиночном, как в случае Христа, а в массовом воплощении. Все, включая партийных работников, чиновников, ученых, врачей, философов и попов, почувствовали угрозу появления этого подлинного претендента на человеческие души и объединились против него. Люди, включая попов, не хотят пришествия Бога в мир, боятся этого пришествия. Бог несет с собой слишком обременительные обязанности и ограничения. Бог тут не нужен никому, кроме самого Бога и ничтожной кучки несчастных людей. А наше общество исключает несчастных людей как массовое явление. Оно не делает людей счастливыми, но оно не позволяет им стать несчастными.

Не буду утруждать тебя другими аргументами. Достаточно этих. Тем более у нас нет времени, - сейчас за тобой придут. Ты пойдешь на казнь сам и пойдешь один. Ты больше не увидишь человеческих лиц и не увидишь того, кто совершит правосудие.

На основе вышеизложенного я приговариваю тебя к самой страшной для Бога казни - к бесследности и забвению.
Антипод исчез. Раздалось грозное "Встать! Суд идет!"...

Напутствие уходящему в Ничто

Храбришься ты: мол, смерть - пустяк,
Пока она сторонкой ходит.
Но вот она тебя находит.
И гонор твой тотчас иссяк.

Я слышу шаги в коридоре. Это за мной. Этот миг ожидания смерти есть последняя проверка твоего учения. Вспомни, как ты сам учил других. Оставьте страх перед Ничто и отнеситесь к нему как к равноправному партнеру Бытия. Ничто не имеет пространственных размеров. Но оно везде - оно бесконечно. Оно не имеет начала и конца, оно не имеет протяженности во времени. Но оно вечно. Оно не расчленено и неподвижно. Но оно абсолютно совершенно и гармонично. Оно не знает радости. Но оно не знает и страдания. Бытие есть лишь временно отдаленная от Всего часть Всего. Переход в Ничто есть лишь возврат части в целое...

Я шепчу эти казалось бы магические слова, но они теперь кажутся нелепыми и не дают успокоения. Неужели они действовали на тех, кого я учил им? Не верю!

И леденящий смерти страх,
Как червь, в твою вползает душу.
И беспощадно сразу рушит
Систему слов в никчемный прах.

О, Боже, отодвинь это мгновение. Фактически я же еще совсем не жил. Пусть страдания! Пусть тоска! Пусть страх! Пусть разочарование! Только не Ничто! Все, что я говорил, есть ложь!

И слов поток теперь иной.
Бесценной жизни продолженье
Хотя бы на одно мгновенье
Ты просишь дать любой ценой.

Но довольно! Хотя ты не Бог, ты все-таки человек! А это тоже кое-что значит. Встреть это как подобает мужчине. Выпрямись! Подними голову! Скажи себе: я готов, я не испытываю раскаяния за содеянное, я не прошу пощады, я хочу жить, и потому я готов умереть. Смерть есть часть жизни, завершающая жизнь. Умри достойно человека. Достойная смерть очищает от всех грехов и

исправляет все земные недостатки. И не надо слов. Смерть надо встречать молча.

Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И не способен сам Творец
Остановить времен течение.
В лицо Небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал - благодарю,
Вдвойне - что взял ее обратно.

Эпилог

...Прошло несколько лет.

Дверь в самую захудалую и потому самую популярную "забегаловку" в Новых Липках открылась и впустила известного в свое время в городе тунеядца, пьяницу, трепача и "целителя" Ивана Лаптева.

- Смотрите! - раздались возгласы. - Никак опять Исусик объявился! Откуда ты? Слух был, что тебя в Москве "шлепнули". Значит, вранье.

- Нет, - сказал Лаптев, отыскивая место для своего полного стакана и тощего тела, - не вранье. Только "шлепнули" не меня, а нечто во мне: во мне убили Бога.

Мюнхен, 1982 г.

Achévé d'imprimer
en novembre 1985, sur les presses
de l'imprimerie Delfa, à Vevey (Suisse)